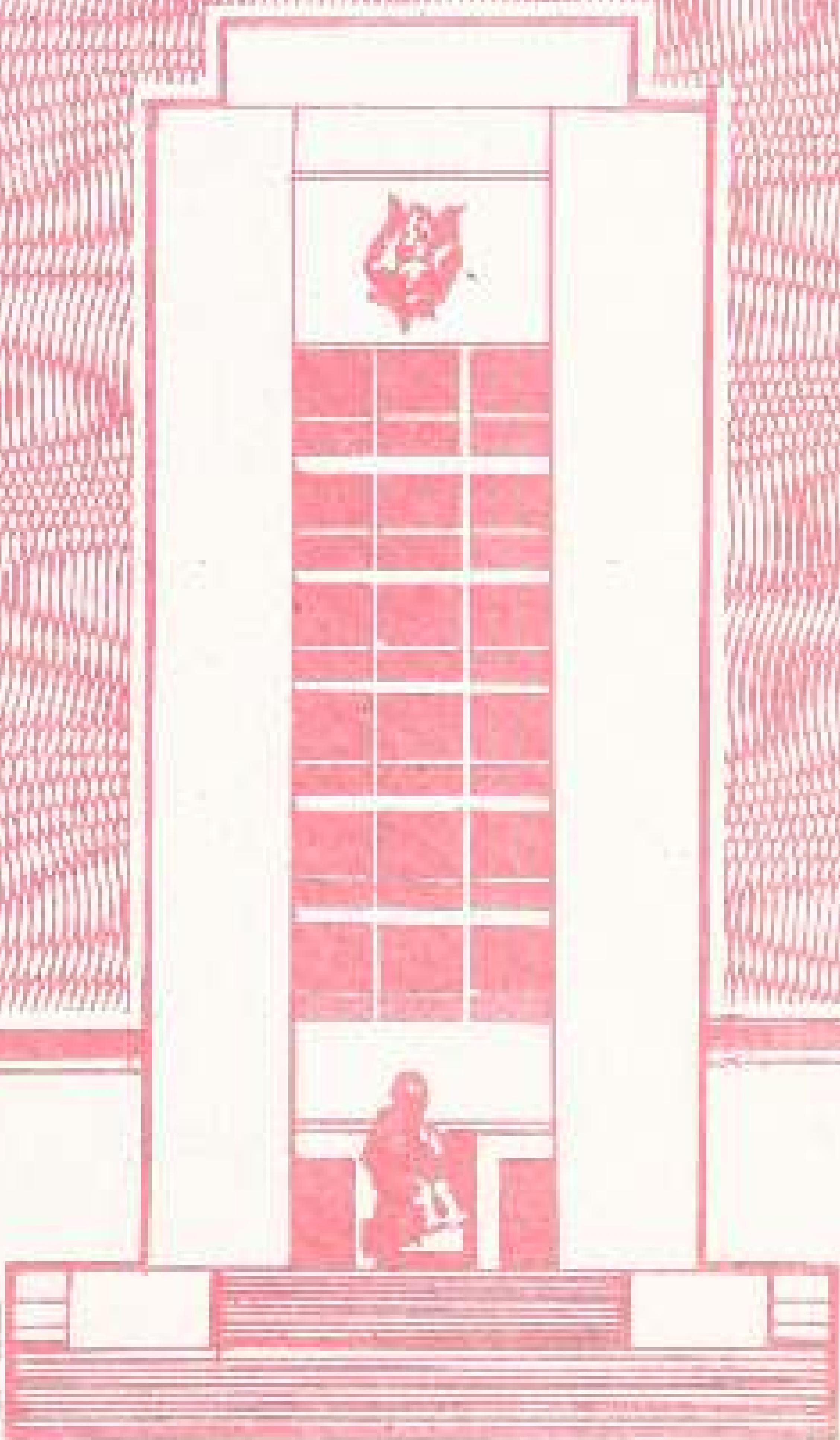

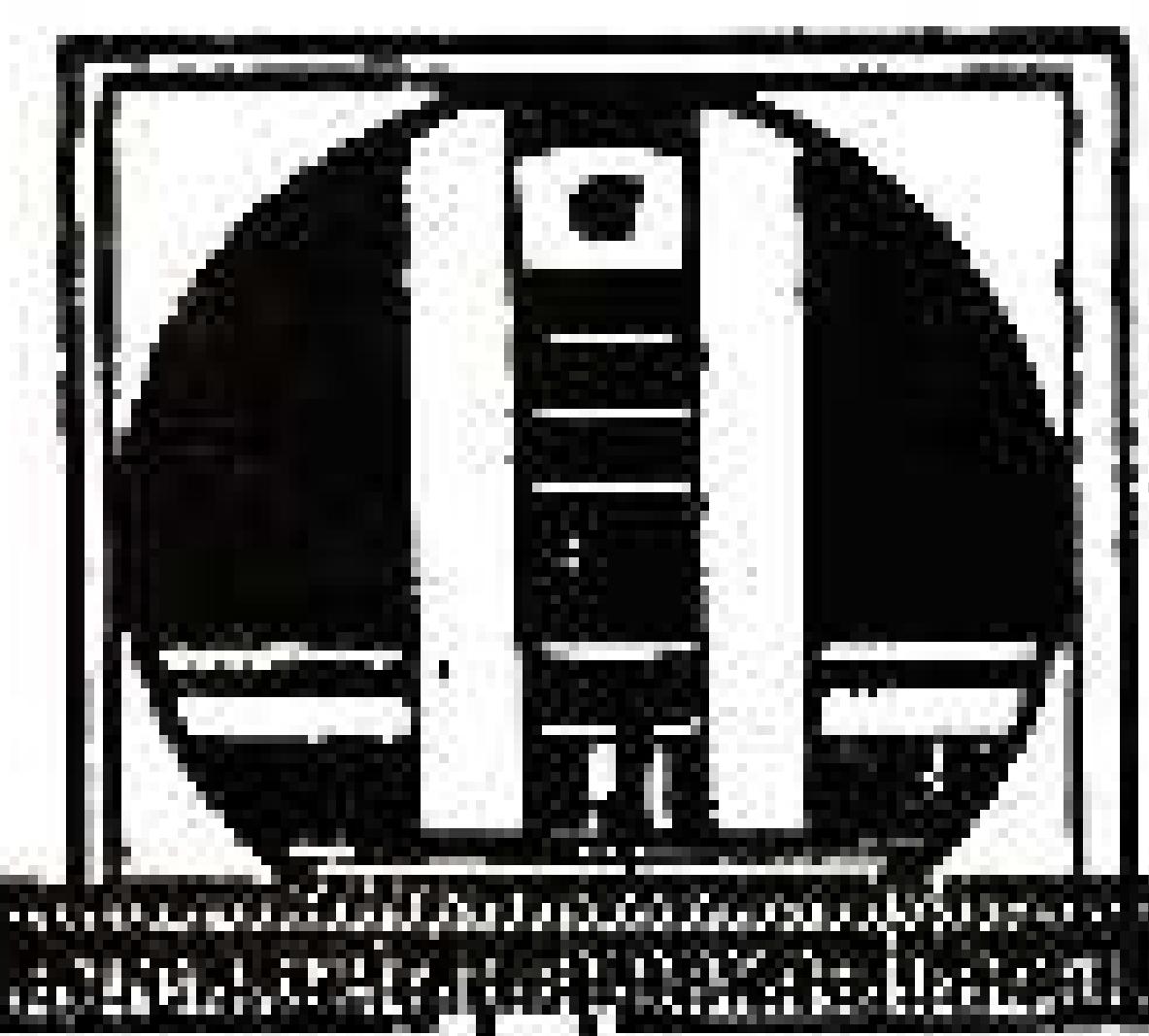
ВЕСТНИК МОРАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3
—
1995

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1995

3

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Учредитель Мордовский университет

Основан в январе 1990 г.
Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

Решение "О работе и перспективах развития регионального учебного округа Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева"	3
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	
Филология и журналистика	
Васильев Н. Л. Методологические аспекты изучения и преподавания истории русского литературного языка	6
Лемов А. В. Новые подходы к программе обучения русскому языку в современной школе	9
Сывороткин М. М. Этимология некоторых диалектных фразеологизмов с затемненным составом (На материале русских говоров Мордовии и Навашинского района Нижегородской области)	12
Иванова Г. С. О качестве гласного общемордовского непервого слога	16
Поельцева Л. А. Условия истинны (Гносеологические основания достоверности публицистической информации)	20
Ржанова С. А. Социальный аспект массовой коммуникации (На примере массовой информации)	22
Потапов П. Ф. Пресса и национальное самосознание народов Поволжья	26
Экономика и инспруденция	
Тропина Л. П. Проблема определения эффективности в социально-культурной сфере общественного производства	32
Фирсов С. Н. Процессуальный порядок возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда	35
Абрамов В. Г. Понятие института юридической ответственности в экологическом праве	39
История	
Автайкин И. Е. Некоторые проблемы изучения отечественной истории	42
Каштанов О. А. Промышленное развитие Марий Эл, Мордовии и Чувашии в период осуществления политики индустриализации. 1926 — 1941 годы (Историография проблем)	46
ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	
География	
Рунков С. И. Палеогеографические условия формирования и развития покровных оледенений Мордовии	49
Медицина	
Атясов Н. И. Перспективы вливаний в веноанос русло костей в медицинские катастрофы	54

Федоткина Л. К., Лепцанкина Н. Ю., Костина И. Я., Спасов А. А. Клиническая оценка противоритмической активности ритмидазола	57
Пешев Л. П., Кузьмина Н. П., Кокнаева О. В. Критерии выбора хирургической тактики при выпадении матки	59
Математика	
Шестаков А. А., Щепинков В. Н. Устройчивоподобные свойства автономного функционально-дифференциального уравнения на базе функций Ляпунова	
ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Карташов В. А., Крещев Н. М. О решении плоской задачи теории упругости в декартовых координатах при заданных напряжениях	63
Савельев А. П., Карпов А. М., Кисляшкин М. Ф. Обоснование уравнения траекторий движения колорадского жука при стряхивании с картофельного растения	69
ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
Кирдышов В. Ф., Писачкин В. А. Этика борьбы и сотрудничества (Рец. на книгу: Киричек П. Н. Публицистика и политология. Природа альянса. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 84 с.)	71
Нежданов В. А., Пресняков В. Н. Международная научно-практическая конференция "Регион и география"	72
Фролов Александр Федорович (К 60-летию со дня рождения)	75

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редакционная коллегия

Атясов Н. И., Балашов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь),
 Вантиюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридин А. Е., Иадев В. И., Кокорев В. А.,
 Жапшин С. А., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора),
 Мокшин Н. Ф., Наумченко И. Л., Нестров С. А., Ревин В. В.,
 Савкин Н. С., Селяев В. П., Сухарев А. И., Шинкин П. В.

Адрес редакции: 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

Сдано в набор 28.08.95. Подписано в печать 06.10.95. Формат 70 x 100 1/16. Бум. газетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. п. л. 6,18. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 6,51. Тираж 800 экз. Заказ 898. Цена свободная.

Типография Издательства Мордовского университета.
 430000, Саранск, ул. Советская, 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕТИЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

РЕШЕНИЕ

**"О РАБОТЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Н. П. ОГАРЕВА"**

52 июля 1995 г.

Одним из стратегических направлений реформирования системы образования Российской Федерации является структурная перестройка образовательного пространства, основными направлениями которой являются:

— разработка и внедрение государственных образовательных стандартов общего и профессионального образования всех степеней с федеральным и национально-региональным компонентами;

— дифференциация и интеграция образовательных учреждений по уровням и профилям образования, территориям их функционирования;

— становление новой системы государственно-общественного управления образованием на основе приоритетного развития академического самоуправления коллективов образовательных учреждений и разграничения полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов управления образованием.

На современном этапе особую активность в структурной перестройке образовательного пространства проявляют академические сообщества и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, усилия которых по формированию качественно новых региональных систем образования получают поддержку федеральных органов управления образованием.

Одним из регионов, в котором проводится большая работа по развитию системы образования, является Республика Мордовия. В республике сохранены и последовательно развиваются все образовательные учреждения общего и профессионального образования, создаются условия для вариативного образования и образования по выбору, становления образовательных учреждений "повышенного типа" — гимназий, лицеев, колледжей.

В академическом сообществе Мордовии ведущая роль принадлежит коллективу Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. Университет выполняет большую работу по консолидации творческого потенциала всех образовательных и научных учреждений республики и использованию его в целях решения стратегических задач обновления содержания образования, особенно гуманитарного, организации взаимодействия научно-педагогических работников высшей и средней школы по общеобразовательным предметам и направлениям профессиональной подготовки. Эта деятельность приобрела качественно новый характер в связи с созданием в 1993 году Регионального учебного округа Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, представляющего собой добровольное академическое сообщество учебных заведений Республики Мордовия.

К настоящему времени учебный округ объединяет более 70 образовательных учреждений республики, в том числе все высшие учебные заведения, инновационные образовательные учреждения среднего общего и профессионального образования, ряд научных учреждений, хозяйственных и коммерческих организаций.

Возглавляют и координируют деятельность округа Попечительский совет во главе с ректором университета, научно-методический совет и дирекция. Создано 27 научно-методических секций по предметам и направлениям образования. Секции работают по перспективным планам, главным содержанием которых является:

- создание рабочих учебных планов, программ, учебников и учебных пособий по национально-региональному компоненту государственных образовательных стандартов;
- создание "сквозных" образовательных программ, обеспечивающих преемственность различных ступеней образовательной и профессиональной подготовки учащихся по основным направлениям;
- издательская деятельность;
- разработка рекомендаций по совершенствованию управления региональной системой образования.

Деятельность учебного округа плодотворно воздействует на качество работы всех образовательных учреждений республики, содействует становлению органически целостной региональной системы образования, повышению уровня государственно-общественного управления ее функционированием и развитием.

Опыт работы Регионального учебного округа Мордовского государственного университета получил высокую оценку Всероссийской научно-практической конференции "Интеграция региональных систем образования" состоявшейся 16 — 18 мая 1995 года в г. Саранске.

Учитывая изложенное и руководствуясь Законом Российской Федерации "Об образовании", постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 1995 года № 498 "О развитии системы высшего и среднего профессионального образования в Российской Федерации", Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию, Министерство образования Российской Федерации, Государственное Собрание Республики Мордовия, Правительство Республики Мордовия решают:

1. Одобрить опыт организации и работы Регионального учебного округа Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева как одну из перспективных форм интеграции региональных систем образования на территориях субъектов Российской Федерации.

2. Создать опимальные условия для дальнейшего развития деятельности Регионального учебного округа Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева как экспериментальной формы академического самоуправления региональной системы образования на территории субъектов Российской Федерации.

В этих целях:

2.1. Принять меры по включению Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева в число ведущих университетов Российской Федерации.

2.2. Предоставить научно-методическому совету Учебного округа университета и экспертной комиссии Министерства образования Республики Мордовия право подготовки рекомендаций к изданию учебно-методической литературы, предназначенной для образовательных учреждений республики.

2.3. Для обеспечения издательской деятельности Учебного округа создать издательский фонд Попечительского совета. Издательство Мордовского государственного университета считать базовым издательством округа.

2.4. Обеспечить завершение строительства объектов образовательных учреждений Учебного округа, включенных в инвестиционные федеральные и республиканские программы 1995 года.

3. Считать основными направлениями академической деятельности учебного округа на 1995 — 2000 годы:

— разработку национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов для всех ступеней и направлений общего и профессионального образования;

— подготовку и издание образовательных программ, учебников, пособий для научно-методического обеспечения всех учебных дисциплин, включенных в национально-региональные компоненты государственных образовательных стандартов;

— кадровое и научно-методическое обеспечение системы повышения квалификации педагогических работников всех образовательных учреждений Республики Мордовия;

— создание региональной системы академической информации на базе Мордовского республиканского центра новых информационных технологий;

— активную поддержку становления инновационных образовательных учреждений (гимназии, лицеи, колледжи), разработку для них учебных планов, обеспечивающих высокое качество образования и преемственность всех ступеней общего и профессионального образования.

4. Считать целесообразным установить должность проректора Мордовского государственного университета — директора Регионального учебного округа Мордовского государственного университета.

5. Финансирование деятельности Учебного округа осуществлять на основе консолидирования бюджетных и внебюджетных источников с целью реализации конкретных проектов академической деятельности, согласованных руководством округа с Госкомвузом, Минобразованием России, Правительством Республики Мордовия.

6. Контроль за исполнением настоящего решения возложить на заместителя Председателя Госкомвузу России В. М. Жураковского, заместителя министра образования России В. К. Бацина, заместителя Председателя Государственного Собрания Республики Мордовия А. Н. Бурканова, заместителя Председателя Правительства Республики Мордовия В. Д. Сироткина.

Председатель Государственного
комитета Российской Федерации
по высшему образованию

В. Г. КИНЕЛЕВ

Министр образования
Российской Федерации

Е. В. ТКАЧЕНКО

Председатель Государственного
Собрания Республики Мордовия

Н. И. МЕРКУШКИН

Председатель Правительства
Республики Мордовия

В. Н. ШВЕЦОВ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

© 2013 Pearson Education, Inc.

ФИЛОЛОГИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Н. Л. ВАСИЛЬЕВ, доктор филологических наук

История русского литературного языка вследствие ее относительной молодости как науки и учебной дисциплины еще не обрела прочного методологического фундамента. Несмотря на обилие работ по данной проблематике, по-прежнему актуальны вопросы происхождения русского литературного языка, его взаимоотношений с церковно-славянским (старославянским) языком, специфики истории русского литературного языка как самостоятельной дисциплины и др.

Наша цель — обратить внимание на отдельные обстоятельства, имеющие отношение к предмету разговора, учет которых может стимулировать изучение и преподавание истории русского литературного языка, выработку ее методологического каркаса.

Прежде всего необходимо сделать оговорку относительно самого наименования курса "История русского литературного языка" (шире — "История русского языка"), традиционно фигурирующего в учебной литературе. В строгом лингвистическом смысле оно источно, поскольку отражает историю не только собственно русского языка, начинаяющуюся, как известно, с XIV — XV вв., но и историю древнерусского языка — предшественника современных восточнославянских языков. Мы предлагаем изменить название указанной дисциплины следующим образом: "История древнерусского и русского литературного языка". В таком виде оно, бесспорно, более

информационно, корректно и исторично.

Нуждается в уточнении и содержание курса. Так, важно определить, что именно является его предметом: история русского литературного языка или история литературного языка русских (в России). В первом случае автоматически отпадает надобность, например, в изучении русифицированных памятников старославянского языка ("Остромирово евангелие", "Изборник" 1073 и 1076 гг., произведения К. Туровского и др.). Это компетенции таких вузовских дисциплин, как "Старославянский язык" и "Древнерусская литература".

Требуется и более четкий подход к понятию "литературный язык" поскольку по традиции "история русского литературного языка" интерпретируется едва ли не как история языка художественной литературы, особенно применительно к новейшему периоду (XVIII — XIX в.). Вопрос об объеме и содержании термина "литературный язык" в целом не выпадает из поля зрения авторов учебных пособий (порой ему уделяется даже чрезмерное внимание), но рассматривается без должной последовательности.

Литературный язык — это инструмент, с помощью которого национальный язык реализует себя в сферах государственности и культуры. Если разговорная речь охватывает область быта, то на долю литературного языка приходится несравненно больший спектр сфер: законотворчество, делопроизвод-

ство, публицистика, информационное обеспечение (периодическая печать, радио, телевидение), наука и ее популяризация, обучение, отчасти художественная литература и бытовая жизнь.

Соответственно литературный язык предстает не как абстрактная данность, а как система стилей: официально-деловой (правовые акты, документы), публицистический (государственное, политическое, идеологическое, религиозное, судебное красноречие), нейтрально-информационный (язык средств массовой информации), научный, научно-популярный и др. Следовательно, история литературного языка должна рассматриваться прежде всего как история литературных стилей (с учетом их первоначального синкретизма). Только в этом случае выявляется картина возникновения, развития, взаимодействия и компенсаторного замещения (см. ниже) конкретных стилевых проявлений литературного языка.

Так, основы древнерусской деловой письменности закладываются уже в IX – X вв. на базе устных правовых норм, существовавших в Киевской Руси [9, с. 48 – 52]. Зачатки публицистического стиля возникают в XI в. в связи с осознанием древнерусской государственности, места Древней Руси в христианском мире (“Слово о законе и благодати” Илариона). Элементы нейтрально-информационного стиля развиваются в начале XVIII в. (“Ведомости”, 1703 г.). Основы научного языка формируются в середине XVIII в. в связи с открытием Академии наук, Московского университета, деятельностию М. В. Ломоносова и других русских ученых, способствовавших формированию научной терминологии [7, с. 4]. Популяризация науки, первоначально осуществлявшаяся даже в форме поэзии (Кантемир, Ломоносов), обретает свое самостоятельное стилевое выражение, по-видимому, не ранее второй половины XIX в. (ср. с мнением Н. Я. Сердобинцева [13]). Появление производственно-технической разновидности научного стиля связано со

временем интенсивного развития промышленности в России, ее технологического обеспечения, требовавшего соответствующей документации, инструкций (конец XIX в.). Развитие языка художественной литературы (прежде всего поэтического), вероятно, следует отнести к XVII в. — периоду новой русской словесности. Однако необходимо учитывать, что художественный стиль, несмотря на его авторитетность и даже доминацию в определенные моменты языковой истории, не является в строгом смысле литературной формой выражения: включает в себя и такие эстетические феномены, как барокониканы.

Парадоксально, но при последовательном подходе к понятию “литературный язык” из его области, видимо, придется исключить не деловые тексты (это предлагали некоторые лингвисты — А. А. Шахматов, Б. О. Унбераун), а культово-религиозные, ввиду их сакрального, узкоприкладного характера. Религия как эзотеричная форма идеологии требовала и соответствующего — малопонятного, искусственно- книжного — языка, отдаленного от собственно культурных (светских) потребностей общества и государства [4, с. 81]. Разумеется, при этом мы не должны упускать из виду роль церковно-славянского языка в развитии русского литературного языка.

Если же рассматривать историю русского литературного языка как историю литературной речи наших соотечественников вообще, то с неизбежностью придется принять во внимание и функционирование других языков в русской культуре — не только старославянского, но и французского, латинского, польского, немецкого.

Так, знание польского языка в XVII в. считалось обязательным признаком образованного дворянинка [3, с. 32]. Ту же знаковую роль, но в несравненно большем масштабе выполнял в России в более позднее время французский язык. Его распространению в речи дворянства, разночинской интеллигенции способствовала и недостаточная семантико-стилистическая гибкость русского языка. Сетуя на неразвитость

отечественного "метафизического языка", А. С. Пушкин писал, что "ленья наша охотнее выражается на языке чужом, костя механические формы давно готовы и всем известны" [11, с. 31]. Латинский язык, будучи средством общения ученых средневековья, использовался для научных и учебных целей в России вплоть до середины XIX в. На нем велось обучение в Славяно-греко-латинской академии, отчасти в Московском университете. Даже в 1820-х гг. латынь звучала на торжественных актах, знание ее требовалось для написания студенческих, кандидатских, магистерских и докторских работ [10, с. 15 — 80]. Немецкий язык, изучавшийся в гимназиях наряду с французским [8], также имел определенный "вес" в литературном общении. Этому способствовало и наличие немецкого элемента в российском этносе и культуре (царская семья, чиновничество, армия, гувернеры, мастеровые). Примечательно, например, что М. М. Бахтин (1895 — 1975), воспитывавшийся гувернанткой, с детских лет "думал по-немецки, говорил по-немецки" [12, с. 150]. На немецком языке — международном языке лингвистики — был написан знаменитый труд русского ученого Н. С. Трубецкого (1890 — 1938) "Основы фонологии".

Среди "сквозных" тенденций развития русского литературного языка (политехнизация, европизация, демократизация и др.) не учитывается в должной мере интеллектуализация литературно-разговорного общения. Получается, что основное достижение русских литераторов, публицистов, ученых XIX в. сводилось к прививке литературному языку "простонародного" духа. Между тем многие деятели российской культуры, в частности М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, ссыпали прежде всего на недостаточность книжно-отвлеченных ресурсов русского языка, нехватку отечественного "метафизического языка" и стремились способствовать его развитию [1]. Соответственно подчеркивается и роль научной терминологии в языковом син-

тезе, осуществленном Пушкиным [2]. В большей четкости нуждается вопрос о разграничении предмета так называемой "исторической грамматики русского языка" и "истории русского литературного языка", образующих единое целое — "историю русского языка". В строгом смысле литературный язык — система орфоэпических, грамматических и лексико-стилистических норм (с учетом письменной формы — и орографических, пунктуационных, жанровых). Поэтому разделение истории русского языка как учебной дисциплины на два раздела достаточно условно, искусственно, методологически уязвимо. Основанием для этого является лишь то обстоятельство, что "историческая грамматика" изучает главным образом систему языка (в том числе и литературного), а "история литературного языка" — комбинацию литературной речи (стилистические нормы, приемы использования тех или иных языковых ресурсов).

Если начальные этапы формирования русского литературного языка изучены достаточно полно, то характер его развития во второй половине XIX в. и особенно в XX столетии почти не прослеживается [см., напр., 5, 6]. Получается, что история литературного языка в послепушкинское время как бы прервалась или же замедлила свой ход до такой степени, что приходится говорить лишь о "стабилизации" его норм. В результате остаются нераскрытыми, например, такие вопросы, как особенности художественного языка писателей "серебряного века" (с их грандиозными стилистическими экспериментами), развитие научно-популярного и научно-технического подвидов научного стиля, упадок письменной культуры в послеоктябрьское время и др. Вместо них в типовой программе по истории русского языка (М., 1989) фигурируют темы, выходящие, на наш взгляд, за пределы истории литературного языка, дублирующие специальные вопросы других учебных курсов: "функции русского литературного языка как средства межнационального общения и орудия

культурной деятельности народов Советского Союза", "функции русского литературного языка как международного", "местные варианты нормированной устной речи".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев Н. Вопрос о "метафизическом языке" в истории русской литературы и ее языка // Сб. тез. VI Междунар. конгресса преподавателей рус. яз. и литературы. Секция № 5. Будапешт, 1986. С. 25 — 27.
2. Васильев Н. Л. Научная лексика в языке А. С. Пушкина: Учеб. пособие / Мордов. ун-т. Саранск, 1989. 90 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
4. Воляшинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 174 с.
5. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М.: Выш. шк., 1984. 319 с.
6. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. 384 с.
7. Кутева Л. Л. Формирование языка русской науки. М.; Л.: Наука, 1964. 220 с.
8. Лагун В. Гимназии: какие они были? // Странник. 1994. № 2. С. 20 — 30.
9. Ларин В. А. Лекции по истории русского литературного языка (Х — середина XVIII в.). М.: Выш. шк., 1975. 327 с.
10. Летопись Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 536 с.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. 768 с.
12. Рваговиры с Бахтиным // Человек. 1993. № 4. С. 141 — 154.
13. Сердобинцев Н. Я. К истории научно-популярного стиля // Вопросы стилистики. Вып. 11. Саратов, 1976. С. 83 — 109.

НОВЫЙ ПОДХОД К ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

А. В. ЛЕМОВ, кандидат филологических наук

В Саранской школе-комплексе № 39, входящей в Региональный учебный округ при Мордовском университете, впервые в Мордовии осуществляется переход обучения русскому языку на новую программу, разработанную с учетом теоретических достижений современной лингвистики. Чем вызван подобный эксперимент, который потребует от его организаторов педагогического подвижничества и преодоления многих устоявшихся стереотипов содержания программы по русскому языку в начальной и средней школе?

В русском языкознании, пожалуй, как ни в какой другой науке, наблюдается парадоксальная ситуация, связанная с тем, что полученные чуть ли не в течение целого столетия научные представления о структуре и механизме языка лишь незначительно влияют на изменение содержания школьных программ и учебников. Это содержание в некоторых областях лингвистических

знаний, в частности фонетике, сложилось еще во времена М. В. Ломоносова и до сих пор представлено, в своих основополагающих элементах, в начальной и средней школе. Вообразить такое состояние дел в соотношении между, условно говоря, школьной и научной физикой, химией, биологией и т. д. просто невозможно. В преподавании русского языка это у многих учителей и представителей административных органов просвещения не вызывает недоумения.

Между тем реальная ситуация с усвоением правописания (не говоря уже об изучении языка как инструмента общения) не может быть признана удовлетворительной. В связи с этим известны попытки учителей-новаторов улучшить положение дел в основном за счет разработки новых форм и приемов обучения, но чаще всего на все той же, устаревшей теоретической базе лингвистики. Существует и другой путь ус-

в совершенствования процесса преподавания русского языка в школе: создать новые методики на основании введения в программы и учебники научных достижений в области языкоznания.

Современный период развития лингвистики ведет свой отсчет со времени открытия фонемы. Идеи фонемных представлений о звуковом строе языка оказались верными и для других языковых уровней: лексического и грамматического. Фонология не могла не оказаться плодотворной для выяснения отношений между буквой и звуком и для новой (не морфемной) интерпретации ведущего принципа русской орфографии. Именно здесь, на пересечении фонологии и орфографии, находится точка приложения оригинальной методики изучения русского языка в школе. Эта методика стала разрабатываться в рамках развивающего обучения. Впервые подходы к ней были намечены в проектах программ с так называемым углубленным изучением русского языка и литературы в конце 60-х — начале 70-х годов. Венцом этой работы стал подготовленный в Институте русского языка АН СССР Просект программы по русскому языку для средней школы [5]. В указанном детальном и обширном документе преодолены недостатки действующей и поныне школьной программы: последняя не соответствует современному уровню развития лингвистики, и не школьной программы осталась фонология, без которой невозможно современное научное представление о языке. В ней отсутствуют важнейшие грамматические понятия и термины, без которых нельзя изучать язык как систему, смешиваются логические и языковые, лексические и грамматические критерии в подходе к частям речи и членам предложения. Орфография предстает в виде разрозненных правил, что и не может быть иначе при отсутствии в программе фонологии [5, с. 7].

Прежде чем провести эксперименты с реализацией новой программы в средней школе, авторы консультировались с психологами, методистами, учителями и в результате консультаций пришли к выводу о том, что ученики сред-

них способностей могут усвоить предлагаемый материал и что эта программа рассчитана не на выдающихся мастеров-учителей, а на учительскую массу. Первую проверку программа прошла в некоторых школах Москвы под руководством Г. Г. Граник (Институт психологии АПН СССР) и Харькова под руководством П. С. Жедек (Государственный педагогический институт им. Г. С. Сковороды). Понадобилось более двадцати лет, наполненных дальнейшей апробацией идей развивающего обучения в отдельных классах и школах страны, продолжением работы над научно-методическим обоснованием нового метода, привлечением сторонников в научных и педагогических коллективах, созданием неординарных книг для учащихся и учебных пособий [см., например, 1; 4; 8], преодолением, наконец, сопротивления администраторов от педагогики, прежде чем появились учебные комплексы по системе развивающего обучения. Они представляют собой полный цикл сопровождаемых методическими комментариями учебных материалов от буквального периода до завершения обучения русскому языку. Все это позволяет учителям, ищащим новых дорог, свежих взглядов на преподавание своего предмета, идти не вследу, на свой страх и риск нащупывая путь, используя разрозненные методические рекомендации, а встать на твердую почву научно обоснованной, подкрепленной авторитетом ведущих русистов страны, полностью обеспеченной учебниками и методическими материалами системы обучения.

Отметим принципиальность отличия анализируемого метода в важнейшей с точки зрения школьных учебников части обучения русскому языку: усвоении орфографии. Психологические исследования доказали, что адекватное усвоение учебного материала происходит при внесении в него фундаментальных понятий, на базе которых формируются практические навыки [2]. Школьная традиция до недавнего времени применительно к орфографии в качестве такого фундаментального понятия пред-

лагала основной принцип русского правописания, трактуемый как морфологический (в современной терминологии — морфематический, или морфемный). Но, к сожалению, обращение к морфемному принципу русской орфографии на страницах школьного учебника было в определенной степени декларативным. Учет основного принципа “ис отразился в заданиях... они остались упражнениями в применении не связанных между собой правил” [3, с. 27]. Причина этому в том, что морфематический принцип, согласно которому значащие части слова независимо от произношения пишутся одинаково, несовместим со сложившейся системой обучения орфографии. Он предполагает знания из области морфемной структуры слова и навыки чтения на морфемы, что в свою очередь требует сведений из лексикологии и грамматики. Следовательно, полностью осознать этот принцип учащийся может, лишь изучив и усвоив практически весь курс лексики, морфемики, словообразования и грамматики.

Развитие учения о фонеме привело к иному пониманию основного принципа русской орфографии и строения алфавита. Выяснилось, что алфавит — это фактически перечисление фонем, а не звуков русского языка. Также выяснилось, что орфографическая запись — это фиксирование фонем в их сильной разновидности. Так, например, звуки [о], [а], [ъ] — представители одной фонемы. Сильная ее разновидность — та, что встречается под ударением, — [о]. Поэтому в морфемах, где чередуются перечисленные звуки, для письма выбирается буква о: поле — поля — полевой.

Если не учитывать исключений, фонемный принцип позволяет регулировать три вида написаний. Написание безударных гласных, и не только в корнях слов. Ср.: в поле, потому что в окне. Орфограммы согласных — второй вид написаний — проверяются в сильной позиции по звонкости — глухости (перед гласными, сонорными и [в]): код — кода, кот — кота; лодка — лодочка; сбить —

слить — свить. И третье: мягкий знак перед мягкими согласными проверяется сильной позицией по твердости — мягкости (если последующий мягкий согласный чередуется с твердым; конец слова): Кузьмич — Кузьма, киньте — кинь.

Все три случая фонемной интерпретации орфограмм в целом не отвергают морфематический принцип орфографии, но в отличие от последнего фонемный принцип позволяет руководствоваться им на начальном этапе обучения грамотному письму, так как позиционные чередования фонемы можно показать на простейших, непроизводных словах. На таких же примерах можно увидеть и различие между сильной и слабой позициями. Однако в любом случае анализируемый подход к орфографии должен сопровождаться серьезной перестройкой содержания обучения. Во-первых, возрастает значение понятия «орфограмма», которое перестает быть просто модным термином, а начинает играть существенную роль в развитии орфографической зоркости, то есть в умении распознавать место в слове, где таится ошибка. Во-вторых, уже на начальном этапе обучения письму в сознание учащихся внедряется общая закономерность русской орфографии и связанный с этой закономерностью алгоритм поиска правильного написания, то есть нахождение сильной позиции фонемы. Естественно, что к понятию фонемы ученик подводится постепенно, через усвоение необходимых для этого терминов и сопутствующих понятий. Уже в первом классе учащиеся узнают, что такое позиционное чередование звуков, сильные и слабые позиции фонем, фонемная транскрипция. Сравните определение фонемы, данное в учебнике для первого класса после цикла подготовительных заданий и упражнений: “Слова (и их части) отличаются друг от друга не отдельными звуками, а рядами позиционно чередующихся звуков. Эти ряды в грамматике называются фонемами” [6, с. 90]. И далее: “Любую фонему можно узнать по звуку, который

представляет ее в сильной позиции" [6, с. 91].

После определения фонемы вводится в понимание основного принципа русской орфографии как фонематического: "Буквы в слове обозначают не звуки, а фонемы, из которых построено слово. Если фонема в слабой позиции, то обозначающая ее буква является орфограммой" [7, с. 92].

Анализируемая программа с учетом апробации в школе постоянно совершенствуется. Так, в частности, третье издание учебника для первого класса, одобренное Министерством образования Российской Федерации, оперируя понятием «фоницид», отказывается от использования самого термина, оставляя знакомство учащихся с ним до следующего года [7].

Как справедливо считают авторы новой методики, можно назвать следующие результаты первоначального обучения на фонемной основе: а) у школьников складывается представление о целостном, системном характере рус-

ского правописания; б) формируются общесловарные способы постановки и решения орфографических задач; в) возникают предпосылки для анализа каждой новой орфограммы с единой позиции единого принципа русского правописания [3, с. 35]. Сформированные на начальном этапе базовые орфографические умения предполагают дальнейшее их развитие, а не перестройку.

Многолетний опыт работы нескольких школ в России и на Украине по программам развивающего обучения, анализ учебников и пособий для учителей позволяют сделать вывод, который не может быть подвергнут сомнению: предложенная программа обучения русскому языку актуальна и перспективна, а переход на нее в экспериментальных целях в начальных классах Саранской школы-комплекса № 39 заслуживает всемерной поддержки и освещения научно-педагогической общественности, и в первую очередь руководящих органов народного образования города и республики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гранник Г. С., Бондаренко С. М. Концепция Л. А. Секреты орфографии. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
  2. Дацюлов В. В. Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972. 423 с.
  3. Жедек П. С. Использование методов развивающего обучения на уроках русского языка в начальных классах. Томск: Пеленг, 1992. 60 с.
  4. Панова М. В. Занимательная орфография. М.: Просвещение, 1984. 159 с.
  5. Проспект программы по русскому языку для средней школы / Под ред. М. В. Панова. М., 1972. 115 с.
  6. Решкин В. В. Русский язык: 1 класс. Учеб. задания и упражнения: (Программа развивающего обучения). Томск: Пеленг, 1992. 144 с.
  7. Решкин В. В. Русский язык: Учебник для 1 класса: (Программа развивающего обучения). 3-е изд., перераб. Харьков: Москва: ИнфоЛайн, 1993. 127 с.
  8. Русский язык: Экспериментальные учебные материалы для средней школы: В 2 ч. / Под ред. И. С. Ильинской, М. В. Панова. М.: Педагогика, 1979. Ч. 1. 191 с.; Ч. 2. 176 с.

М. М. СЫВОРОТКИН, кандидат филологических наук

Русские диалекты на территории Мордовии в Нижегородской области относятся к владимирско-поморской группе переходных среднерусских гово-

ров. Здесь, как и повсеместно, в речи жителей иногда встречаются слова и устойчивые выражения (фразеологизмы) очень древнего происхождения.

значение которых люди объяснить не могут. Целью статьи является выявление узкодиалектных фразеологических оборотов, употребляющихся в этих говорах, объяснение отдельных слов (компонентов) с затемненным составом.

Для анализа отобрано 16 фразеологических единиц различной структуры.

1. Целые предложения.

а) ПАЛЕСТИНА ХОДИТ — распространяется заразная болезнь. "Палестина, штоль, опять ходит, Паша с Шурай беда здорово хворают, бант, ни фстают". Или: "Топерь вон и коровы, и телята хворают, тотак кака-та палестина ходит". По мнению В. И. Даля, «Палестина (Иудея, земля Ханаанская, вероятно искаж. Филистимляне), говор в народе в значении: отчество, отчизна, родина, родные домашние места... Влад. равника?» [1, т. 3, с. 7]. «Палестина, также в выражениях: в нашей палестине, в наших палестинах "в наших краях, родных местах"... др.-русск., ст.-слав. Палестина» [3, т. 3, с. 191]. В исследуемых говорах слово получило иное значение — "заразная болезнь".

б) ПЛАНИДА НАШЛА — особое состояние человека. "Нашла на мини в леси кака-та планида, я и запуталась" Или: "Вот найдёт планида на голову, все дела бросай" В. И. Даль слово "планница" объясняет так: «Народ говор. планида, болс в знач. гороскопическом вм. судьба. "Счастливая тебе дала планница!"» [1, т. 3, с. 121]. Как видим, в говорах слово "планница" также употребляется в ином значении.

2. Фразеогиазмы, представляющие собой словосочетание существительного и прилагательного как с предлогами, так и без них.

а) ЦЕЛЫЙ МАР — очень много, большое количество. "Молька-та в омути набита целай мар". Или: "Ягод-ти вони в леси и черниги, и землянки мар целай". Слово "мар" имеет несколько

значений. По определению В. И. Даля, "мар юговост. одиночный бугор, курган, насыпь или природная сопка" [1, т. 2, с. 307]. А. Г. Преображенский дает иное толкование этого слова: "сухой туман, мгла" [2, с. 547]. Оба эти значения указывает и М. Фасмер: «мар I "солнечный зной; сухая мгла; сон"» и «мар II "холм; насыпь; могильный холм", ю.-вост. Из морд. м.* [3, т. 2, с. 571]. По мнению Д. В. Цыганкина, "мар — мордовского происхождения, буквально куча, бугор, совокупность" [4, с. 170]. Вердимо, последнее толкование позволило в говорах переосмыслить значение слова "мар" как "множество, большое количество".

б) В КОРЕННОМ БРЫЗГУ (ПРЫСКУ) — в самой силе, в расцвете лет. "Маруська-та топерь в коренном брызгу, любо-дорого поглядеть". Или: "Был и я в коренном прыску, да уш года-ти ушли". В словаре В. И. Даля "брэзг" — "лучшес, вскось хлебнос зерно... отби-расмос на осмысна". Есть и другие значения: "какое-либо орудие или снаряд для брызганья; кропило или всыпчик, для спрыскивания белья; род ручного насоса... шприц, спрынцовка, насосик" [1, т. 1, с. 134]. Но, вероятно, слово "брэзг" ("прыск") в исследуемых говорах близко к значению "самый жар, спех работы; летняя рабочая пора, страда", а еще точнее "прыск" — "цве-тущая пора, налив, самая сила... Чело-век в прыску, сиб. в соку, в силе, в поре первой измужалости" [1, т. 3, с. 551]. Это последнее значение до сих пор сохранили данные компоненты.

3. Фразеогиазмы, состоящие из глагола и существительного в косвен-ных падежах или наречия.

а) ВАЛИТЬ ГУЖОМ (ГУЖА-РОЙ) — о большом количестве, потоке людей. "Самолёт-ат немецк-ат вон там за деревней упал, народ-ат и повалил гужом с огордоф-ти". Или: "Гляди-ка, Ниора, на собранья-та народ-ат прямо гужарой валит, тотак скоро начнётся". У В. И. Даля читаем: "гужем (нар.) привезенный, сухопутный, извозный,

на колесах или на полозу, а не водою доставленный" [1, т. 1, с. 417]. По мнению М. Фасмера, «гуж, род. п. гужá, гужом — нареч. “сущей”» [3, т. 1, с. 471], а в других славянских языках — в значении “жгут, чалма, ремень”. Слово “гужарой”, вероятно, словообразовательный вариант местного характера.

б) ДОКАТИТЬСЯ (ДОЙТИ) ДО ТУМАТУ — сойти с ума. “Мотряй со своей-ти учёбай до тумату докатисся”. Или: “Кабы в больницу тогда ни попала, так бы и дошла до тумату”. По мнению М. Фасмера, «тума “мстис, полурусский, полутатарин, южн. ... дон. ... тумак “метис”, также на смешливое прозвище жителей Нерчинска, в Забайкалье... “подкрашенный заяц”, “сибирский хорек”, “малахай, шапка-ушанка”, сиб. “полоумный”, моск., яросл., калужск. ... По-видимому, иноязычное» [3, т. 4, с. 119]. Ближе всех, конечно, значение “полоумный”. А. Г. Преображенский пишет, что “тума” — слово украинское и обозначает “овца, помесь шленки с простой, словеск смешанной породы, например, один из родителей турок или татарин, другой украинец” [2, с. 1157]. В. И. Даля приводит такое объяснение: “тума” — “орловское, чепуха, вздор, чушь, дичь, бессмыслица. Эка туму иссет. Клевета? Чудо. Диво” [1, т. 4, с. 453]. Это слово известно и мордовскому языку. “Тума” — по-мордовски (мокша) значит “дуб”. Вероятнее всего, слово “туматá” образовано от “тума” в значении “полоумный, глупый”.

в) ОТШИБИТЬ ОХОД — сильно избить, отбить что-либо. “Отéц-ат тебс, паразиту, оход-ат отшибёт, он на тибя бóгу молицца ис будет, не думай”. Или: “В дракá-ту не ввязывайся, а то оход-ат отшибут”. Что же такое “оход”? У М. Фасмера мы находим: “ох, межд. охти... отсюда охать... Звукоподражание, как и нем. ach” [3, т. 3, с. 174]. В. И. Даля дает иное объ-

яснение: “Оходня ж. или оход м. сев. вост. пищеварные и все к нему относящиеся отправления и части тела; желудок или брюхо; испражнение и порошица. Ешь, покуда оход свеж” [1, т. 2, с. 800 — 801]. Вероятно, в этом значении слово “оход” и вошло в состав фразеологизма, утратив в говорах несвязанное, свободное употребление.

г) ВЗЯТЬ (СХВАТИТЬ) ЗА ТИБО — сильно встряхнуть кого-либо за грудь и т. п. “Я тия возьму за тибо, так и знай”. Или: “Он отца-та бояцца, тот вить и за тибо возьмет”. В словаре М. Фасмера слово “тибо” отсутствует, есть только “туба” в значении “морда зверя” [3, т. 4, с. 113]. В словаре В. И. Даля находим: “тибинка? ряз. веревка. Хоть на тибинку, хоть удави”. “Тибочка? лск. — женский головной убор” [1, т. 4, с. 415]. Видимо, “тибо” однокоренное от “тибинка” и обозначает самобытный головной убор, за который можно взять, схватить человека.

д) СБИТЬ(СЯ) С ПАКЛЕЙ — столку, с панталыку сбиться. “Ты миня с паклей-ти ни збивай, видишь бис тибя дел полно”. Или: “Твоя-та мать сама кого-хощь с паклей сбьёт”. По всей вероятности, “паклей” — это фонетический вариант слова “пахвей”. По мнению М. Фасмера, «пахва ж., пахви, пахвы мн. “подхвостные ремни в лошадиной сбруе”... “ножны”» [3, т. 3, с. 221]. Такое же объяснение находим и в словаре А. Г. Преображенского: «пахва, пахвы и пахви нахвостник, ремень от седла по спине. В других славянских языках — “ножны, ремень — нахвостник» [2, с. 749]. Но наиболее полное и точное объяснение можно найти в словаре В. И. Даля: “пахва ж. или пахви, пахвы мн. на(под)хвостник, ремень с очком, от седла; в него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шию, как нагрудник не дает ему съехать на забедры. Сбить

кого с пахвей, с пахвы или с пахвое, с толку, ладу, панталыку" [1, т. 3, с. 22]. Именно в этом значении (но в другом фонетическом варианте) фразеологизм и сохраняется в исследуемых говорах.

е) НЕ ВИДАТЬ (НЕТ) НИ ЖУЖЛА — никого нет, ни единой души. "Ты куда собираися, на воли-ти нет ни жужла". Или: "Но ни стужа какая, во всей деревни ни жужла не видать". Слово "жужель" исследователи объясняют примерно одинаково. М. Фасмер слово "жужг" поясняет как "слепни, оводы", "жужла" — "насекомые-вредители", а "жужелица", "жужель" — «насекомое... вид жука, древесный жук»... Вероятно, звукоподражательное, к жужжать» [3, т. 2, с. 63 — 64]. С таким толкованием можно согласиться. Тем более и А. Г. Преображенский, и В. И. Даля сходятся на этом. В. И. Даляр считает, что "жужель, жужелки, жужелица ж. жучок из семени или разряда бегунов, скороходов" [1, т. 1, с. 562].

ж) ГНАТЬ ЛАЛУЮ — говорить не-правду, врать. "Ты мне лалую-та ни гони, я фсё про тибя знаю". Или: "Нет бы сразу признаща, а он лалую тут гонит". У В. И. Даля мы находим: "ала-лыка об. лалыка тер. ряз. картавый, нечисто произносящий буквы, особ. л вместо р. Алалыкать, лалыкать, прымолаживать, картавить, мямлить, говорить с пережевкою". "Алала, алалуя ж, тмб. лен. вздор, бред, грэзы, чепуха, бессмыслица" [1, т. 1, с. 10]. Такой же точки зрения придерживается и А. Г. Преображенский: "Алала" — "вздор, чепуха"; "алалыка" — "невнятно говорящий" [2, с. 42]. М. Фасмер даст такое толкование: «лала "болтун", лаларь — то же, лалы мн. "болтовня, шутка", также "роскошь, хорошее жилье"... Лалкать "лепетать, болтать", лалыкать — то же, сербохорв.

лалати, лалам "болтать", слвц. lalotat' "лепетать", польск. стар. lalać — то же. Сюда же, возм., лала "счастливая женщина" смол.» [3, т. 2, с. 453].

з) ОСТАТЬСЯ НА ЛЫЛАХ — быть обманутым, остаться ни с чем. "Катыка-та и фторова жениха упустила, теперь на лылах останница". Или: "Погналась за богатым, да на лылах осталась". М. Фасмер дает следующие объяснения: «лалки мн. "десны, челюсти", диал. лалаки — то же, олонецк. ... русск.-цслав. лалока... также лалыкъ, сербохорв. лалока "подбородок" словен. lalok "грудь", laloka "челюсть", чеш., слвц. lalok "двойной подбородок, отвисшая кожа на шее у животных", польск. lalok "подгрудок (у быка)"... диал. лылы "челюсть", также "вздор"» [3, т. 2, с. 454]; «лылы... "глупость, шутка (злая), проделка, диал.» [3, т. 2, с. 541]. Вероятно, это последнее значение и используется в некоторых диалектах.

4. Фразеологизмы, представляющие собой сравнительные обороты, начинающиеся с союза "как".

В говорах употребляются несколько фразеологизмов в одном и том же значении — "безвозвратно, бесполезно, без какой-либо пользы": КАК НА КАМЕНКУ, КАК В ПРОВАЛЬНУЮ ЯМУ, КАК В ПРОБРВУ, КАК В ОМЖУ. На двух компонентах этих оборотов остановимся подробнее. Слово "прорва", по мнению В. И. Даля, имеет несколько значений. Сравните: "прорва ж. прорыв, пролом, особ. от воды... рукав, соединяющий два рукава одной реки... юж. прожора, обжора, объедала, ненасыть. || Лск. мот, расточитель. || Влгд., тмб. прошастъ, бездна, провал или бездонная яма... изъян, беда, убыток, напасть" [1, т. 3, с. 525]. Последнее значение и используется в говорах. Труднее объяснить слово "омжа". По всей видимости, "омжа" — это словообразовательный вариант от "омов-

жа". Вот что пишет по этому поводу В. Г. Ян в книге "К последнему морю": "Года четыре назад я вместе с новгородскими охотниками вступил в дружину, которую призвал себе на помощь князь Ярослав, чтобы отбросить напирающие немецкие отряды. Они рвались захватить и покорить Новгород. Бились мы на реке Омовже, где князь разметал врагов и половину утопил подо льдом". В сноске дана справка: "Омовжа (Эмбах, Эмайиги) (вероятно, Эмайиги. — М. С.) — река, владающая в Чудское озеро. В устье ее в 1234 году произошла битва между новгородским войском и германскими рыцарями, окончившаяся победой новгородцев" [5, с. 70]. Вероятно, с той поры и пошло выражение КАК В ОМОВЖУ (КАК В ОМЖУ).

У М. Фасмера мы находим: «Омовжа — стар. название реки Эмайиги в

Эстонии, др.-русск. омовъжа, Новгор. 1 летоп. под 1234 г., омовжа, Псковск. летоп. под 1341 г. Соответствует эст. Eshaõgi от еста "мать", первонач. "мать-река, главная река"» [3, т. 3, с. 139 — 140].

В результате анализа можно сделать следующие выводы.

1. Большинство исследованных диалектных фразеологизмов уходят своими корнями в глубь истории. Это слова, встречающиеся в других русских говорах, хотя порой и в иных значениях. Многие из них известны не только славянским, но и некоторым индоевропейским языкам.

2. Как правило, компоненты с затемненным составом вне фразеологизма не употребляются. Таким образом, они дошли до нас и продолжают активно употребляться в многочисленных диалектах русского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. 699 с.; Т. 2. 779 с.; Т. 3. 555 с.; Т. 4. 683 с.
2. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910 — 1914. 1284 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. Т. 1. 1964. 562 с.; Т. 2. 1967. 671 с.; Т. 3. 1971. 827 с.; Т. 4. 1973. 852 с.
4. Цыганкин Д. В. Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4. С. 167 — 171.
5. Ян В. Г. К последнему морю: Роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 296 с.

О КАЧЕСТВЕ ГЛАСНОГО ОБЩЕМОРОДВСКОГО НЕПЕРВОГО СЛОГА

Г. С. ИВАНОВА, кандидат филологических наук

О качестве гласного общемордовского непервого слога в мордовской лингвистике существуют две полярно противоположные точки зрения. Одна из них принадлежит Х. Паасонену [8, с. 97] и Д. В. Бубриху [1, с. 166] и заключается в том, что в общемордовский, а также в раннемокшанский и раннеэрзянский периоды в непервом слоге слова наличествовали, во-первых,

только гласные полного образования, во-вторых, в мордовских языках в непервом слоге слова исторически были известны гласные а, у, и (ы), которые в большинстве эрзянских диалектов сохранились по настоящее время, а в других гласные у, и, (ы) перешли в о, э. "В мокшанском языке в безударном положении у, и (ы) перешли в ъ, а в исходе слов значительной части диа-

лектов в а, ё" [1, с. 171 — 172]. По мнению Д. В. Бубриха, доказательством служит хотя бы тот факт, что в современных мокшанских и эрзянских диалектах в начале многих слов наблюдается стечние согласных. В большинстве случаев это связано с выпадением гласного первого слога. Гласный второго слога, оказавшись в роли первого гласного и выйдя из сферы действия закономерностей, охватывающих не первые слоги, "легко сохранил те произносительные особенности, которые были свойственны гласным непервого слога до действия закономерностей, а в подавляющем их большинстве перед нами в первоначально втором слоге у, и (ы), но не о, э" [1, с. 11].

Эта точка зрения перекликается с теорией финской школы, которую наиболее последовательно проводят в своих трудах учёные Э. Итконен, Б. Коллиндер, Д. Лако, П. Хайду и другие. Одним из основных доводов ее представителей является то, что фонетическая структура прибалтийско-финских, в частности финского, эстонского, вепсского, языков выглядят самой консервативной, более древней, чем фонетическая структура любого другого финно-угорского языка, она сохранила самый древний вокализм, где нет редуцированных гласных [7, с. 160 — 161].

Мокшанская редуцированная фонема считается явлением вторичного порядка. Она возникла из у, и в неудачном положении, после чего в отдельных случаях в силу действия морфологических ассоциаций могла проникать и под ударение, например: с'тир' "девушка", но с'търн'я (в том же значении), впоследствии образовалось с'тър'.

Согласно другой точке зрения, в прамордовском языке-основе был редуцированный гласный, а в период самостоятельного развития мордовских языков из общемордовского редуцированного гласного в эрзянском языке развились гласные полного образования, а в шугурском диалекте эрзя-мордовского языка, как и в мокшанском языке, он сохранился, так как там создались "наиболее благоприятные фонети-

ческие условия, при которых действие ассимилятивных процессов было минимальным. Это прежде всего сохранение ударения в первом слоге" [10, с. 60].

Данная точка зрения опирается на теорию немецкого учёного В. Штейница, который считает, что финно-угорский состав гласных относительно хорошо сохранили хантыйский и марийский языки. Ориентируясь на вокализм этих языков, он делает предположение о том, что финно-угорские гласные по способу образования делились на две группы: гласные полного образования и редуцированные [7, с. 156 — 157]. Но В. Штейниц не связывал мокшанский редуцированный гласный с восстановленными им редуцированными финно-угорской древности.

Исследователи марийских диалектов опровергают положение о первичности редуцированных гласных в марийском языке [2, с. 139; 4, с. 502]. По мнению Л. П. Грузова, редукция в марийском языке связана с перемещением ударения. Она проявляется только в безударных позициях. Появление редуцированных гласных повлекло за собой изменение всей системы вокализма в ряде финно-угорских языков. Делабилизация — сравнительно позднее явление в горном наречии марийского языка. В говорах лугового и восточного наречий произошло, наоборот, усиление лабиализации: редуцированные гласные вновь превратились в соответствующие гласные полного образования [2, с. 138]. Это мнение перекликается с точкой зрения мордовских исследователей. К примеру, О. И. Чудаева писала, что мокша-мордовский язык сохранил то ударение, которое когда-то существовало в общемордовском языке; появление редуцированных гласных она связывает с переходом ударения на не первый слог [11, с. 217 — 218]. "В мокша-мордовском ударение как фонологическая категория существует. Оно интенсивнее, и качество гласных, как и в русском языке, зависит от ударения" [3, с. 265].

Д. Е. Казанцев считает, что редуцированные гласные в марийском языке не исконного происхождения, а воз-

ники под влиянием тюркских языков. Редуцированные гласные соседних (чувашского, татарского, башкирского) языков, близкие по артикуляции к мариjsким, восходят к гласным верхнего подъема. В диалектах мариjsкого языка тюркские заимствования имеют последовательные звукосоответствия, отражающие, по существу, идентичные межязыковые корреляции. В мариjsком, как и в тюркских языках, редукция гласных отмечается преимущественно в положении не перед гласным. Процесс редукции не был всеобщим и, несмотря на определенные различия, происходил по моделям, характерным для тюркских языков, главным образом для чувашского, и охватывал не все диалекты, более того, "редуцированные гласные представлены лишь в тех финно-угорских языках, носители которых в прошлом находились в составе Болгарского государства и Казанского ханства или имели с ними тесные отношения" [4, с. 500 — 502].

Как показал экспериментальный анализ, в восточно-хантыйском диалекте в действительности нет редуцированных гласных, а есть очень краткие гласные полного образования [7, с. 157].

Следует отметить, что во взглядах Х. Паасонена и Д. В. Бубриха на историю вокализма есть определенные противоречия, в частности, в вопросах о том, почему в прамордовском языке ударение было мокшанского типа, а огласовка непервых слогов — эрзянского, почему эрзянский язык пошел в своем развитии вспять, отказавшись от такого приобретения, как фиксированное ударение с элементами фонематичности. "Разве не более логичным было бы допущение, что фиксированное ударение того типа, какой имеется в мокшанском языке, — явление тоже вторичное и что редуцированный гласный в мокшанском языке возник именно с возникновением и утверждением фиксированного ударения?" [6, с. 7].

Предположение о том, что в ранне-эрзянском и раннемокшанском периоде ударение было мокшанского типа, строится на анализе фонетических условий

выпадения гласного первого слога в ряде мокшанских и эрзянских слов. Условия эти во многих случаях сводятся к тому, что выпадал узкий гласный, например: ж. ксты, э. кистой "земляника", м. кштимс, э. киштэмс "плакать" и т. д., и перекликаются с особенностями мокшанского ударения, перенос которого на непервые слоги связан с вмешательством широких гласных а, ю, перетягивающих ударение с узких и редуцированных гласных на себя.

Но в мордовских языках есть случаи выпадения гласного первого слога при отсутствии в испервом слоге широких гласных. Х. Паасонен считает их исключениями [8, с. 3]. Д. В. Бубрих также пишет, что таких случаев немного [1, с. 37]. Но, как выясняется, их не так уж и мало. Видимо, следует искать какие-то другие причины выпадения гласных первого слога.

Д. Т. Надыкин считал эрзянское динамическое ударение более древним, а на возникновение фиксированного ударения и редуцированного гласного в мокшанском языке, как и в мариjsком, оказала определяющее влияние тюркская языковая стихия. Кстати, еще Х. Паасонен отметил соответствия между мокшанским и казанско-мишарским редуцированными [8, с. 15]. "Из двух этнических отвлечений именно мокшанский этнос складывался под большим влиянием тюркского элемента. Еще в эпоху Хазарского каганата цинская мордва-мокша, чьи земли находились в непосредственной близости к территории этого крупного государственного образования, подвергалась определенному ассимилятивному воздействию со стороны тюркоязычного в основном населения. И в последующие эпохи тюркоязычное население, занимая пограничные или даже общие с мокшой территории, продолжало оказывать всестороннее влияние на формирование мокшанского этноса" [6, с. 8]. В эрзянском языке, напротив, фиксированное лексическое ударение не развилось. Возможно, в качестве сдерживающего момента был большой приток русских слов с разноместным ударением. О столкновении русской и

мордовской акцентологических систем и о влиянии русской системы на мордовскую (эрзянскую) в плане разрушения фиксированного ударения писали П. Равила, В. Д. Поливанов. По мнению Д. Т. Надькина, это влияние связано не с разрушением фиксированного преимущественно ударения, а с тормозом для сложения данного явления [6, с. 8]. С этим можно согласиться, а можно и спорить, но нельзя не признать правомерность утверждения ученого о том, что есть случай переразложения основы, подтверждающий тезис о вторичном характере редуцированного гласного в мокшанском языке (мокшанский послеслог инкса "за, для", которому в эрзянском языке соответствуют кис, кисэ с теми же значениями). «... Первый слог мокшанского послеслога по своему значению суть не что иное, как показатель родительного падежа с предшествующим гласным основы или интерфиксом, например: мэд'ин' кисы — мэд'ынкса "за медом"» [6, с. 6].

Существует еще одна гипотеза,жа-сающаяся мордовско-русских языковых отношений в области вокализма. Ее автором является В. И. Лыткин, усматривающий мордовское влияние в возникновении русского аканья [5, с. 4]. Д. Т. Надькин подвергает сомнению эту гипотезу, так как "наиболее интенсивные русско-мордовские связи в прошлом следует отнести к концу первого тысячелетия н. э. Тогда на среднем течении Оки вятичи вошли в сильнейшие контакты с той частью мордвы, которая в дальнейшем составила основной компонент эрзян. Но для эрзянского языка

и для русской речи эрзян характерно скорей полногласие и оканье, чем редукция гласных и аканье" [6, с. 9].

В современном мокшанском языке в исправленном слоге слова кроме гласных полного образования а, ё (шама "лицо", вал'ма "окно"), у из *ув, и из *ий (хуц'у из *куц'ув "ложка", мац'и из *мац'ий "гусь", мол'и из *мол'ий "идет"), реже о и э — только под ударением и в словах-заимствованиях (манто, кино, кафе) — встречается редуцированный гласный ъ, который в мокшанском языке является единицей фонологического уровня с двумя аллофонами (ъ) и (ъ'), связанными между собой отношениями позиционной мены. Аллофон (ъ) находит реализацию в позиции после непарных и парных палатализованных согласных, а (ъ') — после парных и непарных веляризованных согласных [9, с. 137 — 141]. У фонемы ъ семь (с учетом фонического нуля) противоположных, находящихся от НСС на расстоянии в один или несколько дифференциальных признаков: анък — анак; "готов — проси", парън' — пар'ян', "кадушки — я парился" хуц'ът — куц'ут' "ты поднялся — ложки", кашът — кашт' "ты спрятался — спрячься", пандън'я — пандын'я "горка — я заплатил" молът — мол'ит" "ты шел — идущего" и т. д. В чаще противостоят гласные переднего ряда и, ё, э, реже у, о, а ъ — гласные заднего ряда а, у, о, реже и (ъ'). В конце слова перед паузой ъ расширяется, становясь идентичным гласному а (после веляризованного согласного) или э (после палатализованного согласного).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.
2. Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 244 с.
3. Исаева Т. А. Об ударении в эрзя-мордовском языке // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 29. Серия лингвистическая. Саранск, 1965. С. 264 — 274.
4. Казанцев Д. Е. К вопросу о происхождении редуцированных гласных в марийском языке // Тартуский международный конгресс финно-угроведов. 17 — 23 августа 1970 г. Таллинн, 1975. С. 498 — 504.
5. Лыткин В. И. Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм // Вопр. финно-угровед. 1975. Вып. 6. С. 233 — 238.
6. Надькин Д. Т. Основа глагола в мордовских языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 1981. 369 с.
7. Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. 147 с.
8. Паасонен Х. Мордовская фонетика. Гельсинфорс, 1903. 114 с.
9. Феоктистов А. П. К обоснованию фонет-

матичности мокша-мордовского с учетом функциональной нагрузки. Будапешт, 1974. С. 134 — 141.

10. Цыганкин Д. В. Фонетика зразинских диалектов: Учеб. пособие / Мордов. ун-т. Саранск, 1979. 111 с.

11. Чудасек О. И. Ударение и редуцирование в мокша-мордовском языке // Записки МИИЯЛИЭ, № 18. Саранск, 1958. С. 217 — 218.

12. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. 878 с.

ФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФ УСЛОВИЕ ИСТИНЫ (ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ)

Л. А. ПОЕЛУЕВА, кандидат филологических наук

Требование достоверности информации в публицистике становится особенно актуальным в последнее время. Изменения, произошедшие в общественном сознании и повлекшие за собой среди прочих вольностей и весьма свободное обращение со словом — главным носителем социальной информации, требуют осмысления такой характеристики публицистического знания, как достоверность.

Нельзя сказать, что теоретики обходят стороной проблемы верификации знания, в том числе и публицистического. В исследованиях, касающихся разработки методов сбора журналистами эмпирического материала, обращается внимание на условия получения наиболее точных, достоверных данных [4, 5]. Здесь теория публицистики традиционно обращается к смежным областям знания, в первую очередь к социологии, где становление методов сбора информации (весьма сходных по объекту исследования) изначально предполагало соответствие научным требованиям. Но при этом, как правило, пренебрежение отдастся разработке процедур и методик получения достоверной информации, тогда как очевидно, что проблема должна рассматриваться с двух взаимообусловливающих друг друга позиций — общетеоретической и конкретно-методической.

Общетеоретический уровень предполагает владение определенными представлениями о гносеологических закономерностях и логике публицистического творчества как обязательном ус-

ловии и предпосылке получения достоверной информации на практике.

Что имеется в виду под достоверностью? Логика научного исследования и философия считают достоверным обоснованное, доказательное и бесспорное знание. Достоверность выступает синонимом понятия "истина" [4]. Достоверная информация та, "в которой относительно отсутствуют ошибки, которые не деформируют познавательного образца объекта" [1, с. 42], определяя степень максимального соответствия информации об объекте самому объекту.

В журналистской практике требование достоверности информации часто совпадает с требованием ее "объективности" и "независимости", которые и предполагают в конечном счете истинность. Считается, что предъявление "объективных" фактов обеспечивает гарантии достоверности журналистским высказываниям. Это во многом обусловлено бытующей среди практиков устойчивой точкой зрения на факт как на событие, явление действительности, обладающее объективностью самой действительности и потому не вызывающее сомнений в достоверности. "Право на ошибку" остается в этом случае за оценочными процедурами — интерпретацией, обобщением. Безусловно, оценочность — "сверхзадача" публицистического творчества, и ошибиться, оценивая то или иное явление, очень легко, особенно когда речь идет о сложной сфере человеческих отношений, а ведь именно вокруг них формируется публицистическое знание.

Но не избавляет от ошибок и обращение к факту, ибо в нем самом уже заложены оценочные элементы, более того, система ценностей публициста неосредственно участвует в формировании факта. Поэтому факт — спорная категория публицистического творчества, "воздух" и "хлеб" журналиста — достаточно уязвим в плане претензий на полную достоверность.

И когда журналистов справедливо упрекают в искажении правды, в неясности, многовариантности смыслов и толкований различных событий, надо иметь в виду следующие обстоятельства.

Факты могут искажаться искажением, по-наводнико, когда журналист слепо следует указаниям свыше. Бывает и заведомая ложь, желание уйти от истины во что бы то ни стало. Но наиболее интересно третье обстоятельство — присутствие в категории факта тех начал, которые дают достаточно предпосылок для разновариантного отображения целого за счет сохранения инвариантных оснований.

Сам факт еще не дает гносеологических гарантий достоверности. Достоверность может быть подтверждена общей тонкостью средств массовой информации, социально-нравственным аспектом, контекстом, в который помещается факт. Диалектика факта противоречива, и просто необходимо понимание субъективного начала, присущего в факте, для того чтобы понять причины искажения истины.

Сегодня в теории познания уже закрепились представления о факте как об особой форме знания о действительности. Как всякое знание, следовательно, факт обладает свойствами относительной ограниченности и достоверности.

Событие приобретает смысл значимого, то есть фактического, лишь потому, что оно попадает в сферу познания. Человек, будучи не в состоянии объять разом всю многомерную картину действительности, вынужден локализовать, фокусировать знание на отдельных ее сторонах, гранях. Происходит как бы некое структурирование ре-

альности, обязательное разделение целого на части. Факт и предстает таким "фокусированным" на узлах структурированной действительности знанием. Поэтому и количество фактов может быть бесконечным — в зависимости от направленности "познавательного" луча, высвечивающего одну из бесчисленных сторон реального. Уместно сослаться на мнение теоретиков: "...наше знание о событии квалифицируется как факт. Поскольку же разные исследователи могут делать различные утверждения относительно одного и того же события (в силу многогранности явлений или же различий концептуальных установок исследователей), последнее является источником "различных" фактов" [2, с. 202].

Эта теоретическая посылка выражается в конкретном требовании: необходимо чувствовать грань между осознаваемой онтологической сущностью действительности и фактически данной ее гносеологической формой. Это поможет понять то, что факт образуется в сознании, с использованием матриц предшествующего знания, в определенной системе ценностей. Для образования факта нужна определенная точка отсчета. Факт изначально несет в себе оценочность, поскольку он задан существующей ценностно-понятийной системой.

Вообще субъективность "познавательного вектора" в публицистике просматривается достаточно отчетливо. Отбор фактов — уже позиция, уже свидетельство определенной ценностной установки. Даже крохотный факт в заметке концептуально "облучен" представлениями автора и редактора о целесообразном, политически актуальном, социально полезном и интересном для аудитории. Не беспристрастны и телевизионные фотокамеры. Они пристрастны, демонстрируя те стороны действительности, показ которых опять-таки ценностно оправдан с позиций человека, смотрящего на мир через объектив.

Поэтому "ошибок" в фактическом знании не избежать. Это естественное следствие и закономерные особенности индивидуального видения мира, возни-

жающие в познании и обуславливающие в итоге всю мозаичность и пестроту восприятия жизни. На наш взгляд, следует с известной долей осторожности относиться к идеи об "объективной" и "независимой" информации. Идеологически красивая, но достаточно уязвимая с позиций гносеологии, в практике публицистической деятельности она нередко выражается в монопольном праве на владение истиной для носителей определенной системы ценностей — и отдельного публициста, и отдельного издания, и отдельного государства.

Выяснение объективной картины мира — дело очень непростое, и очевидно, что чем больше фактов привлекается для этого выяснения, тем успешнее продвигается публицистика по пути постижения истины. Ведь факт всегда выступает такой единицей знания, по отношению к которой у человека существует заведомое доверие. Оно основано на исторически сложившихся логических процедурах проверки истинности утверждений и суждений.

Это то общее "базисное" фактическое знание, которое позволяет факту

выступать инвариантом в самых разных системах знания, то, что привычно закрепляет у человека доверие к факту как к единице знания, несущей информацию о предмете. Инвариантный фактор обеспечивается практикой, множественностью в основном совпадающих суждений об одном и том же предмете, обуславливающих многогранность воспринимаемого и, возможно, приближающих знание к истинному. Представление об объекте складывается в результате сложного сопряжения первичной информации со своеобразными эталонными "матрицами" объекта, которые уже существуют в памяти, записанные многократно и многократно корректирующиеся в процессе познания мира. На наш взгляд, следует с большей настойчивостью вводить в практику повседневной газетной публицистики теоретические представления об особенностях фактического знания, о познавательных закономерностях публицистического творчества, формирующих вполне определенные условия достижения истины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волович В. И. Надежность информации в социологическом исследовании. Киев, 1974. С. 42.
2. Лекторский В. А. и др. Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С. 202.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 176.
4. Фомичева И. Д. Методика конкретных социологических исследований и печать. М., 1980.
5. Шумилова Т. В. Методы сбора информации в журналистике. М., 1983.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)

С. А. РЖАНОВА, кандидат филологических наук

Сегодня мы переживаем тот редкий период отечественной истории, когда теоретическое гуманитарное знание запрашивается обществом. Сегодня в еще большей степени каждый член общества нуждается в широкой образован-

ности, во владении речевой культурой, позволяющей эффективно организовывать слово и отстаивать свое мнение.

В обществе сознательно развивающей демократии, когда в политическую жизнь оказываются вовлечеными, как

Это продемонстрировали предвыборные кампании всех уровней, огромные массы людей, владение словом превращается в насущную необходимость. Существенно важно, однако, представлять себе, что свобода слова не является просто декларированным правом или разрешением цензуры, а предполагает прежде всего умение этим правом пользоваться.

Гуманистические идеи, сфокусированные в теории, при конкретном воплощении на практике могут обслуживать огромные массы людей и приносить ощутимую пользу каждому индивиду и обществу в целом. В этом смысле особый интерес представляют те разделы гуманистического знания, которые воплощают некий набор правил или рекомендаций.

Одним из таких разделов гуманистической науки, идеально приспособленных к практическому освоению, является риторика, в рамках которой сформулирован "алгоритм речевого поведения" человека.

Огромный творческий потенциал риторики раскрывался на протяжении долгих веков существования европейской цивилизации. Исторический взгляд на все это позволяет последовательно представить себе не только "секундную" прагматичность риторики, но и имманентное содержание этой дисциплины, рожденной в мире античного человека.

Воздействие, как показывает риторика, всегда реализуется в общении. Понимание воздействия как базисного фактора речевой коммуникации приходит в риторику через представление о речи как об одном из видов деятельности. Речевая деятельность описывается в риторике в согласии с представлением о любом действии, имеющем начало, середину и конец. Все современные концепции речи как деятельности имеют отношение к риторике и в той или иной степени используют основные риторические построения или элементы этих построений для углубления теоретических представлений о речевой деятельности.

Понятие "убедить другого" не свя-

зывается в классической риторике с неизменным силовым давлением, использованием "страстей" и т. д., убеждение достигается через консенсус, т. е. принятие большинством тезиса оратора. Классическая риторика в качестве цели провозглашала убеждение, коммуникация была односторонняя, т. е. оратор выступал перед толпой, которая его "визуально" наблюдала.

Для неориторики, развивающейся в эпоху массовых коммуникаций, изучение аудитории представляет более сложную задачу, чем это было в античном мире. В самом деле, к кому обращается, например, тот, у кого берут интервью: к журналисту, к читателю журнала, к тому, кто стоит рядом? Аудитория понимается как множество людей, на которых стремится повлиять оратор своей аргументацией независимо от того, присутствуют ли они "физически" на его выступлении. Это множество чрезвычайно разнобразно: от индивида до интернациональной аудитории (ср. коммуникативную ситуацию международных телемостов).

В современной риторике целью коммуникации является информация, коммуникация предстает как процесс двусторонний, отношения между ритором и аудиторией кооперативные, главное в человеке — эмоции (разум — в классической риторике).

Массовая коммуникация представляет собой сложную систему, включающую три центральных аспекта: идеологический, языковой и технологический. Идеологический аспект, как отмечает А. А. Волков [1, с. 36 — 40], содержит: 1) определенный для региональной массовой информации и особым образом упорядоченный состав текстовых источников, лежащих в основе массового информирования; 2) упорядоченный набор тем, по которым высказывается массовая информация; 3) прогноз и организацию аудитории, зависящие от задач и программы массовой информации в целом и от конкретного соотношения ее источников: газет, редакций радиовещания и телевидения. Идеологический аспект

массовой информации конкретизируется аспектом языковым, который формирует конкретные способы воплощения идеологической программы и включает: 1) знаковые системы, используемые массовой информацией: устную и письменную речь, изображение, музыку и т. п.; 2) правила отбора и использования языковых и неязыковых знаковых систем для композиционного решения выпуска массовой информации; 3) ориентацию средств выражения на конкретную аудиторию — ее информационные и конкретно-языковые навыки. Риторические тексты массовой информации формируются в три этапа, каждый из которых включает все указанные выше аспекты. Первоначально идет подготовка и сбор материала, затем его отбор и компоновка выпуска, далее следует вещание, т. е. тиражирование. Эти три этапа создания текста массовой коммуникации являются общериторическими, поскольку созданы и постоянно создаются по риторическому канону.

Массовая коммуникация, как справедливо замечает Ю. В. Рождественский, наглядно выявляет роль языка в современном мире, "несравнимое с прошлым расширение форм общения за счет введения в действие сверхмощных средств и каналов связи" [2, с. 7]. Массовая информация, о которой говорят исследователи, главную роль в которой играет "коллективный оратор" составляет существенную часть массовой коммуникации. Другой, может быть, не менее важный фрагмент представлен набором публичных текстов — монологического или диалогического типа, передаваемых по тем же техническим каналам или без них, авторами которых являются "ораторы индивидуальные". Например, на телевидении в последние годы формируются такие новые жанры монолога, диалога и полилога, интересные в риторическом отношении, как теледебаты, телемосты, "круглые столы" и т. д. Если для текстов массовой информации эффективность определяется часто пропагандистским результатом, то для этих жанров наиболее существенным оказывается

ется успешное социальное взаимодействие.

Самое существенное отличие личностно ориентированного речевого общения от социально ориентированного следует искать в образе адресата сообщения.

Любой вид общения возможен только в том случае, если коммуникатор располагает определенными сведениями, которые позволяют ему построить образ адресата. Образ адресата есть совокупность данных, которые должны учитывать коммуникатор, организуя речевое воздействие для достижения определенной цели. К ним в первую очередь относятся те характеристики человека, которые являются предметом исследования психологии восприятия.

Более важными в массовой коммуникации следует считать социальные и социально-психологические характеристики адресата, ибо от них зависит, обратится ли он к конкретному средству массовой коммуникации в поисках информации; будет принята или отвергнута предлагаемая информация; как будут поняты передаваемые сообщения.

Следовательно, речевая коммуникация как диалог может интерпретироваться не как воздействие, но, скорее, как социальное взаимодействие.

Деятельность человека как социального феномена не может существовать вне общества. Массовая коммуникация — это особым образом организованное средство социального и культурного общения людей, средство духовного и интеллектуального воздействия, наиболее мощный фактор распространения новых идей.

Массовая коммуникация в таких формах существования, как пресса, радиовещание, телевидение, является важным компонентом социального бытия современного человека. Поэтому несомненный интерес в плане "социально-коммуникативного анализа текста" представляют газетные тексты с их четко определяемой социально-коммуникативной установкой [3].

Социальная значимость слова в публицистике выражается, с точки зрения производителя речи, в том, что оно принадлежит не только автору, но и редактору, а также общественной группе, организации, союзу, партии, чью политику выражает та или иная газета, журнал и т. д.

Подчеркнуто социальная функция языка публицистики определяется и спецификой "адресата речи" — обращенностью публицистического слова к неисчислимой количественно и разнородной качественно аудитории. Газетно-публицистическая речь признана воздействовать на массы, максимально учитывать интересы и запросы аудитории. Таким образом, и с точки зрения адресата речи газетно-публицистический язык подчеркнуто социален.

Специфика адресата газетно-публицистической речи, ее социально-оценочный характер обусловливают такую важную ее особенность, как коммуникативная общезначимость, общедоступность. В теории средств массовой информации в качестве одного из свойств процесса передачи информации и передаваемого материала выделяют публичность. Этот принцип во многом определяет характер отбора речевых средств, критерий подхода к ним. Главное здесь — тенденция к исключению средств, находящихся на периферии языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости.

В газете социально-коммуникативная установка оказывает самое существенное влияние на принцип отбора и характер функционирования языковых средств выражения. Так, отбор лексики определяется прежде всего основной установкой, основным принципом газетно-публицистического стиля — социально-оценочным характером сго языка. Критерием же отбора служит способность слова выражать оценку, его актуально- или потенциально-оценочные свойства.

Действие газетно-публицистической специализации сказывается в постепен-

ной ассимиляции слова в газетно-публицистической речи: в выработке, определении оценочной окраски (негативной или позитивной), в перераспределении лексики в соответствии с функциями газетно-публицистического стиля. Приходя в газетно-публицистическую речь из самых разнообразных тематических источников, попадая в новую стилевую среду, слова ассимилируются этой средой и входят в новые, собственно газетно-публицистические разряды.

Таким образом, главное назначение газетно-публицистической специализации (проявляющейся как результат действия принципа социально-оценочного обозначения предметов и явлений) заключается в стремлении к выработке своеобразного газетно-публицистического фонда. Пронизывая лексику (как и другие уровни языка), принцип социально-оценочности обуславливает и определяет выбор источников пополнения газетно-публицистического словаря, состав лексики, направление и характер ее развития, выступает как важнейший внутренний принцип ее организации и распределения по функциям, как проявление системности лексики газетно-публицистического стиля. В результате специализации создается новая, иная по сравнению с общелитературным языком системность организации лексики.

Языковые проблемы, связанные с данной сферой применения языка, только в последнее время стали объектом специальных исследований, главным образом в собственно-лингвистическом, функционально-стилистическом и социолингвистическом плане.

Мы определили лишь некоторые аспекты исследований массовой коммуникации. Хотя работа и носит поисковый характер, практические наблюдения доказывают, что понимание законов речевой коммуникации должно перерастти в практическое овладение ее закономерностями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков А. А. Стиль массовой коммуникации и общественно-языковая практика. М.: Наука, 1984. 176 с.
2. Рождественский Ю. В. Риторика публичной лекции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 220 с.
3. Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: Мысль, 1986. 253 с.

ПРЕССА И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

П. Ф. ПОТАПОВ, кандидат исторических наук

В последние годы наряду с изменениями в различных сферах общественной жизни наметилась четко выраженная тенденция к росту национального самосознания, получившая характеристику этнического парадокса современности. Суть его заключается в том, что по мере интернационализации производства, культуры наций, стандартизации жизни народов, а тем самым и определенного ослабления этнической специфики национальное самосознание не исчезает, а, напротив, усиливается.

Национальное самосознание, отмечают исследователи, вырастает из тех же факторов, которые играют решающую роль в возникновении и развитии нации, складывается под воздействием всего процесса национальной консолидации, развития экономических связей, становления единой знаковой системы общения. Общность экономической жизни, территории, языка, а также национальные традиции, обычаи, система национальных ценностей — все эти факторы влияют на становление и функционирование национального самосознания. Следует иметь в виду, что национальное самосознание не является прирожденным свойством человека, оно меняется в ходе развития этноса и проходит ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества [8, с. 42].

Какая же конкретно информация наиболее активно участвует в формировании национального самосознания? Чтобы ответить на этот вопрос, обра-

тимся к деятельности прессы республик Поволжья — Мордовии, Татарстана и Чувашии. Для исследования взят временной отрезок с 1988 по 1995 год. В этот период в средствах массовой информации открыто говорилось о накопившихся проблемах в жизни народов, появилась возможность соизмерить состояние мордовской, татарской, чувашской нации, наметить перспективы их развития. Нужно сказать, что раньше эта возможность реализовалась не всегда и далеко не в полной мере. Публиковались корреспонденции, статьи, из которых явствовало, что национальные процессы в республиках не такие уж гладкие. Например, среди мордовского и других народов распространялись настроения ущемленности, усилилось стремление к национальной замкнутости, выявились тенденции к ослаблению национального самосознания.

Реакцией на эту ситуацию стало возникновение в 1988 и последующие годы различных объединений и партий. В их числе в Татарстане — Татарский общественный центр, общество им. Ш. Марджани, Союз татарской молодежи "Азатлык"; в Мордовии — общество национальной культуры "Масторава", общество родного слова "Вайгель", фонд спасения эрзянского языка им. А. Рябова; в Чувашии — Чувашский национальный конгресс и другие. Все они были созданы под воздействием общей демократизации в стране и изменений многих сторон жизни. Следует отметить и заметный рост общественного влияния в религиозной сфере.

В целом в общественном сознании мордвы, татар, чувашей выявился феномен, названный "позитивным национализмом", по мнению М. Г. Степанянц, обусловленный тем, что "ущемленность интересов различных народов неизбежно питала недовольство, стимулировала обострение национальных чувств, выражавших охранительную функцию — биологического и культурного выживания этноса" [14, с. 29].

Национальное движение в республиках Поволжья становится влиятельной силой. В Татарстане, по данным социологического опроса, проведенного в декабре 1990 года, доверие национальным организациям выразили 12 % респондентов, тогда как КПСС — только 9,4 [7, с. 42].

Участниками различных национальных движений, объединений и партий были рабочие и крестьяне, представители творческой интеллигенции, молодежь. Всеми ими руководило огромное желание самим участвовать в национальном строительстве, решать насущные проблемы. Все это наглядно проявилось в отношении населения к вопросам национально-государственного устройства.

Известно, что путь народов Поволжья к своей государственности оказался достаточно долгим. Лишь у татар она достигнута одним законодательным актом — в 1920 году образована Татарская АССР. У чувашей в 1920 году была создана Чувашская автономная область, преобразованная в 1925 году в Чувашскую АССР. Становление национальной государственности у мордвы проходило в несколько этапов: в 1928 году возник Мордовский национальный округ, позднее преобразованный в Мордовскую автономную область, а в 1934 году — в Мордовскую АССР.

Во второй половине 80-х годов была открыта новая страница национально-государственного строительства. После принятия I съездом народных депутатов России декларации о суверенитете РСФСР в республиках Поволжья началось движение за суверенитет. Оно проходило в непростое время. Распад

СССР, образование новых государств, появление тенденций к изменению общественно-политического строя, переход к рыночной экономике — никогда на огромном пространстве бывшего Союза не было столь крутых поворотов.

"Слово о государственном суверенитете", "Быть ли Мордовии суверенной", "Суверенитет: каким ему быть" — эти и другие публикации в печати передавали все многообразие суждений о суверенитете республик.

Посмотрим, какие же доводы за и против суверенитета приводились. Одни считали, что не воспринимают идею суверенитета, поскольку понимают ее как полную государственную независимость, как выход из состава России и Союза. Но так вопрос не стоял. В понятие "суверенитет" вкладывалось иное содержание, нежели его толкуют словари. Это прежде всего форма государственного образования, которое на равноправной основе войдет в обновленную Россию и будет соответствующим образом строить свои взаимоотношения с другими республиками и государствами.

Были и такие выступления, в которых говорилось о будущем положении национальной науки, культуры, литературы. Их авторы высказали мнение о том, что суверенитет откроет новый этап самоопределения наций, поскольку, освободившись от диктата центра, республики будут вправе самостоятельно определять национальную политику, решать финансово-экономические и другие вопросы. Суверенитет будет способствовать укреплению связей между родственными народами, что в конечном счете послужит развитию не только культуры, науки, но и экономики.

В пользу суверенитета приводился и такой аргумент, что он активизирует деятельность всех структур. Республики не будут ждать, когда им что-то "распределят", а сами обязаны будут решать жизненно важные вопросы. С этим многие связывали большие надежды на развитие инициативы и творчества масс, пробуждение духовных сил народа.

Но были и иные доводы. В Мордовии, например, те, кто выступал от имени движения "Демократическая Россия", твердо высказались против принятия Декларации о суверенитете. С их точки зрения, это не что иное, как дань моде, и применительно к автономной республике можно вести речь лишь об ограниченном суверенитете, которым и обладает МАССР.

Как видим, были и сторонники и противники суверенитета. И все же, при всей противоречивости мнений, участники дискуссии, проведенной в прессе, склонились к мысли: суверенитет необходим, иное дело — в какой форме и какое содержание будет вложено в это понятие.

30 августа 1990 года была принята Декларация "О государственном суверенитете Республики Татарстан". Чуть раньше — 23 августа газета "Советская Татария" опубликовала заявление творческих союзов и организаций республики, в тексте которого, в частности, говорится: "Декларация является историческим документом, определяющим будущее Татарской республики на многие десятилетия вперед. Она не может приниматься по конъюнктурным соображениям. Народ устал от беспраствия, он хочет быть уверенным в своем будущем, в будущем своих детей и внуков".

Республиканская печать подробно освещала работу сессии Верховного Совета Татарской АССР, на которой прошла Декларация. Первое сообщение о ней появилось в газетах 28 августа, а уже в следующем номере они публикуют информационное сообщение о заседаниях Верховного Совета. В дни, когда началось обсуждение вопроса — Декларации "О государственном суверенитете Республики Татарстан" — на страницах периодических изданий появилась новая рубрика — "Главный вопрос повестки дня".

Декларация была принята от имени всего народа республики. Ее государственный статус подтвержден на референдуме, проведенном 21 марта 1992 года. На поставленный в бюллетене

вопрос — "Согласны ли вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками и государствами на основе равноправных договоров?" — положительный ответ получен в 61,4 % случаев. Большинство населения высказалось в пользу главной идеи о необходимости повышения государственного статуса республики. Татарский народ проголосовал за суверенитет и тем самым подтвердил свое стремление к поиску более совершенных форм национально-государственного устройства и обновлению России.

Важные моменты, характеризующие состояние национального самосознания, выявились в ходе развернувшейся на страницах прессы республик Поволжья дискуссии по вопросу об этонимах "мордва", "татары". Напомним, что этоним обычно выступает одним из наиболее наглядных этнических признаков, символизируя в целом этнос [10, с. 3].

В дискуссии активно участвовали все газеты: и районные, и республиканские, хотя освещали они эту тему по-разному. Так, "Социалистик Татарстан" в номере за 15 мая 1988 года опубликовал статью, в которой шел разговор о необходимости восстановить историческое имя народа — "булгари". Однако большинство ученых и деятелей культуры высказались против изменения этонима "татары". Анализ поступивших в редакции газет писем также показал, что в 85 % из них содержится аналогичное мнение [6].

Несмотря на то, что в освободительном движении среди татар до 1920-х годов существовало течение (известное как "вайсовское движение"), выступившее с лозунгом принятия этонима "булгари", современную ситуацию необходимо рассматривать вне связи с этим историческим движением. Появление "булгаристов", оформившихся как неформальная группа (клуб "Булгар-аль-джадид", позже "Булгарский национальный конгресс"), в ряде аналитических публикаций было расценено

но как реакция на деформации в области национальных отношений в предшествующие годы [13]. По нашему мнению, корни этого явления — отрицание исторически сложившегося этнонима — следует искать в сфере межнациональных отношений, в первую очередь в том, что названо "столкновением памяти одного народа с памятью другого народа" [11, с. 190].

Не менее острой была дискуссия и в печати Мордовии, в ходе которой ее участники высказывали мысль об отказе от этнонима "мордва". Утверждалось, что мордовского народа вообще не существует, а есть два народа — эрзя и мокша. Вновь, как и при создании мордовской автономии, вносились предложения именовать ее Мордовской, а Мокша-Эрзянской или Эрзя-Мокшанской.

Насколько основательны, аргументированы были такие заявления? Чтобы дать обстоятельный ответ на этот вопрос, редакции газет не только анализировали современные тенденции этнического развития народов, но и обращались к истокам их национальной истории. В частности, было выяснено, что деление это искусственное, прецедент вызван политическими амбициями определенных кругов. Напротив, подчеркивает Н. Мокшин в статье "Мордва — имя народа или его прозвище?", уникальность мордовского этноса заключается в том, что внутри него функционируют два самостоятельных языка, но в культурно-бытовом отношении это единная общность и дробление единой культуры может иметь самый плачевый результат [9]. Следует отметить, что среди мордовского населения идея разъединения крайне непопулярна, о чем свидетельствуют данные проведенного в республике этносоциологического спроса. В городах более половины представителей мордовской национальности считают, что эрзя и мокша составляют единый мордовский народ [2, с. 151].

Процесс воздействия органов печати на сознание человека сложен и подчас противоречив. Прежде всего здесь проявляется фактор избирательного вос-

приятия. Сознание человека отбирает то, что соответствует имеющимся у него социальным установкам, и ставит барьер тому, что субъективно его не интересует, не соответствует его представлениям. В данном случае пропаганда республиканскими газетами этнонимов "булгари", "эрзя" и "мокша" по отношению к народам, давшим имя Республике Мордовия и Республике Татарстан, является новой информацией, в значительной степени противоречащей установкам большинства представителей мордовского и татарского народа, которые самоопределяются как "мордва" и "татары". Из народов Поволжья довольно высок уровень национальной консолидации у чувашей: 61 % сельских жителей и 52,8 % горожан не причисляют себя к какой-либо субэтнической группе [12, с. 80].

Наиболее сильное влияние на национальное самосознание оказывает языковая ситуация, а именно проблема сохранения и дальнейшего развития мордовского, татарского, чувашского языков. Она нашла яркое выражение в средствах массовой информации. Это понятно. Ведь язык является одним из важных этнических признаков, средством развития всех форм духовной культуры, это сфера жизни народа, близкая и понятная всем, хотя и не всегда осознаваемая.

Положение языка не могло не оказать воздействия на национальное самосознание. Это влияние было двояким: с одной стороны, проявился языковой нигилизм, а с другой — стремление защитить родной язык. Только в Мордовии, например, по данным последней переписи (1989 г.), более 12 % (28 тысяч) лиц мордовской национальности признали родным языком русский [1]. В Татарстане лишь 49,2 % татар владеют родным языком в совершенстве, 43 — знают только разговорный, а 6,3 % не знают родной язык совсем [5, с. 17]. Эти цифры застораживают. Вот почему в опубликованных материалах на данную тему ощущается тревога за национальные языки: "Родной язык: тревоги и надежды" (Сов. Мордовия, 1989. 1 марта),

"Помочь не только словами" (Мокшень прада. 1989. 7 дс.), "Нигилисты по неволе" (Комсомолец Татарии. 1988. 26 нояб.), "Экзамен по языку — экзамен на зрелость" (Сов. Чувашия. 1992. 26 июня). Чем же озабочены авторы? Все они, обращаясь в редакции газет, отмечают плачевное состояние языков, требуют, чтобы журналисты не уходили от острых вопросов языковой политики, анализировали, сопоставляли различные точки зрения.

Так, заслуженный учитель школы Российской Федерации Н. Нарваткин в статье "Не помочь языку разговорами" пишет, что "наконец-то вопрос о положении мордовских языков в школах и во всей республике становится предметом обсуждения общественности. Правда, оно идет только в периодической печати. А продолжение должно последовать деловое, практическое, которое поможет исправить допущенные в языковом строительстве ошибки" (Сов. Мордовия. 1989. 7 марта).

Следует отметить, что в решении проблемы национально-языковой политики участвовала вся республиканская периодика, как национальная, так и русскоязычная. Последнее особенно важно, поскольку сформировалась значительная группа мордовского, татарского, чувашского населения, сохранившая национальное самосознание, но утратившая по разным причинам родной язык. Кроме того, с заботами коренных этносов имели возможность подробно познакомиться и представители других национальностей, проживающие в Мордовии, Татарстане, Чувашии. Было, например, выявлено, что языковой нигилизм — явление многофакторное. В некоторых материалах, помещенных на страницах газет, отход молодежи от родного языка объяснялся "неразвитостью", "несвоевременностью" национальных языков. Однако основной причиной ухудшения позиций мордовского и других языков признается отсутствие возможности после завершения среднего образования продолжения обучения на нем в средних специальных и высших учебных заведениях.

Недостаточный уровень функциони-

рования национальных языков в общественно-культурной жизни привел к тому, что в республиках Поволжья сложилась тенденция к регулированию языковой жизни законодательным путем. В Мордовии, Татарстане, Чувашии были разработаны государственные программы, предусматривающие создание благоприятных условий для свободного развития всех языков. Их готовили рабочие комиссии, созданные при Верховных Советах республик, в состав которых входили люди разных профессий — ученые, писатели, журналисты, юристы, депутаты. Органы печати подробно освещали эту тему, публикуя в течение многих месяцев аналитические статьи и корреспонденции, обсуждающие сначала проект Закона, а затем Закон о языке.

Газета "Советская Чувашия" за 25 апреля 1992 года писала о ценности родного языка, который, по ее мнению, не только выполняет функцию языкового общения, но и, кроме того, является средством функционирования и сохранения накопленных знаний, передачи их от поколения к поколению. Вместе с тем были и категоричные суждения, ущемляющие национальное достоинство и интересы проживающих в республиках эрзян и мокшан, татар и чувашей. Не могут, например, не беспокоить и не огорчать такие материалы, как "Жизнь языка и язык жизни", "Зачем отвлекать внимание?", "Взгляд с Алатырской колокольни". Некоторые авторы отмечали, что все труды по решению языковой проблемы напрасны (Сов. Мордовия. 1989. 7 сент.), другие выступали против приближающегося "признака национализма" (Сов. Татария. 1988. 10 февр.).

Можно, конечно, спорить о каких-то пунктах и формулировках государственных программ, но нельзя не признать, что Закон о языках, зафиксировав равноправный государственный статус языков двух статистически равнозначных в пределах республик этносов — татар и русских, чувашей и русских, мордвы и русских закладывает основы для сохранения межнациональной стабильности и перехода к двух-

стороннему двуязычию. Необходимость такого подхода уже обознается большинством населения Татарстана. Социологи утверждают, что установка на овладение татарским языком составляет среди русских около 60 % [3, с. 25]. Правильно делали редакции газет, что в своей работе постоянно обращались к такой яркой национальной ценности, как родной язык. Публикации на эту тему дополнительно характеризовали образ коренного этноса республик Поволжья и свидетельствовали о росте национального самосознания.

Исследователи отмечают, что национальной психологии свойственна известная нечеткость, неуловимость ее особенностей [4, с. 65]. И это действительно так, особенно в реальной жизни, причем не только в те моменты, когда национальная идея не актуализирована. Так, например, было в 60 — 70-е годы. Сейчас же мы видим, что в определенные периоды, связанные с интенсивной жизнью народа, яснее проявляются и черты национальной психологии. Анализ опубликованных материалов свидетельствует, что печать республик Поволжья стала больше обращаться к проблемам этногенеза наций, и в частности к ранним этническим процессам. Газеты довольно часто упоминают на своих страницах о финно-угорском, тюркском происхождении мордовского, татарского, чuvашского народов. При этом справедливо подчеркивается значение осознания этнической принадлежности для дальнейшего развития наций.

Большой интерес к этническим корням поволжских народов, к проблемам этногенеза наций может быть объяснен эффектом компенсации — реакцией на многолетнее замалчивание этой темы. Еще совсем недавно в исторических трудах о татарах, их взаимоотношениях с русским государством закрепилось немало односторонних, а то и просто искаженных трактовок, что не могло не привести к искаженным представлениям о народе. На фоне общего возрастания у татар интереса к историческому прошлому это свидетельство стало одним из катализаторов на-

ционального самосознания, тем более что сложившаяся вокруг исторической памяти татарского народа ситуация затрагивает чувство национального достоинства. Это нашло отражение во многих публикациях республиканской прессы. Газета "Социалистик Татарстан" организовала "круглый стол" с участием творческой интеллигенции, за которым обсуждались проблемы "белых пятен" истории татарского народа и в этой связи затрагивались вопросы происхождения и формирования татарской нации (1988. 23 окт.). Опубликованные материалы вызвали большой интерес у читателей и предопределили появление массы откликов на них, помогли преодолеть односторонность в освещении вопросов истории и формирования татарской нации.

Печать выполняет не только информационную функцию. Через информацию она оказывает идеально-политическое влияние на широкую читательскую аудиторию, формирует общественное мнение ("Искать дорогу к истине" — Вечерняя Казань. 1989. 10 янв.; "Любовь народа делом доказана" — Сов. Татария. 1988. 23 окт.; "Они были первыми" — Сов. Чувашия. 1993. 4 февр.). Статья "Угро-финны в России в ходе столетий" не только знакомит с жизнью далеских предков и их предводителей, содержащаяся в ней информация несет в себе и иную смысловую нагрузку, а именно, подчеркивает историческое родство эрзян и мокшан и других угро-финских народов, обращает внимание на тот факт, что у этих народов общие предки, общие корни (Мокшень правда. 1992. 17 дек.).

Итак, проведенный контент-анализ свидетельствует о том, что в настоящее время народы нашей страны, в том числе мордовский, татарский, чuvашский, переживают массовый исслеск национального самосознания и пресса республик Поволжья играет в его формировании важную, подчас определяющую роль. Материалы газет в той или иной степени отражают национальные интересы и цели, способствуют позна-

нию нацией самой себя, своей этнической общности. Вместе с тем печать много пишет и о других ценностях и символах, в том числе национальной территории, националь-

ном языке, национальных героях. Все это, по нашему мнению, влияет на формирование национального самосознания, помогает возрождению народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белиева Н. Ф. Современные этноязыковые ситуации в Мордовской АССР // Традиционное и новое в культуре народов России. Саранск, 1992. С. 81 — 82.
2. Бромлей Ю. В., Пименов В. В., Шлыгина Н. В. Современные этноязыковые процессы у народов финно-угорской языковой семьи в СССР // Сов. финно-угровед. 1985. № 2. С. 149 — 155.
3. Гурьянова Р. Время учить татарский // Татарстан. 1994. № 3/4. С. 25.
4. Дащамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Сов. этнография. 1983. № 2. С. 62 — 74.
5. Исаев Г., Комлев Ю. Межнациональные отношения: вчера, сегодня, завтра // Татарстан. 1993. № 8. С. 13 — 17.
6. Исламшина Т. Большинство против // Социалистик Татарстан. 1988. 11 нояб.
7. Исляков Д. Современное татарское национальное движение: подъем и кризис // Татарстан. 1993. № 3. С. 25 — 31.
8. Купнер Л. И. Этнические территории и экономические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 280 с.
9. Мокшин Н. Мордва — южная народ или это прозвище? // Сов. Мордовия. 1992. 12 мая.
10. Никонов В. А. Этнонимы // Этнонимы. М., 1970. С. 3 — 5.
11. Память и "Память". О проблемах исторической памяти и современных национальных отношений // Знаки. 1988. № 1. С. 188 — 203.
12. Современные этноязыковые процессы в Чувашии // Чуваши: современные этнокультурные процессы. М., 1988. С. 76 — 87.
13. Фасахов К. Знать историю своего народа // Ночь Казань. Казань. 1988. 1 февр.
14. Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме. Материалы "круглого стола" // Вопр. филос. 1988. № 9. С. 28 — 90.

ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Л. П. ТРОПИНА, аспирант

Термин "эффективность" получил наибольшее распространение в конце 70-х — начале 80-х годов нашего столетия. Войдя в разряд модных у экономистов, он стал довольно часто употребляемым (порой необоснованно) и у обществоведов, юристов, психологов, педагогов, философов. Анализ научной литературы указанного периода выявил, что нередко авторы, не вникая в сущность понятия "эффективность" подменяли им другое понятие — "эффект".

"Эффект производства есть его спе-

цифический продукт или результат. Эффективность производства — это не сам результат, а отношение его к затратам данного производства. Эффект же всегда выражает цель производства. Эффективность же выражает степень реализации цели производства" [1, с. 10].

Высшим критерием эффективности производства является полнота удовлетворения общественных и личных потребностей при наиболее рациональном использовании общественных ресурсов. Она выражает общее соотноше-

ние между затратами и целевой функцией общественного производства, степень использования его факторов. Исходя из его высшей цели, следует рассматривать эффективность производства не как чисто экономическую, а как социально-экономическую категорию, которая, характеризуя степень удовлетворения за счет создаваемого продукта всей совокупности потребностей, связана с уровнем жизни населения, содержанием и условиями труда, состоянием среды обитания человека, масштабами свободного времени и т. д. [2, с. 221].

Социальное слагаемое конечных результатов предполагает фиксацию неэффективности и недопустимость увеличения масштаба производства за счет ухудшения условий труда, нанесения ущерба окружающей среде, снижения других показателей жизнедеятельности человека.

В рамках социально-экономической эффективности собственно экономический компонент в самом общем выражении представляет собой отношение конечного общественного продукта к затратам факторов производства. Но выделение экономической эффективности отнюдь не предполагает противопоставления экономического и социально-гo слагаемых. Противоречия между ними разрешаются путем установления прямых социальных требований и ограничений к проводимым хозяйственным мероприятиям. Если те или иные параметры производства новой техники признаны социально необходимыми, учтены социальные и экономические нормативы, то экономия на соответствующих расходах недопустима, даже если она экономически выгодна. В этом реализуется принцип, вытекающий из самой природы общества, — приоритетность социальных критериев эффективности. Необходимый сегодня перспективный подход исходит из того, что своевременное решение социальных вопросов в конечном счете оказывается в высшей мере экономически эффективным. И напротив, игнорирование социальных проблем приводит к существенному экономическому ущербу, плоды которого обнаруживаются не сразу.

Широко распространена точка зрения, согласно которой экономическая эффективность отражает отдачу затрат исключительно в сфере материального производства. Характеристиками социального эффекта признаются, по существу, любые показатели развития социально-культурной сферы, например обеспеченность населения предприятиями и учреждениями социально-культурного комплекса, объемы потребления услуг и т. д. Данный подход к разграничению экономической и социальной эффективности был представлен в целом ряде книг, статей и методик [5, с. 51].

Такая позиция уязвима прежде всего в практическом плане. Разграничивать социальную и Экономическую эффективность целесообразно, лишь если это позволяет обоснованно дифференцировать методические подходы, типы показателей и области применения получаемых оценок. Правомерно ли считать, что, например, расход ресурсов на хойко-день в медицинском стационаре или на одно посещение клуба характеризует социальную эффективность? С точки зрения методов оценки и возможных приложений ее результатов подобные расчеты мало чем отличаются от определения затрат на производство килограмма картофеля, пошив костюма или посещение платной поликлиники. Во всех этих случаях речь идет об определении расхода ресурсов на единицу потребительской стоимости. В то же время если социальный эффект отождествляется с обеспеченностью населения мощностями инфраструктуры и оказываемыми услугами, то не учитывается та действительно специфическая проблематика, которая связана с оценкой воздействия услуг на развитие личности и общественных отношений. Именно свойства личности и компоненты образа жизни должны находиться в центре внимания при анализе социального эффекта.

Анализ социальной эффективности предполагает сопоставление ресурсозатрат с конечными социальными результатами потребления материальных и

нематериальных благ. Так, прирост средней продолжительности жизни можно сопоставить с затратами на проведение обусловивших его медицинских мероприятий. Однако в подобных случаях, во-первых, анализируемые зависимости имеют опосредованный характер, а во-вторых, затраты и результаты могут быть выражены с помощью общего масштаба.

Показатели эффективности, базирующиеся на прямой оценке конечных социальных результатов, необходимы прежде всего для стратегических плановых разработок. С одной стороны, изучение динамики таких показателей за достаточно длительный период дает представление о реальной направленности и интенсивности процессов социального развития. С другой стороны, при разработке долгосрочных программ решения крупных социальных проблем многофакторный анализ зависимости конечных результатов от затрат, осуществляемых в той или иной отрасли, позволяет находить ключевые условия достижения поставленных целей.

Так, анализируя зависимость средней продолжительности жизни от разнообразных характеристик функционирования здравоохранения, можно определить наиболее перспективные направления использования средств. При этом необходимо широкое понимание здравоохранения, включая не только лечение, но и профилактику заболеваний, в том числе средствами физической культуры, туризма и т. п., а также учет экологических и других факторов, внешних по отношению к социально-культурному комплексу. С точки зрения воздействия на среднюю продолжительность жизни затраты на техническое перевооружение больниц могут оказаться более эффективными, чем инвестиции в экстенсивное наращивание больничной сети, а расходы на качественное улучшение системы подготовки и переподготовки врачей — эффективнее затрат на расширение этой системы. Таким образом, непосредственный анализ социальной эффективности позволяет получать информацию, ценную для принятия стратегиче-

ских решений, разумеется, если он проводится корректно и во внимание принимается взаимовлияние различных факторов достижения конечного социального результата. На практике оценки могут быть только ориентировочными, но и они, иссомненно, полезны.

Оценки экономической эффективности строить проще, область их применения шире, а точность, вообще говоря, выше. Однако использовать их имеет смысл лишь постольку, поскольку экономический результат не противостоит социальному, а образует с ним две взаимообусловленные стороны эффективности общественного производства, как материального, так и нематериального: одна сторона выражает преимущественно целевой аспект эффективности, а вторая — ресурсный, связанный со средствами достижения социальных целей.

Применение денежных оценок особенно характерно для анализа экономической эффективности. Некоторые авторы рассматривали в качестве важнейшей его особенности учет только тех результатов, которые поддаются денежной оценке [3, с. 183; 4, с. 218]. Это вполне справедливо, поскольку речь идет об универсальной форме сопоставления разнообразных средств удовлетворения потребностей людей, что соответствует специфике экономической проблематики. Однако денежная оценка всегда несет на себе отпечаток социальных приоритетов. За денежной оценкой любого продукта или услуги стоят, во-первых, тип экономических отношений, которым она адекватна, и, во-вторых, конкретная ситуация в области производства и потребления (отношения спроса и предложения) на момент оценки. В величине и форме общественно необходимых затрат закодирована их социальная определенность. Благодаря этому характеристики производительности труда, фондоотдачи и т. п., если они используются в качестве оценочных показателей, влияют не только на выбор технически целесообразных решений, но и, например, на структуру производства, поскольку существует "выгодная" и "не-

"выгодная" продукция. Иными словами, когда хозяйственный механизм обесспечивает реальную и всестороннюю зависимость производителя от потребителя, тенденции экономической и социальной эффективности совпадают.

Наконец, есть еще один комплекс вопросов, проецирующихся на взаимосвязь социального и экономического аспектов эффективности: Он касается противоречий и ниссогладсний потребностей и интересов различных слоев населения.

Конкретный анализ таких противоречий сегодня невозможно подменить декларациями о неуклонно возрастающей однородности общества. Таким образом, средства из центральных источников, вложенные, например, в развитие театрального дела в одной из республик, непосредственно не дают преимущества жителям другого региона, к

тому же их социальная отдача будет неодинаковой с позиции городского населения, посещающего театры, и жителей села, там почти не бывающих. Даже располагая вполне адекватными методами оценки эффективности, необходимо прежде всего определить, с позиции какой социальной группы будет проводиться оценка, а если речь идет о точке зрения общества в целом — какие интересы оно признает приоритетными.

Причастность к разнообразным общественным интересам придаст хозяйственному решению политический характер, трансформирует общую направленность развития в систему конкретных мероприятий, которые в конечном счете служат высшей цели общественного производства — воспроизводству всесторонне и гармонически развитой личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арсенов А. В. Социально-экономические проблемы эффективности сферы услуг в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1985. 23 с.
2. Ельминов Н. Я. Воспроизводство общества и человека. М.: Мысль, 1988. 235 с.
3. Хачатуров Т. С. Эффективность капи-

- тальныхложений. М.: Экономика, 1979. 231 с.
4. Шаталин С. С. Функционирование экономики развитого социализма: теория, методы и проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 283 с.
5. Якобсон Л. И. Экономические методы управления в социально-культурной сфере. М.: Экономика, 1991. 176 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНИНУ НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА

С. Н. ФИРСОВ, аспирант

Конституцией Российской Федерации каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод. Согласно ст. ст. 46, 53 Основного закона страны "решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд" и пострадавшие от их незаконных действий имеют право "на возмещение

государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц". Данные конституционные нормы предполагают возможность судебной защиты от незаконных решений и действий (бездействия) в сфере уголовного судопроизводства с возмещением вреда, причиненного органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

В настоящее время, к сожалению, в уголовно-процессуальном законе не предусмотрен механизм возмещения такого вреда с четким обозначением оснований, сроков, актов, процедуры.

До сих пор процессуальный порядок возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, регулируется Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. "О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей". Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (в дальнейшем — Положение), утвержденным вышеназванным Указом, и инструкцией по применению указанного Положения от 2 марта 1982 г., утвержденной министром юстиции СССР В. И. Теребиным, и. о. Генерального прокурора Н. А. Баженовым, министром финансов СССР В. Ф. Гарбузовым. Действующий УПК РФ содержит отыскочную норму в ст. 58, согласно которой условия и порядок возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, определяются законодательством Российской Федерации.

Проблема возмещения рассматриваемого ущерба была и остается весьма актуальной. По данным МВД Республики Мордовия, в 1993 г. по реабилитирующим основаниям было прекращено 490 уголовных дел, что составляет 10,7 % от общего числа возбужденных уголовных дел. За этот же период в Мордовии было поставлено 12 оправдательных приговоров, в кассационном порядке 11 из них были признаны незаконными и необоснованными. В целом по Российской Федерации в 1993 г. было вынесено 3 157 оправдательных приговоров. Каждый случай оправдания и реабилитации невиновных лиц тре-

бует особого внимания, с тем чтобы не-законно пострадавшим был полностью возмещен материальный, моральный, физический ущерб, а виновные в нарушении их прав понесли ответственность. Действующее российское законодательство, к сожалению, не гарантирует этого в полной мере.

В качестве оснований для возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в Положении предусматриваются: незаконное осуждение, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконное наложение административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. В ст. 127 действующих Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (в дальнейшем — Основы) также предусматривается возможность возмещения вреда в случае незаконного применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде. Данным перечнем, носящим исчерпывающий характер, к сожалению, не охватываются случаи незаконного задержания по подозрению в совершении преступления, случаи незаконных мер (насилия, угроз и т. п.), применяемых при производстве по уголовному делу в отношении обвиняемого и других участвующих в деле лиц, а также случаях незаконного производства обыска, выемки и других мер уголовно-процессуального принуждения. В соответствии с названным Положением необходимыми условиями для возмещения ущерба являются: постановление оправдательного приговора; прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям (за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления, за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления); прекращение дела об административном правонарушении. Прекращение уголовного дела по так называемым нереабилитирующими основаниям не является условием для возмещения ущерба и восстановления нарушенных

прав, поскольку в этом случае не подтверждается невиновность гражданина в совершении преступления.

В связи с вышеизложенными дополнительными основаниями для возмещения исследуемого ущерба открытым остается вопрос об условиях возмещения. Представляется, что каждый факт незаконных методов предварительного расследования, незаконного обыска и других мер уголовно-процессуального принуждения может служить основанием для возмещения ущерба, если он установлен вступившим в законную силу приговором, постановлением (постановлением) суда (судьи), частным определением (постановлением) суда (судьи), т. е. является преюдициально установленным фактом. Условием для этого может стать и то обстоятельство, что в ходе судебного разбирательства судом (судьей) на основании требований ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ч. 3 ст. 69 УПК РФ были отвергнуты как доказательства данные, полученные при производстве обыска, выемки, других следственных действий с существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Единственным обстоятельством, исключающим право на возмещение ущерба, является самооговор, т. е. заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, которое он не совершал, если доказан факт, что этот самооговор совершен без принуждения.

В действующих нормативных положениях по сути отождествляются понятия "вред" и "ущерб". Согласно Положению под таким ущербом (вредом) понимаются: неполученные заработка и другие трудовые доходы, являющиеся основным источником средств к существованию гражданина, которых он лишился в результате незаконных действий (размер подлежащих возмещению сумм определяется исходя из среднемесячного заработка гражданина на момент причинения ущерба); пенсии или пособие, выплата которых была при-

остановлена в связи с незаконным лишением свободы; имущество, конфискованное или обращенное в доход государства судом, либо изъятое органами дознания или предварительного следствия, а также имущество, на которое наложен арест; штрафы, взысканные во исполнение приговора суда, судебные издержки и иные суммы, выплаченные гражданином в связи с незаконными действиями; суммы, выплаченные гражданином юридической консультации за оказание юридической помощи.

Таким образом, гражданину, пострадавшему в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещаются далеко не все убытки, включающие в себя согласно ст. 6 Основ расходы, произведенные лицом; утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях оборота (упущенная выгода), и даже далеко не весь ущерб, а лишь та его часть, которая выражалась в неполучении денежных сумм, а также в утрате или повреждении имущества. В действующем Положении нет ни одной нормы, предоставляющей возможность в уголовно-процессуальном порядке возмещать в денежном выражении нанесенный моральный и физический вред. Согласно ст. 131 Основ моральный вред представляет собой физические или нравственные страдания, причиненные гражданину неправомерными действиями. Статья 130 Основ определяет физический вред как причинение гражданину увечья или иного повреждения здоровья. В этом случае возмещению подлежит утраченный заработка (доходы), а также расходы, связанные с повреждением здоровья. Именно физический и моральный ущерб чаще всего причиняется гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, суда и прокуратуры. Об этом свидетельствуют публикации в периодической печати, данные специальных исследований. Нередко до вступления обвинительного приговора в законную

силу в нарушение принципа презумпции невиновности в средствах массовой информации публикуются материалы о совершении тем или иным лицом преступления, о его задержании или аресте, а впоследствии указанные лица реабилитируются — в отношении них прекращается уголовное дело по реабилитирующем основаниям или постановляется оправдательный приговор. Однако дискредитирующая их информация уже была распространена (и нередко с подачи органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры), чем причинены нравственные страдания потерпевшим, их родным, близким.

И. Л. Петрухин вполне обоснованно считает, что одной из негативных сторон ареста является причинение вреда здоровью человека (особенно его психике) [2, с. 171]. Вследствие неблагоприятных условий содержания задержанных, нервного стресса, который они испытывают в связи с ограничением их свободы, а также применением незаконных методов ведения предварительного расследования (насилия, угроз и т. п.), причиняется физический вред. Данные обстоятельства диктуют необходимость законодательного разрешения вопроса о возможности возмещения в уголовно-процессуальном порядке не только материального, но и морального и физического вреда, причиняемого гражданам незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

В этой связи нельзя согласиться с мнением Т. Н. Мосальковой [1], что Положение предусматривает возмещение морального вреда. В обоснование такой позиции она указывает следующее. Согласно Положению в случае постановления оправдательного приговора, прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда обязаны по просьбе гражданина в месячный срок письменно поставить в известность о своем решении трудовой коллектив или

общественные организации по месту его работы и жительства. Если сведения об осуждении или привлечении такого гражданина к уголовной ответственности, применении к нему в качестве меры пресечения заключения под стражу были опубликованы в печати, то по его требованию редакции в течение одного месяца обязаны сделать об этом соответствующее сообщение. Если такое сообщение не будет опубликовано, указанные лица могут обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Данное право лица на опровержение порочащих его сведений в средствах массовой информации закреплено также в ст. 7 Основ и в ст. ст. 43, 44 Закона РФ "О средствах массовой информации". При этом необходимо отметить, что указанные законодательные акты в отличие от Положения предусматривают возможность опровергения порочащих сведений, распространенных во всех средствах массовой информации (печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы и т. д.), а не только в печати. Однако, по нашему мнению, перечисленные меры являются средством реабилитации гражданина, но никак не возмещения морального вреда. Согласно ст. 131 Основ моральный ущерб возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом. В Положении этого не предусматривается. К тому же ст. 7 Основ гласит, что гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда. Таким образом, в законе исключаются понятия "реабилитация" и "возмещение морального вреда".

На основании вышесказанного и учитывая, что Положение предусматривает только возможность опровергения сведений об осуждении или привлечении гражданина к уголовной ответственности, применении к нему в качестве меры пресечения заключения

под стражу, можно считать, что возмещение морального вреда, причиненного лицу незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в уголовном процессе не предусмотрено. Вместе с тем меры реабилитации незаконно пострадавших лиц, которые предусмотрены в Положении, явно недостаточны для

восстановления чести, достоинства, репутации гражданина. Представляется, что необходимым условием устранения этого пробела послужит приносимое государственным органом или должностным лицом, постановившим уголовно-процессуальный акт реабилитации, публичное извинение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мосалькова Т. Н. Честь и достоинство: как их защитить? (Уголовно-процессуальный аспект). М.: Знание, 1992. 128 с.

2. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. 256 с.

ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ

В. Г. АБРАМОВ, аспирант

Категория юридической ответственности достаточно объемна, поэтому за главием данной работы мы сразу очерчиваем круг проблем, которые выносятся на обсуждение. Во-первых, речь пойдет именно о юридической ответственности, т. е. о правовой материи категории "ответственность", ибо ответственность в широком понимании предстает как явление социальное, а юридическая ответственность выступает как часть, одна из черт общесоциальной ответственности. Во-вторых, будут освещены и подвергнуты анализу наиболее традиционные представления о понятии юридической ответственности в экологическом праве и ее характерных чертах. В-третьих, будут отражены основные особенности института юридической ответственности в экологическом праве, т. е. при применении его в сфере взаимодействия общества с окружающей природной средой.

Постановка вопроса о сущности правового института юридической ответственности обусловлена тем, что в литературе много внимания уделяется широкой трактовке этой ответственности, выходящей за пределы чисто юридической материи, а поэтому и ослабляю-

щей ее восприятие как категории права. Широкая трактовка сводится к тому, что наряду с ответственностью, возникающей вследствие правонарушения (традиционное ее понимание), признается юридическая ответственность за правильное выполнение лицом своих обязанностей.

Данная трактовка совершенно справедливо критикуется большинством ученых-правоведов, так как в понимании ответственности в широком социальном смысле теряется специфика, суть именно юридической стороны ответственности. Как отмечают И. С. Самошенко и М. Х. Фарукшин, юридическая ответственность всегда была ответственностью за прошлое, за совершение противоправное деяние, потому что иначе можно прийти к выводу, что лицо, не совершающее правонарушения, уже несет правовую ответственность [2].

Не вдаваясь в подробный анализ всех существующих взглядов на природу юридической ответственности, ограничимся высказыванием, которое представляется наиболее рациональным и раскрывает в сжатом виде существо юридической ответственности, позволя-

ет ограничить правовой аспект понимания категории ответственности от рассмотрения ее в общесоциальном плане. "Юридическая или правовая ответственность — тот аспект понятия "ответственность", который является ретроспективным и связан с совершением запрещенных (противоправных) действий" [3, с. 9].

Предваряя разговор об институте юридической ответственности в экологическом праве, необходимо прояснить некоторые моменты. Использование указанного института в сфере взаимодействия общества и окружающей природной среды имеет некоторые особенности, но в целом он базируется на общих положениях, выработанных теорией права, которые применимы к любой отрасли права. Поэтому в данной работе речь вначале пойдет именно об этих общих положениях, являющихся своего рода "фундаментом" для использования юридической ответственности в области экологии.

Несмотря на большое количество работ как в общей теории права, так и в экологическом праве, посвященных проблемам юридической ответственности, общепринятое ее определение пока не сложилось. Юридическая ответственность за экологические правонарушения определяется в одной из них как применение государственными органами в соответствии с их компетенцией мер государственного принуждения путем возложения на виновного субъекта дополнительных обязанностей, имеющих для него неблагоприятные последствия [5]. Здесь, как мы видим, суть юридической ответственности представляется как применение мер государственного принуждения.

Думается, однако, что трактовка юридической ответственности как претерпевания более точна, чем трактовка ее в качестве возложения неблагоприятных последствий. Ведь нести (или претерпевать) юридическую ответственность означает испытывать на себе неблагоприятные последствия своего действия. Применение же мер принуждения к другим — это своего рода использование, реализация санкций как

меры ответственности, но не сама ответственность.

А. С. Шестерюк определяет юридическую ответственность как опосредованное правовой формой государственное принуждение к исполнению установленных правовых требований в случае их неисполнения, а также обязанность правонарушителя претерпевать связанные с этим определенными неблагоприятные факторы в личностной и имущественной сферах [4]. Если истолковывать первую часть данного определения буквально, то едва ли принуждение к исполнению требований права, так сказать, "в чистом виде", т. е. не выходя за рамки существующего правоотношения, можно считать юридической ответственностью. Это правовосстановительная мера, а она, как и юридическая ответственность, занимает самостоятельное место в системе мер государственного принуждения.

Вторым признаком юридической ответственности, положенным в основу ее определения, А. С. Шестерюк называет обязанность претерпевания неблагоприятных последствий правонарушителем. До сих пор, однако, не подвергалось сомнению, что смысл и назначение юридической обязанности, т. е. предписанной правом необходимости определенного поведения, заключается в том, что она, выступая в качестве регулятора волевого и сознательного поведения участников общественных отношений, не может быть исполнена никак иначе, кроме как собственными действиями обязанного лица.

"Ответственность — это не ОБЯЗАННОСТЬ ПРЕТЕРПЕВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ, происходящих из правонарушения, а САМОЕ ИХ ПРЕТЕРПЕВАНИЕ в состоянии принуждения..." [1, с. 103], т. е. юридическая ответственность предполагает не потенциальное, а реальное состояние: она есть область сущего, а не должно. Она наступает там и тогда, где и когда правонарушитель фактически претерпевает отрицательные правовые последствия своего действия (в том числе и в сфере экологии), соответствующие характеру правонарушения и предус-

мотренные нормой права, будучи принужденным к этому государством. По сути, в самом общем виде юридическая ответственность состоит в претерпевании правонарушителем предусмотренной санкцией правовой нормы меры государственного принуждения.

Резюмируя вышеизложенное относительно природы юридической ответственности, имеющее самое непосредственное отношение и к экологическому праву, можно сделать следующий вывод: в отличие от категории ответственности, рассматриваемой в общесоциальном контексте, юридическая ответственность всегда ретроспективна, т. е. наступает за уже совершенное правонарушение, она несет нормативный характер, ибо возникает в связи с нарушением нормы права и осуществляется в соответствии с предписаниями правовых норм, т. е. строго регламентирована в смысле оснований и порядка ее применения.

Специфика правовой ответственности определяется ее неразрывной связью с государством. Во-первых, она возлагается за нарушение правовых норм, устанавливаемых, как известно, государством. Во-вторых, являясь реакцией на совершенное противоправное действие, "юридическая ответственность имеет ГОСУДАРСТВЕННО-ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР, который выражается прежде всего в том, что ответственность возлагается в случае правонарушения независимо от воли и желания правонарушителя и имеет по отношению к нему ВНЕШНИЙ характер" [2, с. 44]. Главная особенность юридической ответственности как меры обеспечения законопослушного поведения — "наказательный" элемент, т. е. она заключается в наступлении нежелательных для виновного последствий, ущемляющих его интересы [5].

Таковы основные характерные черты категории юридической ответственности, рассматриваемой с позиции общей теории права. Как уже было сказано, именно на них базируется применение данной категории в области экологии, где она, обладая определенной спецификой по своей структуре,

представляет собой комплексное правовое образование, состоящее из двух групп правовых норм и соответствующих им правоотношений — из правоохранительных норм права, устанавливающих обязанности и запреты и формулирующих таким образом составы конкретных экологических правонарушений, и норм, определяющих санкции за нарушение этих предписаний, которые "принадлежат" административному, гражданскому, уголовному, трудовому праву и выполняют присущую им охранные функции. Обе эти группы норм составляют единое структурное образование и находятся в строгом соответствии друг с другом.

В подтверждение данного суждения необходимо выделить один интересный аспект юридической ответственности в экологическом праве. Отнесение определенной категории правонарушений к группе экологических отнюдь не должно означать, что за их совершение необходимо применять какие-то особые эколого-правовые санкции. Доминирующее значение в данной ситуации приобретают предусмотренные законодательством меры уголовной, административной, материальной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности. Совокупность указанных видов ответственности, применяемых в экологическом праве, можно назвать эколого-правовой ответственностью лишь с известной мерой условности, хотя данный термин и получил известное распространение. Однако последняя не может претендовать на роль самостоятельного вида юридической ответственности. Специфичными для нее являются сфера применения — охрана окружающей среды, а также состав экологического правонарушения как ее основание. Во всем остальном эколого-правовая ответственность подчинена закономерностям правового регулирования отмеченных самостоятельных видов юридической ответственности.

Юридическая ответственность, как уже отмечалось ранее, обладая свойством реальности, означает именно фактическое претерпевание лицом определенных правоограничений. Данные

правоограничения — меры уголовной, административной, гражданско-правовой, материальной, дисциплинарной ответственности, каждая из которых представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности. Именно принадлежность санкций, в которых фиксируются определенный характер и объем правоограничений, к той или иной отрасли права и придаст таковым нормам качество самостоятельного вида юридической ответственности. Поэтому данные правовые нормы, фиксируя меру государственного принуждения, в том числе и при совершении экологических правонарушений, определяют закономерности правового регулирования комплексных межотраслевых образований, подобных институту эколого-правовой ответственности.

Однако употребление термина "эколого-правовая ответственность" в одном контексте с уголовной, административной и другими видами может со-

здать иллюзию самостоятельности данной категории. А чтобы этого не произошло, думается, целесообразно было бы отказаться от использования термина "эколого-правовая ответственность" и применять более корректную формулировку — "юридическая ответственность в экологическом праве".

Таким образом, опираясь на выше приведенные понятия юридической ответственности, учитывая ее общие характерные черты и особенности, присущие применению ее в сфере взаимодействия общества с окружающей природной средой, юридическую ответственность в экологическом праве кратко можно было бы определить как фактическое претерпевание в состоянии государственного принуждения субъектами определенных неблагоприятных последствий (правоограничений), установленных санкцией правовой нормы за совершение экологических правонарушений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории). М.: Юрид. лит., 1976. 216 с.
2. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. 240 с.
3. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 97 с.
4. Шестерюк А. С. Вопросы кодификации законодательства об охране окружающей среды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 120 с.
5. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / Отв. ред.: О. С. Колбасов, Н. И. Краснов. М.: Наука, 1985. 225 с.

История

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

И. Б. АВТАЙКИН, кандидат исторических наук

Многих сегодня волнует очернительство почти вековой истории нашей страны вообще и истории культуры в частности. Делается это или в политических целях, или для оправдания соб-

ственной некомпетентности. Современный читатель получил доступ к антимарксистской, антикоммунистической, антисоветской литературе, изданной еще в 20 — 30-е годы, главным образом

на Западе, и имевшей политический заказ представить большевиков чудовищами. По-видимому, пишет Н. Грибачев, неслучайно "Нью-Йорк таймс" с 1917 по 1920 г. 91 раз сообщала о свершившемся или близком падении советской власти, 6 — о взятии белогвардейцами Петрограда, три — о готовящейся сдаче Москвы [2].

Неизвестный ранее российскому читателю философ Г. П. Федотов, эмигрировавший из России в 1925 г., в своей книге "Судьба и грехи России" совершенно определенно пишет: "Левая был злым усмирителем народной воли" "опираясь на банды дезертиров, он взял власть в России" [7, т. 1, с. 257]. "Большевизм во много раз подорвал производительность народного труда", "уничтожил рабочий скот и самого трудящегося человека", "С большевизмом сотрудничает лишь темный слой работников просвещения". Октябрьскую революцию философ показывает как гибель России, крах ее культуры [7, т. 2, с. 25 — 26].

В мемуарах А. Ф. Керенского "Россия на историческом повороте" читаем: "С прибытием Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. большевистская зараза быстро распространялась по телу армии" [3, с. 183]. Известны и многие другие подобного рода издания, в которых утверждается, что советская история — позор России, она неестественна, погубила вековую российскую культуру.

Вспомните работу В. Соловьева "Читая Ленина". Автор утверждает, что расцветающую Россию большевики "сожрали" и "пустили в распыл" [6, с. 25]. Но министр внутренних дел царского правительства А. Д. Протопопов летом 1917 г. писал, что финансы разстроены, товарообмен нарушен, производительность идет на убыль; пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложняет экономическое и военное положение; деревня несчастна, города голодают; искусство, литература, ученый труд под гнетом; рабочих превратили в солдат, солдат — в рабочих; верховая власть перестала быть источником жизни и света. Исто-

риками, как отечественными, так и зарубежными, доказано, что страна после февральской революции продолжала сползать к общесоциальной катастрофе. А Соловьев обвиняет в этом В. И. Ленина, большевиков. Да и в официальной пропаганде утверждается, что на КПСС лежит ответственность за исторический тупик, в который загнаны народы Советского Союза, и за тот развал, к которому мы пришли.

Такого рода работы, как нам представляется, не могут служить источником постижения исторической истины, не могут способствовать нравственному обогащению читателя, его духовному росту. Сегодня к таким книгам у многих вера пропадает, можно даже утверждать, что пропала. Но, как нам думается, историкам сбрасывать их со счетов не следует. Напротив, надо их глубоко изучать, анализировать. При этом очень важно иметь в виду, кто, когда и с какой целью их написал, чьи интересы защищает. Это поможет читателю более конкретно определить, какую смысловую нагрузку несет то или иное произведение.

В книге "Советская культура. История и современность", в авторский коллектив которой вошли видные ученые А. Самсонов, И. Минц, Ю. Бромлей, В. Пиотровский и другие, приводятся слова известного общественного деятеля Японии Дайсаку Икэда о том, что сын бедного корейского крестьянина М. П. Ким смог стать ученым с мировым именем лишь благодаря Октябрьской революции. В судьбе Кима он увидел чудо культурной революции в СССР. В своей книге "Защищать человеческую жизнь", вышедшей в 1975 г. на русском языке в Токио, японский ученый подчеркнул, что волна революции, "достигнув далекой Сибири, привлекла М. П. Кима к активной деятельности, революционному строительству, сделала из него историка" [цит. по: 5, с. 5 — 6]. Академик Ю. В. Бромлей в этой же книге утверждает: "Повседневное приобщение к культуре, составляющее в прошлом привилегию господствующих классов и интеллигенции, стало ныне неотъемлемым элементом

том образа жизни практически всех членов советского социалистического общества" [5, с. 69].

К различным оценкам исторических фактов, событий и явлений нам надо привыкать, чтобы отрешиться от единомыслия. Должен утвердиться плюрализм мнений. Но беда, как нам представляется, в том, что под видом инакомыслия нередко, особенно в период крупных преобразований в обществе, некоторые авторы прибегают к откровенной лжи, клевете, фальсификации. И это опасно, так как неискушенные опытом жизни люди попадают под их влияние.

Естественно, важнейшим аспектом изучения истории вообще и истории культуры в частности становится их научная разработка. Как справедливо замечают в своей книге "История и конъюнктура" Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов, сегодня "половина страны стала историками-неформалами. Другая половина их внимательными и благодарными слушателями. Только загнанные в подполье зануды профессионалы ведут долгий список перепутанных дат, непроверенных фактов и некоторых цитат. Но кто их теперь слушает, этих зануд?" [1, с. 242 — 243]. На наш взгляд, книга очень современная. Само ее название говорит о том, что в последние годы появилось так много конъюнктуры, что историку-профессионалу места не остается.

Сейчас почти каждому становится ясно, что на смену мифологии "непорочности" революции, когда каждый шаг большевиков объявлялся единственным верным, приходит иная мифология — мифология "первозданного греха" революции, по которой все зло — от сталинских беззаконий до брежневского застоя — выводится из действий большевиков в первые послереволюционные годы. В этом можно убедиться, прочитав статью В. Косякова "Сапоги из шагреневой кожи" [4].

О том, в каком крайне бедственном экономическом и духовном положении в царской России находились широкие массы трудящихся, в свое время ос-

тро говорили великие сыны России Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Н. А. Некрасов, А. М. Горький. Тяжелейшие условия жизни приводили к высокой смертности населения, средняя продолжительность жизни лишь немногого превышала 30-летний рубеж. Тем не менее нас стараются убедить, что Россия кормила хлебом весь мир, но при этом избегают приводить какие-либо данные. На деле же в наиболее урожайном 1913 г. экспорт зерна составил лишь 9 млн т. Из первых 13 "мирных" лет ХХ в. в России было 7 голодающих.

Существенно отставала Россия от Западной Европы и США и в области культуры. При чрезвычайно высоком культурном уровне тончайшего слоя дворянской и разночинной интелигенции число грамотных составляло всего 211 чел. на 1000. По данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в 1911 г. на 1000 русских в Дании было 2 неграмотных, в Швейцарии — 6, во Франции — 33, в России — 617. И это понятно, ибо на 1000 чел. населения в дореволюционной России в школах обучалось 45 чел., в то время как в США — 229. А что изменилось за 70 лет? В 80-е годы эти показатели практически сравнялись, а на 1000 чел. населения СССР старше 15 лет 812 имели высшее и среднее образование.

В публицистике, средствах массовой информации нередко можно слышать и такой довод, что после крестьянской реформы 1861 г. Россия начала развиваться ускоренными темпами и безо всякого социализма вошла бы в число развитых стран. Но данные совместного исследования, проведенного Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госпланае СССР, свидетельствуют о другом. В 1861 г. душевой национальный доход России составил примерно 40 % по сравнению с Германией и 16 % по сравнению с США, а в 1913 г. — соответственно 32 % и 11,5 %. Прошло более 50 лет, а разрыв не только не сократился, а даже увеличился.

В 1913 г. на долю России приходилось лишь немногим более 4 % мировой промышленной продукции, а ее население составляло 9 % от населения мира. На душу населения в России приходилось в 2 с лишним раза меньше продукции, чем в остальном мире. К середине 80-х годов удельный вес населения СССР сократился до 5,5 %, а доля промышленной продукции в мировом объеме достигла, по данным ЦРУ, 14,5 %, а по данным Госкомстата — 20 %.

По мнению американских исследователей, в Советском Союзе уровень промышленного производства на душу населения почти втрое превышал средний мировой. Это говорит о том, что за 70 лет советской власти промышленность в СССР развивалась в 6 раз быстрее, чем в остальном мире. Однако ряд отраслей народного хозяйства страны развивался медленнее, чем на Западе, особенно сельское хозяйство. Оно находилось на уровне 20 % от американского. Тем не менее в Советском Союзе в 1989 г. было получено 11 % мирового производства зерна, 15 — хлопка, 27 — картофеля и 33 % — сахарной свеклы. Национальный доход страны — наиболее обобщающий показатель развития — по американским расчетам, в 1985 г. составил 57 % от национального дохода США, а в пересчете на душу населения — 46,2 % вместо 11,5 % в 1913 г., т. е.рос в 4 раза быстрее, чем в США.

С конца 80-х годов положение резко изменилось — все пошло "с горы". В 1987 — 1991 гг. национальный доход СССР сократился на треть и составил только 30,8 % от национального дохода США, а национальный доход России — 17,2 % американского. В 1992 г. наступил тотальный кризис во всех отраслях народного хозяйства. По словам представителя Президента России в Мордовии В. В. Конакова, в реальности в 1993 г. производство в различных отраслях промышленности по сравнению с 1991 г. упало от 6 до 40 % [8].

К сожалению, в последние годы во многих средствах массовой информации, да и в литературе ряд авторов в угоду политической конъюнктуре стремятся советское прошлое показать как время победы дьявола, нанося непоправимый нравственный урон нашему общественному развитию. Задача историков-профессионалов — помешать этому. В "Договоре об общественном согласии" совершенно спрятано подчеркивается, что величие российской истории с ее геройскими и трагическими страницами обязывает избегать упрощенных и оскорбительных оценок прошлого, не допускать искажения исторических фактов. Если мы будем придерживаться этих принципов, историческая наука займет достойное место в общественном развитии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бордюгов Г. А., Коалов В. А. История и культура. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
2. Грибачев Н. Вместе // Правда. 1986. 23 февр.
3. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993. 384 с.
4. Костиков В. Сапоги из шагреневой кожи // Огонек. 1989. № 32. С. 12 — 16.
5. Советская культура. История и современность. М.: Наука, 1993. 431 с.
6. Соловухин В. Читая Ленина // Родина. 1989. № 10.
7. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избр. статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб.: София. Т. 1. 1991. 352 с.; Т. 2. 1992. 352 с.
8. Сов. Мордовия. 1993. 15 дек.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИИ
И ЧУВАШИИ В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПОЛИТИКИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.
1926 — 1941 ГОДЫ
(ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

О. А. КАШТАНОВ, аспирант

Изучение промышленного развития Марийской, Мордовской и Чувашской республик периода индустриализации страны началось во второй половине 20-х гг. и с того времени прошло большой и сложный путь, в котором следует выделить четыре этапа.

Первый этап охватывает вторую половину 20-х — начало 30-х годов. Вышедшая в этот период литература представлена небольшими брошюрами, книгами, но главным образом журнальными статьями [7; 9; 13; 18; 20; 21 и др.]. Больше работ издано в Марийской и Чувашской республиках. Это объясняется более ранней организацией здесь автономий, которые имели собственные научные журналы.

Первыми исследователями индустриального развития республик были отнюдь не историки-профессионалы, а экономисты, видные хозяйствственные, партийные, советские работники. В центре их внимания были такие вопросы, как состояние и пути развития крупной (цеховой) и мелкокустарной промышленности, разработка и содержание ежегодных контрольных цифр и перспективных планов, итоги их выполнения, капитальное строительство, подготовка квалифицированной рабочей силы, снижение себестоимости продукции и др. Наряду с экономическими освещались социальные вопросы: состояние рынка труда и динамика безработицы, социальное страхование, рабочее снабжение, развертывание и предварительные итоги соцсоревнования, социальная психология отдельных категорий рабочих и др.

Необходимость изучения данных вопросов диктовалась практическими целями, от их верной постановки зависела правильность принимаемых ре-

шений. Исследователи не скрывали те трудности, которые имелись в промышленности в конце 20-х — начале 30-х гг.: срыв в выполнении плановых заданий как по количественным, так и по качественным показателям, высокая текучесть кадров, ухудшение рабочего снабжения, случаи формализма и "пародности" в организации соревнования и т. д. При этом они стремились изучить конкретные причины этих явлений.

По широте рассматриваемых вопросов, интересным обобщением работы данного этапа занимают видное место в историографии проблемы, представляя немалый интерес для современных исследователей.

Второй этап охватывает период с серединой 30-х до середины 50-х годов. Вопросы развития промышленности национальных республик в этот период освещаются в основном в небольших популярных книгах, сборниках, статьях, посвященных юбилейным датам в истории страны и республик [4; 5; 14; 19 и др.]. В работах главное внимание уделялось показу произошедших за годы довоенных пятилеток изменений в промышленности и рабочем классе, широко использовались статистические материалы.

История промышленного развития автономий Среднего Поволжья на этом этапе не нашла верного отражения вследствие догматизации науки и господства идеологии сталинизма. В литературе того периода, как правило, писалось лишь о достижениях довоенных пятилеток, о построенных предприятиях, о росте основных фондов крупной промышленности, ее валовой продукции, численности рабочих, о развертывании соцсоревнования, стахановского

движения. Недостатки и трудности промышленного развития замалчивались, а если и упоминались, то преподносились как следствие деятельности "врагов народа", вредителей и диверсантов.

Как правило, достижения промышленности республик в период индустриализации страны показывались на фоне промышленности дореволюционного времени. При этом дореволюционное прошлое изображалось исключительно в черных тонах. Обычным явлением было принижение уровня развития промышленности республик в дореволюционный период. Так, И. Л. Фрейдин, говоря о промышленности дореволюционной Чувашии, утверждал, что вся она состояла из 14 небольших предприятий [16, с. 5]. На самом же деле только крупных (цензовых) предприятий накануне революции здесь было в 3 раза больше. В других работах писалось, что промышленности на территории анализируемых республик до Октябрьской революции не было совсем [11; 12]. Все это делалось для того, чтобы преувеличить представление об успехах, достигнутых промышленностью за годы Советской власти.

По сравнению с предыдущим периодом второй этап изучения истории промышленного развития национальных республик был значительно менее плодотворным. Наметившаяся ранее тематика не получила дальнейшей разработки. Даже большой объем статистических данных, введенный в научный оборот, оказался слабо обобщенным.

Временные рамки третьего этапа изучения проблемы охватывают три десятилетия — с середины 50-х до середины 80-х годов. Этот период характеризуется заметной активизацией освещения в печати истории промышленности республик. Эта литература многослойная. Наряду со специальными исследованиями она включает учебные пособия, популярные брошюры, обобщающие труды по истории республик, очерки по истории партийных организаций.

Следует отметить, что на этом этапе историки Мордовии в значительной ме-

ре отстали от своих коллег в освещении данной проблемы, в особенности вопросов, касающихся непосредственно истории промышленности. Марийские и чувашские ученые добились больших успехов в этом отношении. В 1969 году в Йошкар-Оле была издана обстоятельная монография В. Ф. Пашукова, посвященная истории индустриализации Марийской республики [10]. В 1978 году в Чебоксарах вышел в свет первый том истории промышленности и рабочего класса Чувашии 1926 — 1941 годов [6]. В Мордовии исследования такого рода отсутствуют.

Для третьего этапа характерным является расширение тематики исследований, охват почти всего перечня поднятых ранее вопросов. Значительно увеличился круг используемых источников. Наряду со статистическими данными стали привлекаться материалы центральных и местных архивов, официальные документы, периодическая печать, выступления руководителей и др. Произошли позитивные сдвиги в трактовке отдельных вопросов. Свидетельством возросшего уровня научного осмысливания проблемы стало появление исследований историографического характера [1; 17].

Вместе с тем, несмотря на отмеченные достижения, на этом этапе не удалось преодолеть односторонность в освещении процесса промышленного развития республик, что было характерно для второго периода. По-прежнему историки и экономисты главное внимание уделяли показу положительных моментов. В то же время такие явления, как частое невыполнение плановых заданий, задержки с новым промышленным строительством, длительные сроки доведения предприятий до проектной мощности, свидетельствующие о трудностях и недостатках индустриального развития, глубоко не анализировались. Не было тщательного анализа причин низкой трудовой дисциплины, текучести кадров, ухудшения рабочего снабжения на рубеже 20-х и 30-х годов. Нередко отсутствовало даже упоминание об этих трудностях и издержках. Сказывалась политическая обстановка

того времени, осторожность исследователей в постановке новых, смелых проблем. В итоге процесс развития промышленности национальных республик в этот период не был полностью раскрыт.

Примерно с 1988 года начинается четвертый этап изучения рассматриваемой проблемы. Исследовательский процесс на этот период во многом определяется переосмыслением важнейших проблем индустриализации, вызванным политическими персменами.

В 1988 — 1990 годах появляются работы, в которых по-новому освещаются вопросы промышленного развития национальных республик [2; 3]. В них на основе опубликованных и вновь извлеченных архивных материалов большое место отводится показу недостатков, просчетов, которые были в ходе осуществления индустриализации, прежде всего в сфере планирования и производства строительных работ. Были поставлены вопросы о негативном влиянии командно-административных методов управления экономикой на производство и на инициативу работников, о последствиях репрессий в рядах промышленных кадров. В других работах, к слову, тематически непосредственно не относящихся к проблеме индустриального развития, поставлены не менее интересные вопросы: о значительном снижении уровня потребления в городах; о серьезном ухудшении рабочего снабжения в годы первой пятилетки [8]; о необоснованности, а порой и просто ошибочности многих разделов первого пятилетнего плана Мордовии

(точнее, его новой редакции 1931 года) [15].

Конкретная разработка этих и других требующих переоценки вопросов, несомненно, способствовала бы более углубленному изучению проблемы. С сожалением приходится отметить, что этого не произошло. После 1990 года ни на местах, ни в центре не появилось фактически ни одного исследования по проблеме индустриального развития национальных республик Поволжья. Между тем проблема не потеряла актуальности, она нуждается в дальнейшей разработке, в частности такой ее аспект, как взаимодействие местных руководящих органов и центральных властных структур по вопросам развития промышленности и роли национальных районов в общей хозяйственной стратегии страны. Сегодняшняя ситуация кардинальных политических и экономических реформ, ограниченности материальных и финансовых ресурсов во многом схожа с ситуацией конца 20-х — 30-х годов. В этих условиях, когда республикам приходится вести нелегкий диалог с центром, руководителям государственных и хозяйственных органов важно опереться на опыт предшественников. Это подчеркивает практическую значимость разработки проблемы. Кроме того, изучение промышленного развития национальных республик в 1926 — 1941 годах — важное условие создания качественных учебников, пособий и обобщающих трудов по истории республик. Необходимость такой литературы в настоящее время очевидна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Велялов У. В. Руководство Коммунистической партии социалистической индустриализацией в национальных республиках Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 390 с.
2. Бойко И. И. Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет // Чувашской АССР — 70 лет: Сб. статей НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1990. С. 35 — 64.
3. Бочкова Л. М. Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926 — 1932 гг.) // История СССР. 1988. № 6. С. 82 — 89.
4. Веренджкин В. В. Пять лет Мордовской АССР и десять лет Мордовской автономной об- ласти // Записки МНИИЯЛИ. Вып. 1. Саранск, 1940. С. 3 — 31.
5. Ивашкин А., Кладов А. Социалистическая промышленность Мордовской АССР // Советская Мордовия: Очерки, посвященные 20-летию республики. Саранск, 1950. С. 24 — 48.
6. История промышленности и рабочего класса Чувашии: В 2 ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. Ч. 1. 282 с.
7. Коновалов М. М. Мордовская автономная область // Среднее Поволжье [Самара]. 1931: № 1 — 2. С. 60 — 76.
8. Красников А. А. Деятельность партийных и советских органов по формированию рядов ра-

- бочного класса и изменение социально-демографической структуры и численности населения Мордовии (конец 20-х — 30-е гг.) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: История и современность: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1989. С. 63 — 75.
9. Нурмаков Н. Социалистическое строительство в автономиях РСФСР // Революция и национальности. 1933. № 7. С. 12 — 19.
  10. Пашуков В. Ф. Осуществление ленинской политики индустриализации в Марийской АССР. 1928 — 1941. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 312 с.
  11. Раймов Р. М. Революция 1905 — 1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье // Революция 1905 — 1907 гг. в национальных районах России: Сб. статей. М., 1949. С. 670 — 682.
  12. Рузавин Д., Петров С. Мордовская АССР. Саранск: Мордгиз, 1939. 61 с.
  13. Садовников Г. С. Размертвление местной промышленности МАО // Марий Эл. 1928. № 1 — 2. С. 74 — 83.
  14. Социалистическая промышленность Марийской АССР // 20 лет Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1941. С. 14 — 33.
  15. Филатов Л. Г. Коллективизация в Мордовии: проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. С. 186 — 199.
  16. Фрейдин И. Л. Советская Чувашия. М.: Соцэкиз, 1940. 117 с.
  17. Хаймуллин С. Н. Исследования по вопросам истории промышленности и рабочего класса в Чувашии: (Краткий историко-географический обзор) // История, археология и этнография Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. С. 103 — 141. (Труды НИИ. Вып. 56).
  18. Хошин В. Перспективы развития промышленности области // Коммунист [Самара]. 1929. № 3 — 4. С. 10 — 17.
  19. Чувашия к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. 78 с.
  20. Шапошников П. В. Мордовия на социалистической стройке. М.: Центриздат, 1931. 112 с.
  21. Эльжень Д. С. К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской республики // Чувашское хозяйство. 1928. № 3 — 4. С. 3 — 13.

***** ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

*****

География

***** ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОКРОВНЫХ ОЛЕДЕНЕНИЙ МОРДОВИИ

С. И. РУНКОВ, кандидат географических наук

Изучение следов древних покровных оледенений на территории Мордовии, относящейся к восточной части Окско-Донской равнины и западным склонам Приволжской возвышенности, имеет большое теоретическое и практическое значение. Проводившиеся ранее в этом направлении исследования не привели к решению важнейших вопросов ледниковой теории, а появление новых материалов по востоку Донского региона в последние годы сопровождается значительным обострением дискуссий. Это ведет к обоснованию новых палеогеографических реконст-

рукций и стратиграфических построений.

Неодинаковая степень геологической изученности плейстоцена бассейна Дона затрудняет сопоставление разрезов новейших отложений. В связи с этим особенно актуальными становятся проблемы количества и возраста оледенений, выявления удаленных источников сноса обломочного материала, познания механизмов воздействия периферических ледниковых покровов на ландшафты и уточнения границ их распространения. Большое значение имеет дальнейший поиск и комплексное изу-

чение разнообразными методами более информативных опорных разрезов, а также корреляция палеогеографических событий. Это должно способствовать разработке удовлетворительной палеогеографической концепции, объясняющей особенности развития покровных оледенений в данной области.

Первые сведения о нахождении в Среднем Поволжье в пределах изучаемого региона магматических и метаморфических пород северного происхождения появились в литературе во второй половине XIX в. в работе Барбата Де Марни, П. И. Кротова, Н. С. Никитина, А. П. Павлова. Исследования этого периода носили общегеологический характер и поэтому вопросы оледенений в них затрагивались лишь косвенно. На рубеже XIX — XX вв. большую и плодотворную деятельность по изучению плейстоценовых, в том числе ледниковых, отложений осуществляют А. Д. Архангельский, Н. И. Богословский, К. А. Космовский, О. К. Ланге и др., а в 30-е годы в ходе разномасштабных геологических съемок — Г. И. Блом, М. П. Казаков, А. И. Москвитин, В. К. Соловьев, З. М. Старостина, Н. С. Шатский, Е. М. Щукина и др. На составленных среднемасштабных картах ими были показаны различные типы четвертичных образований. В послесовинный период на стратиграфической схеме четвертичной системы региона выделены и подразделены нижне-, средне-, верхнеплейстоценовые и современные отложения, а также показан их генезис. Уже тогда геологи не исключали возможности обнаружения в понижениях Приволжской возвышенности окского горизонта морены, при этом отмечались образования, похожие на осадки озерно-ледникового генезиса.

Значительный вклад в изучение четвертичных отложений Мордовии в 70-е годы внесли саратовские геологи А. А. Жариков, К. Н. Разумова и др., предложившие четырехчленное деление нижнего плейстоцена с включением в него одного моренного горизонта. Этому способствовали анализ и обобщение фондового материала, а также предпринятые в процессе работ комплексные

исследования. Днепровское же оледенение ими по-прежнему относится к среднему плейстоцену, отмечается широчайшее его распространение в области Донского ледникового языка. Появляются и принципиально новые палеогеографические и стратиграфические построения по смежным регионам бассейна Дона [1 — 10]. Основным дискуссионным моментом в предлагаемых обобщениях становится разновозрастность донского и днепровского ледниковых языков. Для окончательного решения вопроса требуется более полный материал по фауне крупных млекопитающих.

В рельефе, строении разреза и вещественном составе новейших отложений периферической зоны материковых оледенений Русской равнины, занимающей обширную площадь, запечатлевлось многообразие протекавших здесь процессов и явлений. Частные чередования похолоданий и потеплений климата, незначительная мощность ледникового покрова и связанных с ним отложений, высокая степень вторичной преобразованности гляциальных форм рельефа и осадков во многом определили своеобразие и особенности лито- и морфогенеза. В процессе геологической деятельности ледника здесь, как и в центре оледенений, выделяются радиальные полосы экзарации и аккумуляции. Их расположение во многом определялось скоростью движения льда, возраставшей в долинообразных углублениях, ориентированных по направлению движения ледника. Поэтому одной из характерных особенностей периферической зоны является сильная зависимость направления движения ледниковых потоков от рельефа доледникового ложа. Так, в условиях приподнятой Приволжской возвышенности преодоление ледником уступов и водоразделов затруднялось, экзарация в конечном счете ослабевала и основными эродирующими агентами становились водно-ледниковые потоки. Преобладающим процессом была, по-видимому, аккумуляция материала. В целом эта область оказалась благоприятной для моренообразования вследствие разгрузки

транспортируемых иллювий и накопления основной морены.

Ледниковый рельеф Мордовии почти не сохранился. Моренные холмы и гряды существенно переработаны последелниковой денудацией. В геоморфологическом отношении территория разделяется на западную (низменную), находившуюся длительное время под непосредственным воздействием ледниковых покровов, и восточную (возвышенную), где располагалась краевая зона донского оледенения. В свою очередь ледниковая область подразделяется на холмисто-моренную равнину и водно-ледниковые зан드ровые равнинны. Последние получили широкое развитие в бассейнах рек Мокши, Вада, Сивини, Алатыря. Значительному послеледниковому расщеплению и трансформации подвергся рельеф района холмисто-моренной равнинны, где редко встречаются четкие аккумулятивные формы.

Принципиальное значение для пересмотра прежней стратиграфической позиции отложений ледникового комплекса имеет открытие и изучение нами в 1991 году на крайнем северо-западе Мордовии в среднем течении Мокши близ с. Нароватово неизвестного ранее полного разреза плейстоценовых образований. Здесь в едином разрезе вскрывается несколько разновозрастных и разногенетических толщ общей мощностью до 35 м, включающих подморенные озерно-аллювиальные пески и глины, сложнопостроенный комплекс ледниковых образований мощностью более 20 м, в котором выделяются по крайней мере два разновозрастных горизонта (окский и донской), разделенных междуморенными слоистыми осадками, и покрывающую лессово-почвенную формацию с наличием двух горизонтов ископаемых почв. Результаты палеоботанических и палеомагнитных исследований позволили обосновать стратиграфическое положение ледниковых горизонтов в опорном разрезе Нароватово. Впервые установлено, что оба моренных горизонта в одном разрезе перекрываются образованиями лихвинского времени. Это свидетельствует в пользу более дрежнего ранне-

плейстоценового возраста морен Мордовии.

Отличительной чертой гранулометрического состава морен изучаемой территории является незначительная примесь крупнообломочного материала, особенно валунов. Распределение обломков внутри одновозрастных толщ довольно равномерное. Для обоих разновозрастных моренных горизонтов характерна высокая степень опессированности, определявшаяся интенсивным выносом глинистых частиц в периферийской зоне в процессе многократного переотложения материала ледникового покрова.

Изучение минералогического состава (фракция 0,25 — 0,1 мм) в комплексе с другими литологическими признаками послужило основой стратиграфического расчленения разновозрастных моренных горизонтов, в также способствовало установлению возможных источников питания. Так, для верхней окской морены Мордовии больше характерна гранат-рогообманковая ассоциация руководящих минералов (15 — 35 % в сумме) с подчиненным содержанием эпидота (до 10 %) и других акессорных минералов. В более древней донской морене закономерности минералогического состава не всегда оказываются легко распознаваемыми, что обусловлено разной степенью сохранности отложений. В целом в основной морене донского оледенения ведущими минералами являются ильменит, гранат, эпидот. Такие резкие различия могут свидетельствовать о разновозрастности этих горизонтов. Источником сноса для окской морены, очевидно, была Скандинавская питающая провинция. На основании минералогического состава менее уверенно можно говорить о коренных источниках сноса для донской морены. Сильные вторичные преобразования происходили у осциллирующего края донского ледникового покрова. В минералогическом отношении очень значительным оказалось содержание окислов и гидроокислов железа и марганца (35 — 90 %) в мореноподобных отложениях Атемарского карьера.

Морские отложения донского горизонта по составу глинистых минералов сильнее зависимы от местных коренных пород. В них значительно больше, чем в окской морене, содержится монтмориллонита (до 50 — 60 %). В составе окской морены заметнее связь с удаленной Скандинавской питающей провинцией, характеризующейся широким развитием гидрослюдистых кор выветривания. Это проявляется в высокой степени обогащения гидрослюдой окской морены (до 50 — 60 %), имевшей, очевидно, преобладающее юго-восточное направление сноса.

Исследование крупнообломочных включений в ледниковых отложениях дало возможность реконструировать характер и условия осадкообразования и выявить различия у разновозрастных морен. Так, в опорном разрезе Нароватово, в обнажениях Новое Пшеничево и Стародевичье, расположенных в бассейне Мокши, окская морена по петрографическому составу эрратического материала существенно отличается от нижележащей мореной толщи. Количество дальнеприносных обломков в ней возрастает до 30 %, в то время как в нижней донской морене не превышает 10 %. Территориальный же анализ петрографического состава валунов и гальки в горизонте донской морены показал его значительную пространственную однородность почти во всем петрографическим группам. Установленная сильная выветрелось как местных (в среднем 55 — 60 %), так и дальнеприносных обломков (45 — 50 %) косвенно свидетельствует о древнем возрасте обоих моренных горизонтов. Резкие отличия петрографического состава обломочного материала в разрезах окской и донской морен связаны не только с большим влиянием местных подстилающих пород в зоне контакта с мореной, но и с существованием различных источников питания в процессе моренообразования и, видимо, определяются их разновозрастностью.

Пространственные различия петрографического состава обломков из удаленных питающих провинций по степени окатанности и выветрелости как

в донской, так и в окской одновозрастных основных моренах незначительны. Однако окской морене, по сравнению с донской, свойственны большее количество и большие размеры обломочного материала.

При всех известных недостатках метода, основанного на анализе ориентировки удлиненных осей крупнообломочного материала в выявлении маршрутов движения ледниковых покровов, подтвердились существенные различия в ориентировке галек у разновозрастных морен, удалось наметить направления движения местных потоков. Это было достигнуто благодаря проведенным замерам в слабонарушенных вторичными процессами мореных толщах, где углы наклона незначительны (10 — 20°). В донской морене в целом наблюдается юго-западная, а в окской — юго-восточная ориентировка галек.

Вышеизложенное подводит нас к заключению, что верхняя маломощная красноватых оттенков морена в местах ее опробования отличается от нижележащего ледникового комплекса по многим литологическим параметрам. Выделение в надмореной лессово-почвенной формации спорного разреза Нароватово спорово-пыльцевого спектра лихвинского времени и межледниковых перигляциальных осадков является достаточным основанием для заключения о разновозрастности нижнеплейстоценовых морен Мордовии, соответствующих окскому и донскому времени.

Таким образом, главнейшими палеогеографическими событиями в пределах изучаемого региона в четвертичном периоде были покровные оледенения и тесно связанные с ними перигляциальные процессы. Начало времени донского оледенения ознаменовалось для Мордовии постепенным изменением климата в сторону его похолодания вследствие разрастания ледниковых покровов, вероятно, в северо-восточных районах (Северный Урал и Новая Земля), которые и явились, скорее всего, основными источниками первоначального сноса материала. Донское оледенение привело к перестройке всех природных

компонентов, и его можно рассматривать как переломный этап в развитии ландшафтов Мордовии. Влияние оледенения особенно отразилось на составе флоры и фауны, отчасти на геоморфологическом облике территории. Преобладающей была аккумуляция, что запечатлелось в главных чертах строения отложений. Следы эвакуационной активности ледника оказались менее заметными, о чем говорит преимущественно согласное залегание осадков в разрезах. Структура донского ледникового покрова определялась как геоморфологическим строением территории, так и мощностями гляциального комплекса. Установлены местные направления движения льда и талых ледниковых вод, контролировавшиеся в значительной мере доледниковым рельефом. Намечены линии ледоразделов донского оледенения.

Оксское оледенение распространялось с северо-запада — из Скандинавии, что подтверждается ориентировкой обломков и их минералогического-петрографическим составом. Граница окского оледенения в Мордовии устанавливает-

ся только на отдельных участках, а пределы его распространения, по-видимому, ограничиваются бассейном Мокши.

Территория исследований в плеистоцене неоднократно находилась в условиях перигляциальной зоны. Наибольшей интенсивностью отличались перигляциальные процессы в донское время. Сильное морозное выветривание, протекавшее у края ледника, нашло отражение в криогенных структурах, отмечаемых на границе максимального оледенения. Они представляют собой клиновидные образования, проникающие на значительную глубину вниз по толще. К осадкам перигляциального типа относятся и широко развитые в бассейнах крупных рек Мордовии разновозрастные, нередко с примесью аллювия, зандровые отложения.

Предложенные реконструкции уточняют и развиваются представления о палеогеографических событиях четвертичного периода на территории Мордовии, что позволяет переосмыслить взгляды на проблемы оледенений исследуемой зоны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агаджанян А. К., Глушанкова Н. И. Палеогеография плиоцен-плеистоцена Верхнего Дона (по материалам изучения разреза Коротояк) // Вестн. комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. 1988. № 37. С. 62 — 73.
2. Грищенко М. Н. Плеистоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М.: Наука, 1976. 228 с.
3. Грищенко М. Н. Stratigraphy of pleistocene glacial deposits of the Upper Don basin // Geology of the Quaternary period (Pleistocene). Erevan, 1977. С. 322 — 327.
4. Красников Р. В., Иосифова Ю. И., Шулепкина Е. А., Либерман Ю. Н. О нижнечетвертичном возрасте Донского ледникового языка (по данным изучения мелких млекопитающих) // Докл. АН СССР. 1980. Т. 252, № 3. С. 667 — 680.
5. Новые представления о возрасте днепровского и донского языков покровного оледенения Русской равнины / А. А. Величко, В. П. Ударцев, А. К. Маркова и др. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1977. № 6. С. 25 — 36.
6. Ударцев В. П. Соотношение этапов развития перигляциальной и ледниковой областей в бассейне Средней Оки и Дона: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1982. 28 с.
7. Ударцев В. П. К проблеме количества и возраста покровных оледенений Окско-Донской равнины // Краевые образования материковых оледенений: Тез. докл. VII Всесоюз. совещ. М., 1985. С. 173 — 175.
8. Фаустова М. А. Строение ледниковой толщи Окско-Донской равнины и распространение моренных комплексов // Краевые образования материковых оледенений: Тез. докл. VII Всесоюз. совещ. М., 1985. С. 175 — 176.
9. Шик С. М. Основные результаты и задачи работ по изучению опорных разрезов плеистоцена центра европейской части СССР // Комплексное изучение опорных разрезов нижнего и среднего плеистоцена европейской части СССР. М., 1982. С. 3 — 11.
10. Шик С. М. Проблемы межрегиональной корреляции четвертичных отложений в свете новых данных по стратиграфии плеистоцена европейской части СССР // Тр. ин-та геологии и геофизики СО АН СССР. 1989. № 657. С. 57 — 64.

М е д и ц и н а

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИВАНИЙ В ВЕНОЗНОЕ РУСЛО КОСТЕЙ В МЕДИЦИНЕ КАТАСТРОФ

Н. И. АТЯСОВ, доктор медицинских наук

Опыт, накопленный при ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф, свидетельствует о наличии узких мест в оказании экстренной помощи в очагах массовых поражений. К основным из них относится невозможность немедленных вливаний в кровеносное русло при недоступности подкожных вен и артерий. Наш многолетний опыт экспериментально-клинической разработки методов лечения шока и терминальных состояний позволяет сделать вывод, что эта проблема может быть решена при использовании внутрикостного (в венозное русло костей) пути вливаний по разработанным широким показаниям. Имея ряд преимуществ перед традиционными внутрисосудистыми трансфузиями, он заслуживает особого внимания. Проведя более 12 000 внутрикостных инъекций, мы убедились, что важнейшими их достоинствами являются возможность приступить к ним немедленно, практически в любых условиях, когда возникает необходимость, даже на догоспитальном этапе, и продолжать, благодаря прочной фиксации иглы в кости, в пути следования больного в лечебное учреждение на любом виде транспорта.

При пункции костей не требуется точное направление иглы. При внедрении в губчатую ткань она проникает в участки, богатые венозными сосудами и капиллярами, являющимися истоками венозного русла.

Хотя внутрикостный путь известен клиницистам более полувека (в 1933 г. Джозефсон впервые ввел камполон в венозное русло грудины больному с пернициозной анемией, а в 1940 г. Геннинг перелил кровь), он не получил

широкого применения из-за невозможности ввиду выраженной локальной болезненности струйных, под давлением из шприца, вливаний. И. А. Кассирский [11], выполнив три внутригрудинных медленных капельных (самотеком) переливания крови, охарактеризовал их как "путь от отчаяния" "запасный путь". Поэтому данный метод получил широкое применение только для вливаний обезболивающих жидкостей, чаще раствора новокaina, при операциях на конечностях под жгутом [13].

Приступая к изучению возможностей внутрикостного пути вливаний, мы поставили задачу максимально расширить показания к нему. Начав в 1952 г. впервые производить внутрикостные инфузии в районной больнице, мы вскоре убедились в целесообразности вливаний раствора новокaina с целью обезболивания при операциях на конечностях и в амбулаторно-поликлинической практике [3]. При этом оказалось, что благодаря вытеканию внутрикостно введенного раствора анестетика при открытых переломах костей происходит и обильное промывание размозженных ран (лаваж) изнутри кнаружи с максимальным освобождением их от обрывков тканей, мелких инородных тел, радикальное удаление которых другими способами затруднительно. В результате надлежно обеспечиваются благоприятные условия для неосложненного заживления загрязненных ран [12], что трудно переоценить при лечении пострадавших в экстремальных условиях. Следует заметить, что при многоскользящих переломах хвостов конечностей можно внутрикостным введением рентгеноконтрастных

жидкостей диагностировать и повреждение магистральных сосудов.

Мы убедились в лечебном действии внутрикостной анестезии и стали с успехом применять ее в виде новокаиновых блокад при некоторых заболеваниях и повреждениях конечностей с болевым синдромом. Первый опыт 284 повторных внутрикостных вливаний анестетика у 108 преимущественно амбулаторных больных описан в работе [5]. Считаем, что внутрикостные новокаиновые блокады с включением лекарственных растворов необходимы также в экстремальных ситуациях, в частности при сдавлении тканей тела обломками разрушенных зданий перед извлечением из-под них пострадавших с целью профилактики и лечения тяжелого травматического шока и краш-синдрома.

Важным этапом в расширении показаний к внутрикостному пути вливаний явился разработанный метод безболезненных струйных трансфузий в метаэпифизы костей конечностей, в пяточную кость после внутрикостного местного обезболивания с наложением до начала переливания резинового бинта. Он впервые был применен для острого обезболивания и позволил отказаться от вынужденных (из-за локальной болезненности) капельных инфузий, струйных вливаний под наркозом. Ампула крови (250 мл) переливается обычно шприцем непрерывного действия в течение нескольких минут, до появления болезненности после снятия жгута. Струйное переливание большого количества жидкостей можно продолжить после повторной анестезии. Первый опыт 350 струйных внутрикостных трансфузий у 152 больных описан в монографии [4].

Трудно переоценить проведенные в дальнейшем исследования по использованию внутрикостного пути с принципиально новой целью — для более быстрого введения (нагнетания) крови и кровезаменителей с объемной скоростью до 150 мл/мин при терминальных состояниях и клинической смерти (без анестезии). Позволяя, в отличие от артериального метода, немед-

ленно приступать к эффективной борьбе за жизнь и имя другое преимущество, он значительно расширяет возможности современной реаниматологии, что особенно необходимо в медицине катастроф. В диссертационном исследовании В. К. Камерина [10] установлено, что высокий прессорный эффект обусловливается не только довольно быстрым восполнением кровопотери, но и суммарным эффектом раздражения струей нагнетаемой жидкости высокочувствительных рефлексогенных зон костномозговой ткани, надкостницы и регионарных венозных сосудов, приводящим к выраженной рефлекторной стимуляции сердечной и дыхательной деятельности, нередко исключающей необходимость закрытого массажа сердца. Накопленный опыт внутрикостных нагнетаний [6] свидетельствует, что при оказании реанимационной помощи ограниченным числом медперсонала большому количеству пострадавших этот метод незаменим.

Высокоэффективным также явился и описанный нами [7] метод дробных внутрикостных нагнетаний в наиболее травматичные этапы операций с целью предупреждения шока у тяжелых больных с комбинированными повреждениями и кровопотерей.

Не менее ценным достоинством внутрикостного пути, крайне важным в экстренных случаях, является одинаковая скорость действия фармакологических средств, что и при их введении в просвет подкожных вен и артерий. Поэтому внутрикостные инъекции лекарственных препаратов по экстренным показаниям на догоспитальном этапе, в случаях невозможности их введения в просвет спаивающихся подкожных вен, при обширных ожогах, у детей раннего возраста необходимо производить в венозное русло костей. Если к тому же учесть, что при шоке и терминальных состояниях применяемые обычно подкожные и внутримышечные инфузии неэффективны [9], то внутрикостный путь вливаний можно рассматривать как метод выбора.

Все это нашло подтверждение в диссертационной работе Ю. Г. Шарова [14], основанной, наряду с экспериментальными исследованиями, на большом опыте внутрикостных инъекций в работе Нижегородской станции скорой помощи. Автор убедительно показал, что инъекции стимулаторов сердечной деятельности, дыхания, вазопрессоров, анестетиков и других лекарственных растворов в экстренных случаях можно успешно производить на догоспитальном этапе, даже в кабине движущегося реанимобиля. Это открывает большие перспективы использования метода внутрикостных инъекций по экстренным показаниям, и особенно в медицине катастроф. Отсюда возникает необходимость пересмотра инструкций по оказанию экстренной помощи, в первую очередь на догоспитальном этапе, и обучения врачей экстренной службы технике внутрикостных вливаний.

В диссертационном исследовании М. С. Акулова [1] разработан метод внутрикостных инъекций миорелаксантов при интубации трахеи и проведения эндотрахеального наркоза, что необходимо в экстренных случаях при недоступности подкожных вен.

Расширению показаний к внутрикостному пути вливаний способствовало наше изучение локальных изменений в костной ткани, подтвержденные Н. К. Аношкиным [2] при проведении исследований с использованием гистологического и электронно-микроскопического методов. Установлена безопасность даже повторных вливаний всех жидкостей, вводимых в подкожные сосуды. Важное преимущество внутрикостного пути заключается и в том, что он является "биологическим фильтром". На гистологических препа-

ратах видно скопление в костномозговых ячейках 2—3-дневных микросгустков крови и более длительных сроков образования, приводящих к тяжелым посттрансfusionным осложнениям, пневмониям и др.

К ценным достоинствам внутрикостного пути следует отнести и возможность оставления иглы в кости после окончания вливания на длительное (до 2 недель и более) время с целью возможного срочного или испрерывного капельного введения лекарственных растворов, антибактериальных препаратов у тяжелых больных.

При соблюдении асептики и правильной технике, описанной в монографии [8], осложнений, связанных с внутрикостными введениями, не наблюдалось. Обобщенные результаты наших многолетних экспериментальных и клинических исследований по расширению показаний к внутрикостному пути струйных вливаний, нагистаний и инъекций изложены в монографии [6]. в предисловии к которой академик А. А. Вишневский писал, что благодаря простоте, доступности и сравнительной безопасности внутрикостный путь может найти применение по экстренным показаниям при массовых поражениях. С самой положительной стороны он зарекомендовал себя при лечении в Челябинском ожоговом центре больных с тяжелыми комбинированными травмами, пострадавших в крупномасштабной железнодорожной катастрофе в Башкирии в 1989 году, особенно с одновременными обширными ожогами, переломами костей, кровопотерей, развитием шока и терминальных состояний, а также при применении у детей в случае невозможности внутривенных и внутриартериальных вливаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акулов М. С. Внутрикостный путь введения мышечных релаксантов при травматолого-ортопедических операциях у детей: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1981. 19 с.
2. Аношкин Н. К. Локальные изменения в костномозговой ткани после внутрикостных струйных вливаний крови и лекарственных растворов: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1972. 12 с.
3. Атысов Н. И. Применение внутрикостной анестезии в амбулаторной хирургии / Ин-т травматол. Горький, 1958. 182 с.
4. Атысов Н. И. Струйные внутрикостные вливания / Ин-т травматол. Горький, 1959. 132 с.
5. Атысов Н. И. Внутрикостная анестезия в амбулаторной практике. Горький: Кн. изд-во, 1962. 212 с.

6. Атласов Н. И. Внутрикостный путь вливаний в хирургической, инфекционной и реаниматологической практике. Горький: Волгоград, кн. изд-во, 1970. 207 с.
7. Атласов Н. И. Профилактика операционного шока у тяжелообожженных / Мордов. ун-т. Саранск, 1983. 76 с.
8. Атласов Н. И. Ошибки и опасности при внутрикостных вливаниях / Мордов. ун-т. Саранск, 1984. 77 с.
9. Неговский В. А. Основы реаниматологии. М.: Медицина, 1975. 360 с.
10. Камерин В. К. Внутрикостное нагнитание крови и плазмозаменителей при шоке, терминальных состояниях и клинической смерти: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1971. 18 с.
11. Классирский И. А. Трансфузия в костный мозг // Сов. мед. 1943. № 2 — З. С. 18 — 19.
12. Ткаченко Г. К. Чрескостные промывания в эксперименте и клинике. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 301 с.
13. Фрайман С. В. Внутрикостный метод обезболивания при операциях на конечностях и его анатомическое обоснование // Хирургия. 1955. № 12. С. 38 — 42.
14. Шаров Ю. Г. Экспериментально-клиническое обоснование применения внутрикостного метода вливаний лекарственных растворов на догоспитальном этапе: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1986. 16 с.

КЛИНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРОТИВОАРИТМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РИТМИДАЗОЛА

Л. К. ФЕДОТКИНА, кандидат медицинских наук,
Н. Ю. ЛЕЩАНКИНА, клинический ординатор,
И. Я. КОСТИНА, клинический ординатор,
А. А. СПАСОВ, доктор медицинских наук

Нарушения сердечного ритма являются одним из наиболее частых и тяжелых осложнений различных сердечно-сосудистых заболеваний. В исследованиях ученых [5, 6] показана прямая связь между определенными видами аритмий и повышенным риском внезапной смерти. К сожалению, несмотря на расширение представлений о природе аритмий, а также о механизмах действия антиаритмических препаратов, лечение нарушенного ритма остается в значительной степени эмпирическим [3]. Кроме того, практически все применяемые в клинике антиаритмики вызывают нежелательные эффекты: уменьшают сократительную способность миокарда, подавляют проводимость сердечной мышцы [1, 2, 4]. Поэтому проблема поиска новых препаратов, обладающих высокой антиаритмической активностью и минимальными побочными эффектами, является весьма актуальной.

В настоящей работе представлены результаты клинических испытаний противоаритмической активности нового антиаритмика — ритмидазола. До-клинические исследования этого препа-

рата, проведенные в Волгоградской медицинской академии А. А. Спасовым, показали, что в условиях экспериментальной патологии ритмидазол обнаружил значительную противоаритмическую активность, превосходящую эффекты хинидина и новокайнамида. Наибольший терапевтический эффект ритмидазол проявил при экспериментальной фибрилляции предсердий и аконитиновой предсердно-желудочковой аритмии.

Ритмидазол исследовали на 75 больных с различными нарушениями ритма в возрасте от 18 до 77 лет. По характеру нарушений ритма больные распределились следующим образом: у 38 человек была мерцательная аритмия, в том числе у 31 из них — пароксизмальная, у 7 — постоянная форма; у 7 больных — трепетание предсердий, у 7 — пароксизмальная наджелудочковая тахикардия, у 3 — сочетание мерцания и трепетания предсердий, у 15 — желудочковая экстрасистолия (градация II — V по Лауну), у 2 — предсердные экстрасистолы, у 3 больных — синусовая тахикардия. По характеру основного заболевания больные пред-

ставлены следующим образом: у 59 пациентов — ИБС (в том числе инфаркт миокарда у 9 больных), у 1 больной — ревматизм, у 6 — дилатационная кардиомиопатия, у 5 — миокардиодистрофии различного генеза, у 1 — синдром WPW, у 3 больных — НЦД по кардиальному типу. У 57 больных диагностирована недостаточность кровообращения I — II-й степени.

Ритмидазол вводили в дозах 250 — 350 мг внутривенно. Контроль за действием препарата осуществлялся мониторным наблюдением в течение 3 ч после введения, использовалось холтеровское мониторирование. Эффективность препарата оценивалась по купирующему влиянию на пароксизм аритмии в течение 30 мин после введения; в случаях с экстрасистолиями положительный эффект считалось подавление экстрасистол на 75 % и более. АД измерялось по методу Короткова до введения, через 3, 5, 10, 20, 30, 60 мин после него.

Наибольшее антиаритмическое действие ритмидазол проявил в случаях купирования пароксизмальной мерцательной аритмии: положительный эффект был отмечен в 25 случаях из 31 (80,6 %). При этом у большинства больных (19 человек) ритм восстановился в первые 30 мин от начала введения. У 6 больных первое введение препарата было неэффективным. Через 30 мин после повторного введения синусовый ритм был восстановлен. Надо отметить, что у всех этих больных пароксизм аритмии длился более 8 дней и сопровождался выраженнымами симптомами недостаточности кровообращения. В случаях с постоянной формой мерцательной аритмии ритмидазол был малоэффективен, но в 3 случаях из 7 отмечен переход тахиформы (ср. ЧСС 118 ± 6 в мин) аритмии в нормоформу (ср. ЧСС 76 ± 4 в мин). Лишь у 2 больных из 7 удалось купировать трепетание предсердий (28 %), но у остальных 5 человек было неэффективным также введение новоканнамида, изоптина, кордарона. Ритм был восстановлен в 1 случае хинидином, в 4 — электрической дефибрилляцией. У па-

циентов с наджелудочковой пароксизмальной тахикардией препарат купировал пароксизмы в 55 % случаев. У 1 больного с выраженной недостаточностью кровообращения и у 2 — с исходной ЧСС более 200 в мин ритм был восстановлен изоптином.

В случае применения ритмидазола у больных с экстрасистолиями положительный эффект был получен только при предсердных экстрасистолах. У пациентов с желудочковыми экстрасистолиями препарат проявил низкую эффективность: кратковременно подавлял экстрасистолы в 4 случаях из 15.

При введении ритмидазола АД не претерпевало существенных изменений. У больных с изначально повышенным АД (8 случаев) в первые минуты наблюдалось небольшое снижение как систолического (15 — 20 мм рт. ст.), так и диастолического (5 — 10 мм рт. ст.). У больных с нормальным и низким АД после введения ритмидазола не отмечено его дальнейшего снижения.

О влиянии ритмидазола на функцию проводимости миокарда судили по изменению интервалов PQ, QRS, QT и RR на ЭКГ до и после введения препарата. Результаты, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что в применяемых дозах ритмидазол достоверно не влиял на атриовентрикулярную и внутрижелудочковую проводимость, увеличивал электрическую синхронизацию желудочков и длительность сердечного цикла.

Таблица 1
Влияние ритмидазола
на продолжительность интервалов ЭКГ

Интервалы ЭКГ	Продолжительность интервалов ЭКГ, с		
	До введения ритмидазола	После введения ритмидазола	P
PQ	$0,166 \pm 0,01$	$0,167 \pm 0,01$	$< 0,05$
QRS	$0,081 \pm 0,25$	$0,081 \pm 0,046$	$< 0,05$
QT	$0,392 \pm 0,01$	$0,410 \pm 0,01$	$< 0,05$
RR	$0,882 \pm 0,025$	$0,912 \pm 0,06$	$< 0,05$

Введение ритмидазола хорошо переносилось больными. В качестве побочных эффектов у 28 пациентов (37 %) отмечено кратковременное ощущение першения в горле, головокружение, которые проходили самостоятельно через 8 — 10 мин от начала введения.

Таким образом, результаты клинических испытаний показали, что наибольшую противоаритмическую активность ритмидазол проявил у больных с пароксизмальной мерцательной арит-

мией и пароксизмальной наджелудочковой тахикардией. Это малотоксичный препарат: в применявшихся нами дозах он не подавлял атриовентрикулярную и внутрижелудочковую проводимость, не снижал АД. Представляется, что отечественный препарат ритмидазол заслуживает дальнейшего изучения с целью определения наиболее эффективных схем его применения при различных аритмиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авшелевич Ю. В., Думешь С. З., Слободинь А. К., Споран В. Г. Осложнения при внутривенном введении антиаритмических препаратов // Кардиология. 1982. № 11. С. 19 — 22.
2. Брахман И., Шмидт К., Бауэр Т. и др. Антиаритмические препараты при сердечной недостаточности // Кардиология. 1981. № 4. С. 38 — 40.
3. Каверина Н. В. Современные аспекты поиска и доклинического изучения антиаритмических средств // Кардиология. 1986. № 8. С. 5 — 9.
4. Кушаковский М. А. Аритмии сердца. СПб.: Гиппократ, 1992. 544 с.
5. Melneria T. Pharmakotherapie lebensbedrohlicher tachykarder ventrikulärer Herzrhythmusstörungen // Euro-med. 1994. Vol. 24, № 8. P. 402 — 404.
6. Wellens H. J. J., Brugada P. Treatment of cardiac arrhythmias: when, how, and where? // J. Am. Coll. Cardiol. 1989. № 14. P. 1417 — 1428.

КРИТЕРИИ ВЫБОРА ХИРУРГИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПРИ ВЫПАДЕНИИ МАТКИ

Л. П. ПЕШЕВ, кандидат медицинских наук,
Н. П. КУЗЬМИНА, О. В. КОКНАЕВА, врачи

Дистопии матки занимают заметное место в структуре гинекологических заболеваний, составляя, по данным некоторых авторов [4], 15 — 28 % гинекологической патологии, требующей оперативного лечения. Эффективность хирургической коррекции диспозиций матки зависит от множества факторов, среди которых наиболее существенное значение имеют длительность существования патологии, ее стадия (опущение — I или полное выпадение — II), выраженность трофических нарушений в органах, подлежащих топографической коррекции, возраст пациентки.

В патогенезе заболевания основную роль в настоящее время отводят травматичным родам, вызывающим вторич-

ную несостоятельность мышц тазового "дна", пролапс матки, мочевого пузыря и нередко ректальную грыжу [1, 3]. Однако такая точка зрения, по-видимому, является дискуссионной, поскольку не учитывает возможности врожденной недостаточности соединительнотканых компонентов связочного аппарата матки, тазовой диафрагмы и смежных с маткой органов у данной категории больных. Убедительным аргументом в пользу высказанного предположения служат клинические исследования И. Д. Рижинашвили и И. С. Савельевой [4], согласно которым у 8,3 % больных, перенесших пластические и корригирующие операции на внутренних гениталиях, наступает рецидив заболевания.

Все перечисленное диктует необходимость разработки более четких, стандартизованных критерии для обоснования хирургической тактики у пациенток с выпадением матки, а также поиска новых эффективных методов предоперационной подготовки данного контингента больных.

В связи с этим нами проанализированы результаты оперативного лечения 34 больных, страдавших дистопией внутренних половых органов различной степени. Из них в возрасте 34—45 лет были 12 женщин, 46—70 лет — 22. По данным гинекологического анамнеза, 10 пациенток были в репродуктивном возрасте, а 24 — в менопаузе. При бимануальном гинекологическом исследовании и на основании наружного осмотра у 7 женщин диагностировано опущение матки, у 27 — полное ее выпадение. Во всех наблюдениях отмечено сопутствующее цистоцеле, в 26 — ректоцеле. С рецидивом выпадения матки после ранее перенесенных пластических операций поступили 3 женщины (8,8%).

Всем больным проведено всестороннее клинико-лабораторное обследование, включавшее в необходимых случаях электромио- и реогистерографию по разработанной оригинальной методике. Предоперационная подготовка предусматривала санацию влагалища, лечение декубитальных язв шейки, выявленных у 16 пациенток, а также лазеротерапию с целью улучшения трофики и повышения регенеративной способности тканей, подлежащих оперативному лечению.

По данным реогистерографии, у женщин, страдавших выпадением матки более 5 лет, отмечены грубые расстройства трофики матки, выражавшиеся в снижении интенсивности артериального притока крови и венозном за-

стое. С учетом результатов исследований, степени тяжести основной патологии, фоновых заболеваний, возрастного фактора 14 больным произведена вентрофиксация матки по Кохсеру с передней и задней кольпоррафией и леваторопластикой, 12 — передняя и задняя кольпоррафия, леваторопластика с последующей центросуспензией матки по Бальди — Дартигу, 3 — передняя и задняя кольпоррафия с конусовидной ампутацией элонгированной шейки матки, 9 — влагалищная экстирпация матки без придатков с аутопластикой передней стенки влагалища (авторская модификация метода) [2], задней кольпоррафией с леваторопластикой. Согласно разработанным критериям экстирпация матки выполнена у всех больных, поступивших в стационар с рецидивом выпадения, а также у 6 женщин с продолжительностью диспозиции матки более 5 лет. В послеоперационном периоде помимо общепринятого лечения продолжали курс лазеротерапии (в течение 5 дней).

Все больные были выписаны на 12—14-е сутки после операции. Осложнений в послеоперационном периоде не отмечено. Наблюдения в течение последующих 1,5—2 лет показали хороший терапевтический эффект от выполненных операций.

Приведенные результаты подтверждают необходимость рационального выбора хирургической тактики при дистопиях матки с учетом перечисленных факторов, а также указывают на целесообразность включения в комплекс предоперационного обследования этой категории больных электромио- и реогистерографических исследований функционального состояния матки, что позволит хирургу избежать тактических ошибок и улучшит отдаленные результаты лечения.

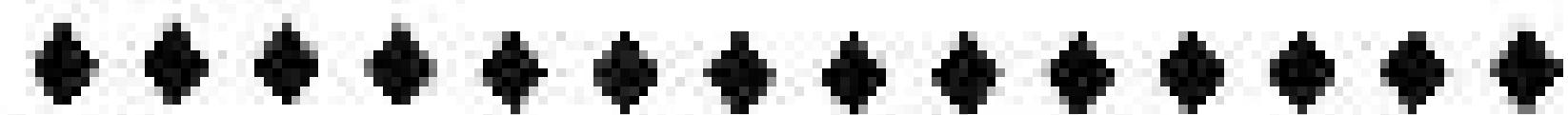
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Еловин С. В. Операции при грыжах влагалища // Проблемы хирургии в акушерстве и гинекологии. М., 1995. С. 146.
2. Пешев Л. П., Аваньев О. И., Соловьева Е. Л., Ромашкова Т. В. Эффективность чрескожного облучения гелий-неоновым лазером в профилактике пос. "операцион-
- ных осложнений у родильниц и гинекологических больных // Актуальные вопросы лазерной медицины и операционной эндоскопии. М., 1994. С. 171.
3. Палстов Н. Н., Проценко В. М., Ефремов А. В. Хирургическое лечение послеродовой недостаточности анального сфинктера // Пробле-

и хирургии в акушерстве и гинекологии. М., 1995. С. 227.

4. Рижнишвили И. Д., Савельева И. С.
Реабилитация больных, оперированных по пово-

ду опущения и выпадения внутренних гениталий // Проблемы хирургии в акушерстве и гинекологии. М., 1995. С. 237 — 239.

Математика

УСТОЙЧИВОПОДОБНЫЕ СВОЙСТВА АВТОНОМНОГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО УРАВНЕНИЯ НА БАЗЕ ФУНКЦИЙ ЛЯПУНОВА

А. А. ШЕСТАКОВ, доктор физико-математических наук,
В. Н. ЩЕННИКОВ, доктор физико-математических наук

В работе с помощью функций Ляпунова изучаются устойчивоподобные свойства решений автономного функционально-дифференциального уравнения

$$\dot{x} = f(x), \quad f: C \rightarrow \mathbb{R}^n,$$

$$x_1(s) = x(t+s), -T \leq s \leq 0, \quad (1)$$

где $C([-t, 0], \mathbb{R}^n)$ — банахово пространство непрерывных функций $\varphi(s)$, отображающих отрезок $[-t, 0]$ в $\mathbb{R}^n$ с топологией равномерной сходимости и с нормой

$$\| \varphi \| = \max \{ | \varphi(s) |, s \in [-r, 0] \},$$

$\varphi, \psi, x_t = x(t+s)$ — элементы пространства C .

Пусть правая часть $f(x)$ уравнения (1) удовлетворяет условиям:

$$A_1: f(0) = 0,$$

$$A_2: f \in C(E_{\beta+}, \mathbb{R}^n),$$

где $C(B_\rho, \mathbb{R}^n)$ — множество всех непрерывных функций из открытого шара $B_\rho = \{\varphi \in C : ||\varphi|| < \rho\}$ в пространстве $\mathbb{R}^n$.

Известно [2], что при выполнении условий A_1 и A_2 уравнение (1) имеет по крайней мере одно решение $x(t) = x(t_0, \varphi)$ (1), проходящее через каждую точку $(t_0, \varphi) \in V \times V_0$.

Предположим, что решение единственно.

Производная $\dot{V}(\varphi)$ функции $V(x) \in C(R^n, R)$ определяется формулой

$$\dot{\psi}(\varphi) = \lim_{h \rightarrow 0^+} h^{-1} (\psi(x(t_0, \varphi)(t_0 + h)) - \psi(\varphi)). \quad (2)$$

Если функция $V(x)$ обладает непрерывными частными производными, то формула (2) принимает вид

$$\dot{\psi}(\varphi) = (\text{grad}_x \psi(x), f(\varphi)).$$

Пусть M есть подмножество пространства C , а $R(M)$ — множество значений функций $\varphi(s)$, где $\varphi \in M$. Подмножество $M \subset V_\rho$ называется положительно инвариантным справа от $t_0 \geq 0$ (соответственно инвариантным) относительно уравнения (1), если для каждого $\varphi \in M$ и $t \geq t_0$ решение $x_{\varphi}(t_0, \varphi)(s) \in M$ (здесь $x(t_0, \varphi)(t)$ — решение (1), определенное для всех $t \geq t_0$, соответственно для всех $t \in R$).

Справедливая Терапия.

Теорема 1. Пусть выполнены условия:

- 1) $V(x) \in C(\mathbb{R}^n, \mathbb{R})$;
  - 2) $M \subset \mathbb{C}$ — положительно инвариантное справа от $t_0 = 0$ множество;

3) существует $\rho_1 \in (0, \rho)$ такое, что $0 \in M \subset \bar{B}_{\rho_1}$, где $\bar{B}_{\rho_1}$ — замыкание шара B_{ρ_1} ;

4) функция $V(x)$ определено-положительна на множестве $R(M)$;

5) производная $\dot{V}(\varphi)$ неположительна на множестве

$$\Phi(M) = \{\varphi \in M : \max_{z \leq s \leq 0} V(\varphi(s)) = V(\varphi(0))\}. \quad (3)$$

Тогда нулевое решение уравнения (1) положительно устойчиво относительно множества M , то есть для каждого $\epsilon > 0$ и каждого $t_0 \geq 0$ существует число $\delta = \delta(t_0, \epsilon) > 0$ такое, что для всех $\varphi \in B_\delta$ и $\varphi \in M$ справедливо неравенство

$$\|x(t_0, \varphi)(t)\| < \epsilon \text{ при } t \geq t_0. \quad (4)$$

Теорема 2. Пусть выполнены условия:

1) Функция $V: R^n \rightarrow R$ непрерывно дифференцируема;

2) выполнены условия 2 — 4 теоремы 1;

3) производная $\dot{V}(\varphi)$ определено-стрицательна на множестве (3).

Тогда нулевое решение уравнения (1) асимптотически устойчиво относительно множества M , то есть выполнено неравенство (4) и, кроме того, для каждого $t_0 \in R^+ = \{t : t \geq t_0 \geq 0\}$ существует число $\rho_1 = \rho(t_0) \in (0, \rho)$ такое, что

$$\lim_{t \rightarrow +\infty} \|x(t_0, \varphi)(t)\| = 0$$

для всех $\varphi \in B_{\rho_1}$ и всех $\varphi \in M$.

Теорема 3. Пусть выполнены условия:

1) функция $V: U(0) \subset R$ непрерывно дифференцируема на открытой окрестности $U(0)$ вуль-точки $0 \in R^n$;

2) $V: U(0) \rightarrow R$ определено-положительна на $U(0)$;

3) производная $\dot{V}(\varphi)$ определено-стрицательна на открытом шаре B_ρ таким, что $R(B_\rho) \subset U(0)$.

Тогда нулевое решение уравнения (1) асимптотически устойчиво, то есть

для каждого $\epsilon > 0$ и любого $t_0 \in R^+$ найдется такое $\delta = \delta(t_0, \epsilon) > 0$, что выполняется неравенство $\|x(t_0, \varphi)(t)\| < \epsilon$ при любых $(t_0, \varphi) \in \{t \geq t_0\} \times B_\delta$, и, кроме того, для любого $t_0 \in R^+$ существует $\rho_1 = \rho_1(t_0) \in (0, \rho)$, $\lim_{t \rightarrow +\infty} \|x(t_0, \varphi)(t)\| = 0$ для всех $\varphi \in B_{\rho_1}$.

На примерах можно показать, что теоремы 2 и 3 несправедливы для неавтономного функционально-дифференциального уравнения

$$\dot{x}(t) = f(t, x), f: R \times C \rightarrow R^n.$$

Теоремы 1 — 3 являются прямым обобщением классических теорем второго (прямого) метода Ляпунова [1] для автономного обыкновенного дифференциального уравнения

$$\dot{x}(t) = f(x), f: R^n \rightarrow R^n.$$

Введем обозначение:

$$Z(V) = \{\varphi \in C : \max_{-t \leq s \leq 0} [V[x(\varphi)(t+s)] - V[\varphi(s)]] = \max_{-t \leq s \leq 0} V[\varphi(s)], t \in R^+\} \quad (5)$$

и, кроме того, через $E(V)$ будем в дальнейшем обозначать наибольшее подмножество множества (5), являющееся инвариантным относительно уравнения (1).

Справедлива следующая теорема о локализации положительного предельного множества $\Omega(\varphi)$ положительной траектории $\{x_t(\varphi) : t \in R^+\}$ уравнения (1).

Теорема 4. Пусть:

1) существует функция $V: R^n \rightarrow R$ такая, что

$$\dot{V}(\varphi) \leq 0, V(\varphi) \in C,$$

$$V[\varphi(0)] = \max_{-t \leq s \leq 0} V(\varphi(s));$$

2) существует функция $\varphi \in C$ такая, что решение $x(\varphi)(\cdot)$ определено и ограничено на R^+ .

Тогда

$$\Omega(\varphi) \subseteq Z(V). \quad (6)$$

З а м е ч а н и е. Из включения (6) следует, что

$$x_t(\varphi) \rightarrow E(V) \text{ при } t \rightarrow +\infty.$$

Теорема 4 является модификацией одного из результатов работы [3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ляпунов А. М. Общая задача об устойчивости движений // Собр. соч.: В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 7 — 264.

2. Хейл Дж. Теория функционально-дифференциальных уравнений: Пер. с англ. М.: Мир, 1984. 421 с.

3. Haddock J., Tugak J. Liapunov-Razumikhin functions and invariance principle for functional differential equations // J. Diff. Eqs. 1983. Vol. 48. P. 95 — 122.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

О РЕШЕНИИ ПЛОСКОЙ ЗАДАЧИ ТЕОРИИ УПРУГОСТИ В ДЕКАРТОВЫХ КООРДИНАТАХ ПРИ ЗАДАННЫХ НАПРЯЖЕНИЯХ

В. А. КАРТАШОВ, кандидат технических наук,
Н. М. КОЕШОВ, аспирант

В ряде работ, часть которых приведена в прилагаемом библиографическом списке [1 — 8, 10], рассматриваются проблемы напряженно-деформированного состояния неоднородных, в том числе анизотропных, тел, упругие характеристики которых известны. Возможен и обратный подход, когда в целях реализации желательного распределения напряжений отыскиваются необходимые для этого упругие параметры тела. Настоящая статья касается такого рода обратной задачи для неоднородных изотропных тел в случае плоского напряженного состояния.

Заданы напряжения $\sigma_x, \sigma_y, \tau_{xy}$, удовлетворяющие дифференциальному уравнению равновесия

$$\left. \begin{aligned} \frac{\partial \sigma_x}{\partial x} + \frac{\partial \tau_{xy}}{\partial y} &= 0; \\ \frac{\partial \tau_{yx}}{\partial x} + \frac{\partial \sigma_y}{\partial y} &= 0 \end{aligned} \right\} \quad (1)$$

и условиям на поверхности.

Деформации выражаются формулами

$$\left. \begin{aligned} \epsilon_x &= a (\sigma_x - \nu \sigma_y); \\ \epsilon_y &= a (\sigma_y - \nu \sigma_x); \\ \gamma_{xy} &= 2 (1 + \nu) a \tau_{xy}. \end{aligned} \right\} \quad (2)$$

Здесь $a = a(x, y)$ — коэффициент деформации (коэффициент податливости), являющийся функцией координат. Он представляет собой величину, обратную модулю упругости $E = E(x, y)$, т. е.

$$a = \frac{1}{E}. \quad (3)$$

Коэффициент попречных деформаций ν будем полагать не зависящим от координат.

Подставив выражения (2) в уравнение неразрывности деформаций

$$\frac{\partial^2 \epsilon_y}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 \epsilon_x}{\partial y^2} = \frac{\partial^2 \gamma_{xy}}{\partial x \partial y}, \quad (4)$$

после некоторых преобразований получим следующее дифференциальное

уравнение с частными производными:

$$\begin{aligned} & (\sigma_y - \nu \sigma_x) \frac{\partial^2 a}{\partial x^2} - 2(1 + \nu) \tau_{xy} \frac{\partial^2 a}{\partial x \partial y} + \\ & + (\sigma_x - \nu \sigma_y) \frac{\partial^2 a}{\partial y^2} + 2 \frac{\partial (\sigma_x + \sigma_y)}{\partial x} \frac{\partial a}{\partial x} + \\ & + 2 \frac{\partial (\sigma_x + \sigma_y)}{\partial y} \frac{\partial a}{\partial y} + a \nabla^2 (\sigma_x + \sigma_y) = 0. \end{aligned} \quad (5)$$

Решение этого уравнения даст функциональную зависимость коэффициента деформации (а следовательно, и модуля упругости) от координат, при которой осуществимо заданное напряженное состояние.

В качестве примера рассмотрим изгиб консольной пластиинки единичной толщины силой Q , приложенной на конце; ширина пластиинки равна $2b$ (рис. 1).

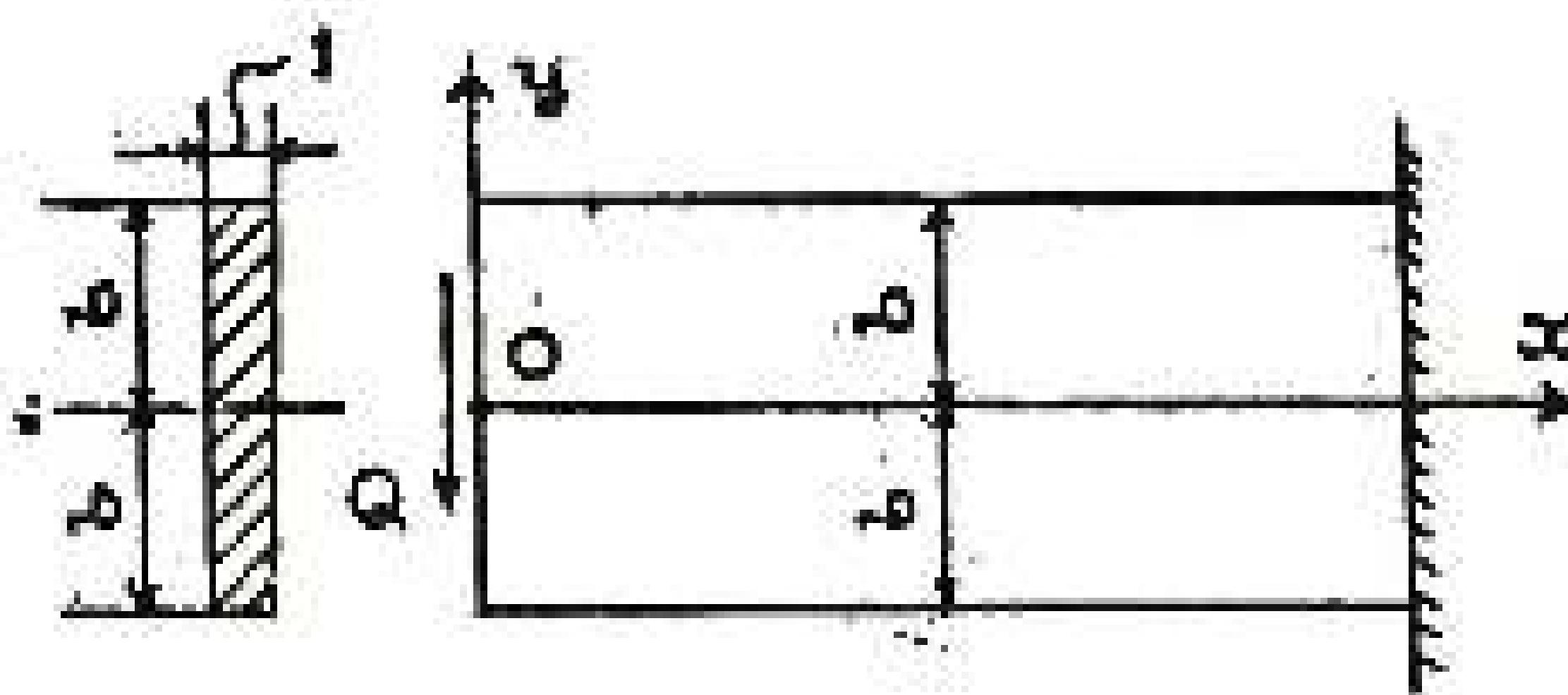

Рис. 1

Для нормальных напряжений примем формулы

$$\sigma_x = kx f(\eta); \sigma_y = 0. \quad (6)$$

Здесь k — некоторый коэффициент пропорциональности; x — расстояние от конца консоли (места приложения силы Q) до рассматриваемого поперечного сечения пластиинки; $f(\eta)$ — функция, характеризующая распределение напряжений σ_x по высоте сечения (одинаковая для всех сечений); $\eta = y/b$.

Отсутствие продольной силы требует, чтобы

$$\int_{-1}^1 f(\eta) d\eta = 0, \quad (7)$$

что осуществляется, в частности, при

$$f(-\eta) = -f(\eta). \quad (8)$$

Кроме того, необходимо, чтобы $f(\eta)$ удовлетворяла условию

$$\int_{-b}^b \sigma_x y dy = M, \quad (9)$$

где $M = Qx$ — изгибающий момент в сечении.

С учетом (6) и равенства $y = b\eta$ формулу (9) записываем как

$$kxb^2 \int_{-1}^1 \eta f(\eta) d\eta = M,$$

откуда

$$k_x = \frac{M}{b^2 \int_{-1}^1 \eta f(\eta) d\eta} = \frac{Qx}{b^2 \int_{-1}^1 f(\eta) d\eta},$$

Подставив эту величину в первую из формул (6) и приняв обозначение

$$S = \int_{-1}^1 \eta f(\eta) d\eta, \quad (10)$$

получим

$$\sigma_x = \frac{Qx}{b^2 S} f(\eta). \quad (11)$$

Согласно (1)

$$\frac{\partial \tau_{yx}}{\partial y} = -\frac{\partial \sigma_x}{\partial x}.$$

Интегрируя, находим

$$\tau_{yx} = - \int \frac{\partial \sigma_x}{\partial x} dy + A,$$

или, с учетом (11),

$$\tau_{yx} = -\frac{Q}{b S} \int f(\eta) d\eta + A.$$

Постоянная A находится из того условия, что продольные края пластиинки свободны от касательных напряжений, т. е. при $\eta = \pm 1 \tau_{yx} = 0$. Поэтому при

$$F(\eta) = \int f(\eta) d\eta \quad (12)$$

получим

$$A = \frac{Q F(1)}{b S}$$

и, далее,

$$\tau_{yx} = \frac{Q}{bS} [F(1) - F(\eta)]. \quad (13)$$

Исходя из конструктивно-технологических соображений установим, что $a = a(y)$, $\nu = \text{const}$, т. е. упругие свойства вдоль оси неизменны. При этих условиях уравнение (5), становясь обыкновенным дифференциальным уравнением, принимает вид

$$f(\eta) \frac{d^2a}{d\eta^2} + 2 \frac{df(\eta)}{d\eta} \frac{da}{d\eta} + a \frac{d^2f(\eta)}{d\eta^2} = 0, \quad (14)$$

или

$$\frac{d^2}{d\eta^2} [af(\eta)] = 0. \quad (15)$$

Решение этого уравнения выражается формулой

$$af(\eta) = C_1\eta + C_2.$$

Условия задания функции $f(\eta)$ такие, что при $\eta = 0$ $f(\eta) = 0$. Поэтому $C_2 = 0$ и

$$a = C_1 \frac{\eta}{f(\eta)},$$

или, если $C = 1/C_1$,

$$E = C \frac{f(\eta)}{\eta}. \quad (16)$$

Таким образом, все решение определяется заданием характера статически возможных напряжений σ_x , т. е. функции $f(\eta)$, удовлетворяющей условиям (7) и (9). После этого благодаря (12) становятся известны касательные напряжения, а формула (15) устанавливает закон изменения модулей упругости, необходимый для обеспечения заданного напряженного состояния.

Для удобства сравнительного анализа при различном задании функции $f(\eta)$ целесообразно, имея в виду, что $Q_x = M$, из формулы (11) получить

$$\frac{b^2}{M} \sigma_x = \frac{f(\eta)}{S}. \quad (17)$$

В частности, для напряжений σ_{x1} в крайних волокнах, т. е. при $\eta = 1$,

$$\frac{b^2}{M} \sigma_{x1} = \frac{f(1)}{S}. \quad (18)$$

Аналогично, воспользовавшись формулой (13), запишем:

$$\frac{b}{Q} \tau_{yx} = \frac{1}{S} [F(1) - F(\eta)]. \quad (19)$$

Для касательных напряжений τ_0 на нейтральной оси

$$\frac{b}{Q} \tau_0 = \frac{1}{S} [F(1) - F(0)]. \quad (20)$$

Отношение модуля упругости $E = E(\eta)$ волокна, имеющего безразмерную ординату $\eta = \frac{y}{b}$, к модулю упругости E_0 осевого волокна определяется согласно (16) как

$$\frac{E}{E_0} = \frac{f(\eta)}{\eta} \left[\frac{\eta}{f(\eta)} \right]_{\eta=0} \quad (21)$$

В частности, для модулей упругости E_1 крайних волокон

$$\frac{E_1}{E_0} = f(1) \left[\frac{\eta}{f(\eta)} \right]_{\eta=0} \quad (22)$$

В формулы (21) и (22) входит отношение $[\eta/f(\eta)]_{\eta=0}$, представляющее собой неопределенность вида $0/0$. Для того чтобы раскрытие этой неопределенности по правилу Лопитала не давало нуль или бесконечность, на функцию $f(\eta)$ накладывается дополнительное условие. Так, непригодна функция

$$f(\eta) = \eta^n \text{ при } n \neq 1.$$

Рассмотрим некоторые варианты задания функции $f(\eta)$.

1. Примем $f(\eta) = \eta$. Тогда

$$F(\eta) = \eta^2/2; F(1) = 1/2; S = 2/3.$$

Подставляя полученные величины в (11), (17), (18), (13), (19), (20), будем иметь:

$$\sigma_x = \frac{3}{2} \frac{Q_{xy}}{b^2}; \frac{b^2}{M} \sigma_x = \frac{3}{2} \eta;$$

$$\frac{b^2}{M} \sigma_{x1} = 1,5; \tau_{yx} = \frac{3Q}{4b} (1 - \eta^2);$$

$$\frac{b}{Q} \tau_{yx} = \frac{3}{4} (1 - \eta^2); \frac{b}{Q} \tau_0 = 0,75.$$

Формула (21) дает $\frac{E}{E_0} = 1$, т. е. здесь мы имеем дело с пластинкой из однородного материала. Этому соответ-

ствуют и полученные формулы напряжений.

Эпюры величин $\frac{b^2}{M} \sigma_x$, $\frac{b}{Q} \tau_{yx}$, E/E_0 показаны на рис. 2 а. Ординаты эпюр σ_x даны в долях величины M/b^2 , τ_{yx} — в долях величины Q/b , E — в долях модуля упругости E_0 осевого волокна.

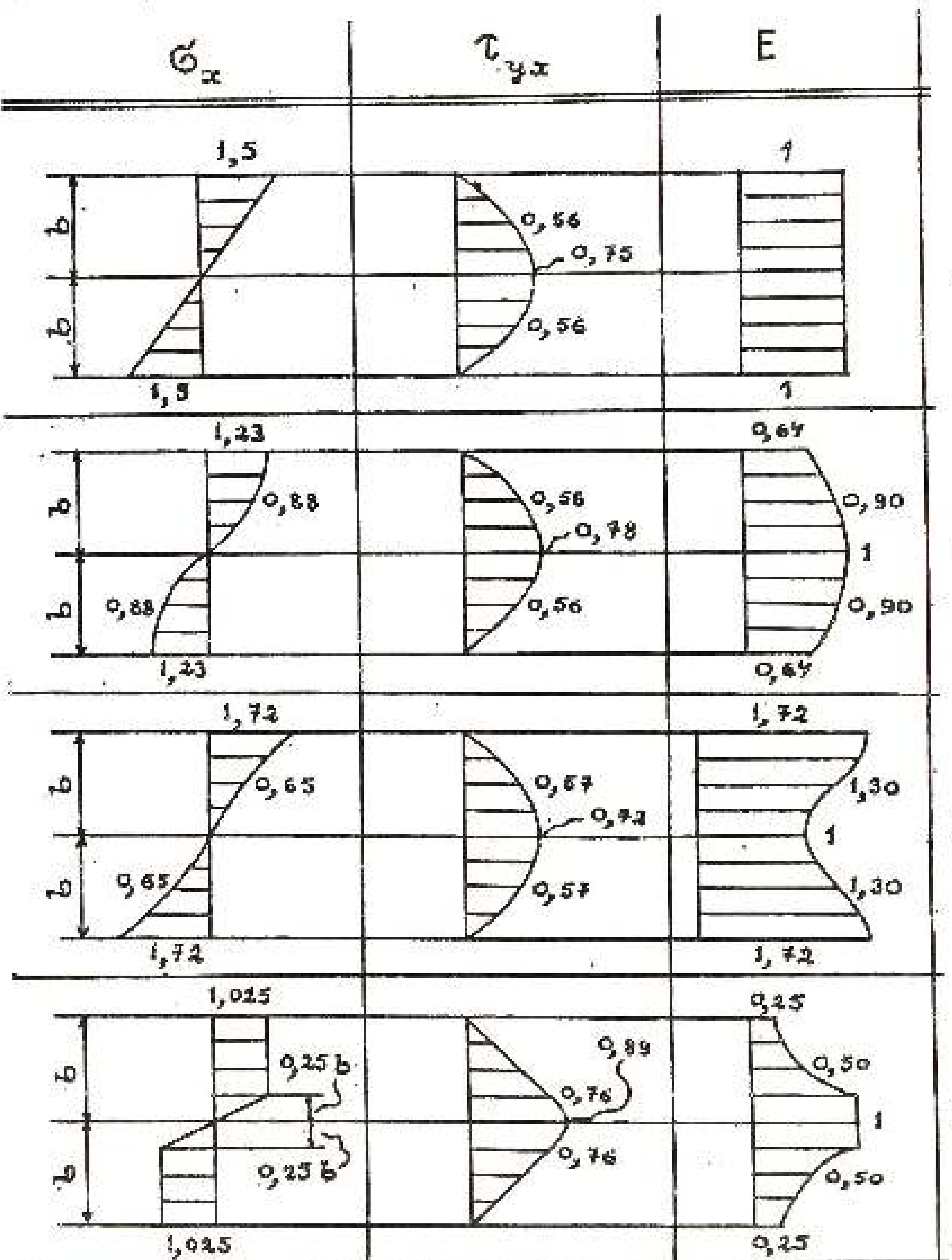

Рис. 2

2. Положим $f(\eta) = \sin \frac{\pi}{2} \eta$.

Найдем

$$F(\eta) = -\frac{2}{\pi} \cos \frac{\pi}{2} \eta; F(1) = 0; S = 8/\pi^2.$$

После этого согласно (11), (17), (18), (13), (19), (20) получаем:

$$\sigma_x = \frac{\pi^2 Q_x}{8 b^2} \sin \frac{\pi}{2} \eta; \frac{b^2}{M} \sigma_x = \frac{\pi^2}{8} \sin \frac{\pi}{2} \eta;$$

$$\frac{b^2}{M} \sigma_{x1} = \frac{\pi^2}{8} = 1,23; \tau_{yx} = \frac{\pi}{4} \frac{Q}{b} \cos \frac{\pi}{2} \eta;$$

$$\frac{b}{Q} \tau_{yx} = \frac{\pi}{4} \cos \frac{\pi}{2} \eta; \frac{b}{Q} \tau_0 = \frac{\pi}{4} = 0,78.$$

Как известно, $(\eta / \sin \frac{\pi}{2} \eta)_{\eta=0} = \frac{2}{\pi} \left(\frac{\pi}{2} \eta / \sin \frac{\pi}{2} \eta \right)_{\eta=0} = \frac{2}{\pi}$. Поэтому формула (21) дает $\frac{E}{E_0} = \frac{2}{\pi} \frac{\sin \frac{\pi}{2} \eta}{\eta}$, а для крайних волокон имеем $E_1/E_0 = \frac{2}{\pi} = 0,64$.

Эпюры величин $\frac{b^2}{M} \sigma_x$, $\frac{b}{Q} \tau_{yx}$, $\frac{E}{E_0}$, относящиеся к этому случаю, приведены на рис. 2 б.

3. Представим функцию $f(\eta)$ в следующем виде:

$$f(\eta) = \begin{cases} e^\eta - 1 & \text{при } \eta \geq 0; \\ 1 - e^{-\eta} & \text{при } \eta \leq 0. \end{cases}$$

В этом случае

$$F(\eta) = \begin{cases} e^\eta - \eta & \text{при } \eta \geq 0; \\ \eta + e^{-\eta} & \text{при } \eta \leq 0. \end{cases}$$

Очевидно, что $F(-\eta) = F(\eta)$, в частности $F(1) = F(-1) = e - 1$, $S = \int_{-1}^0 \eta (1 - e^{-\eta}) d\eta + \int_0^1 \eta (e^\eta - 1) d\eta = 1$.

Далее находим:

$$\sigma_x = \begin{cases} \frac{Q_x}{b^2} (e^\eta - 1) & \text{при } \eta \geq 0; \\ \frac{Q_x}{b^2} (1 - e^{-\eta}) & \text{при } \eta \leq 0; \end{cases}$$

$$\frac{b^2}{M} \sigma_x = \begin{cases} e^\eta - 1 & \text{при } \eta \geq 0; \\ 1 - e^{-\eta} & \text{при } \eta \leq 0; \end{cases}$$

$$\frac{b^2}{M} \sigma_{x1} = e - 1 = 1,72;$$

$$\frac{b}{Q} \tau_{yx} = \begin{cases} (e - e^\eta) - (1 - \eta) & \text{при } \eta \geq 0; \\ (e - e^{-\eta}) + (1 + \eta) & \text{при } \eta \leq 0; \end{cases}$$

$$\frac{b}{Q} \tau_0 = e - 2 \approx 0,72.$$

В данном случае $\left[\frac{\eta}{f(\eta)} \right]_{\eta=0} = \left[\frac{\eta}{e^\eta - 1} \right]_{\eta=0}$. Раскрывая эту неопределенность типа 0/0 по правилу Лопитала, получим $[\eta / (e^\eta - 1)]_{\eta=0} = 1$, вследствие чего формула (21) приводит к соотношению

$$\frac{E}{E_0} = \frac{e^\eta - 1}{\eta}.$$

Для модуля упругости E_1 крайних волокон $E_1/E_0 = e - 1 = 1,72$.

Эпюры найденных величин изображены на рис. 2 в.

4. Задается функция

$$f(\eta) = \begin{cases} 1 & \text{при } \epsilon \leq \eta \leq 1; \\ \eta/\epsilon & \text{при } -\epsilon \leq \eta \leq \epsilon; \\ -1 & \text{при } -1 \leq \eta \leq -\epsilon. \end{cases}$$

Найдем:

$$F(\eta) = \begin{cases} \eta & \text{при } \epsilon \leq \eta \leq 1; \\ \eta^2/2\epsilon & \text{при } -\epsilon \leq \eta \leq \epsilon; \\ -\eta & \text{при } -1 \leq \eta \leq -\epsilon. \end{cases}$$

$$F(1) = F(-1) = 1; F(\epsilon) = \epsilon/2;$$

$$S = \int_{-\epsilon}^1 \eta d\eta + \int_{-\epsilon}^0 \frac{\eta^2}{\epsilon} d\eta + \int_{-1}^{-\epsilon} \eta (-1) d\eta = 1 - \frac{\epsilon^2}{3}.$$

Далее, пользуясь соответствующими формулами, получаем:

$$\sigma_x = \frac{Qx}{b^2(1-\epsilon^2/3)} f(\eta);$$

$$\frac{b^2}{M} \sigma_x = \begin{cases} \frac{1}{1-\epsilon^2/3} & \text{при } \epsilon \leq \eta \leq 1; \\ \frac{\eta/\epsilon}{1-\epsilon^2/3} & \text{при } -\epsilon \leq \eta \leq \epsilon; \\ -\frac{1}{1-\epsilon^2/3} & \text{при } 1 \leq \eta \leq \epsilon; \end{cases}$$

$$\frac{b}{Q} \tau_{yx} = \begin{cases} \frac{1-\eta}{1-\epsilon^2/3} & \text{при } \epsilon \leq \eta \leq 1; \\ \frac{1-\epsilon/2-\eta^2/2\epsilon}{1-\epsilon^2/3} & \text{при } -\epsilon \leq \eta \leq \epsilon; \\ \frac{1+\eta}{1-\epsilon^2/3} & \text{при } -\epsilon \leq \eta \leq \epsilon; \end{cases}$$

$$\frac{E}{E_0} = \begin{cases} \epsilon/\eta & \text{при } \epsilon \leq \eta \leq 1; \\ 1 & \text{при } -\epsilon \leq \eta \leq \epsilon; \\ -\epsilon/\eta & \text{при } -1 \leq \eta \leq -\epsilon. \end{cases}$$

Для крайних волокон $E_1 = \epsilon E_0$.

На рис. 2 г изображены эпюры, построенные при $\epsilon = 0,25$.

Формула (16) может навести на мысль о справедливости в рассматрива-

емой задаче закона плоских сечений. При соответствии этого закона действительности и отсутствии поперечных нормальных напряжений σ_y она вытекала бы из него как простое следствие. На самом же деле поперечные сечения консоли из-за наличия касательных напряжений искривляются. Но это не мешает продольным деформациям ϵ_x быть пропорциональными расстояниям от нейтральной оси. Сказанное усматривается из уравнения совместности деформаций (4). При $\sigma_y = 0$, напряжениях σ_x , линейно зависящих от x , и касательных напряжениях, не зависящих от x , входящие в это уравнение $\frac{\partial^2 \epsilon_y}{\partial x^2}$

и $\frac{\partial^2 \gamma_{xy}}{\partial x \partial y}$ равны нулю. Следовательно, $\frac{\partial^2 \epsilon_x}{\partial y^2} = 0$, откуда и вытекает линейная зависимость ϵ_x от y . Это обстоятельство было несколько иным способом объяснено для однородных изгибающихся призм еще Сен-Венаном [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болотин В. В. Плоская задача теории упругости для деталей из армированных материалов // Расчеты на прочность: Сб. статей. Вып. 12. М., 1966. С. 3 — 31.
2. Житков П. Н. Плоская задача теории упругости неоднородного ортотропного тела в полярных координатах // Тр. Воронеж. ун-та. Вып. 27. Воронеж, 1954. С. 20 — 29.
3. Колчин Б. Г. Плоские задачи теории упругости неоднородных тел. Книгинс: Штилинга, 1977. 129 с.
4. Колчин Б. Г., Фаверман Э. А. Теория упругости неоднородных тел. Книгинс: Штилинга, 1977. 217 с.
5. Лехницкий С. Г. Кручение анизотропных и неоднородных стержней. М.: Наука, 1971. 240 с.
6. Лехницкий С. Г. Плоская задача теории упругости для среды, обладающей цилиндрической анизотропией с переменными модулями упругости // Инж. журн. 1967. № 1. С. 84 — 87.
7. Лехницкий С. Г. Теория упругости анизотропного тела. М.: Наука, 1977. 416 с.
8. Ростовцев Н. А. К теории упругости неоднородной среды // ПММ. 1964. № 28, вып. 4. С. 601 — 611.
9. Сен-Венан Б. Мемуар об изгибе призм // Сен-Венан Б. Мемуар о кручении призм. Мемуар об изгибе призм. М., 1961. С. 379 — 494.
10. Тер-Мкртычян Л. Н. Некоторые задачи теории упругости неоднородных упругих сред // ПММ. 1961. № 25, вып. 6. С. 1120 — 1125.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
**ОБОСНОВАНИЕ УРАВНЕНИЯ ТРАЕКТОРИИ
ДВИЖЕНИЯ КОЛОРАДСКОГО ЖУКА
ПРИ СТРЯХИВАНИИ С КАРТОФЕЛЬНОГО РАСТЕНИЯ**

А. П. САВЕЛЬЕВ, доктор технических наук,
А. М. КАРПОВ, кандидат технических наук,
М. Ф. КИСНЯШКИН, инженер

При страховании колорадского жука с кустов картофельного растения жук (или личинка) от удара щетки механизма страховивания совершают движение в пространстве, траектория которого показана на рисунке.

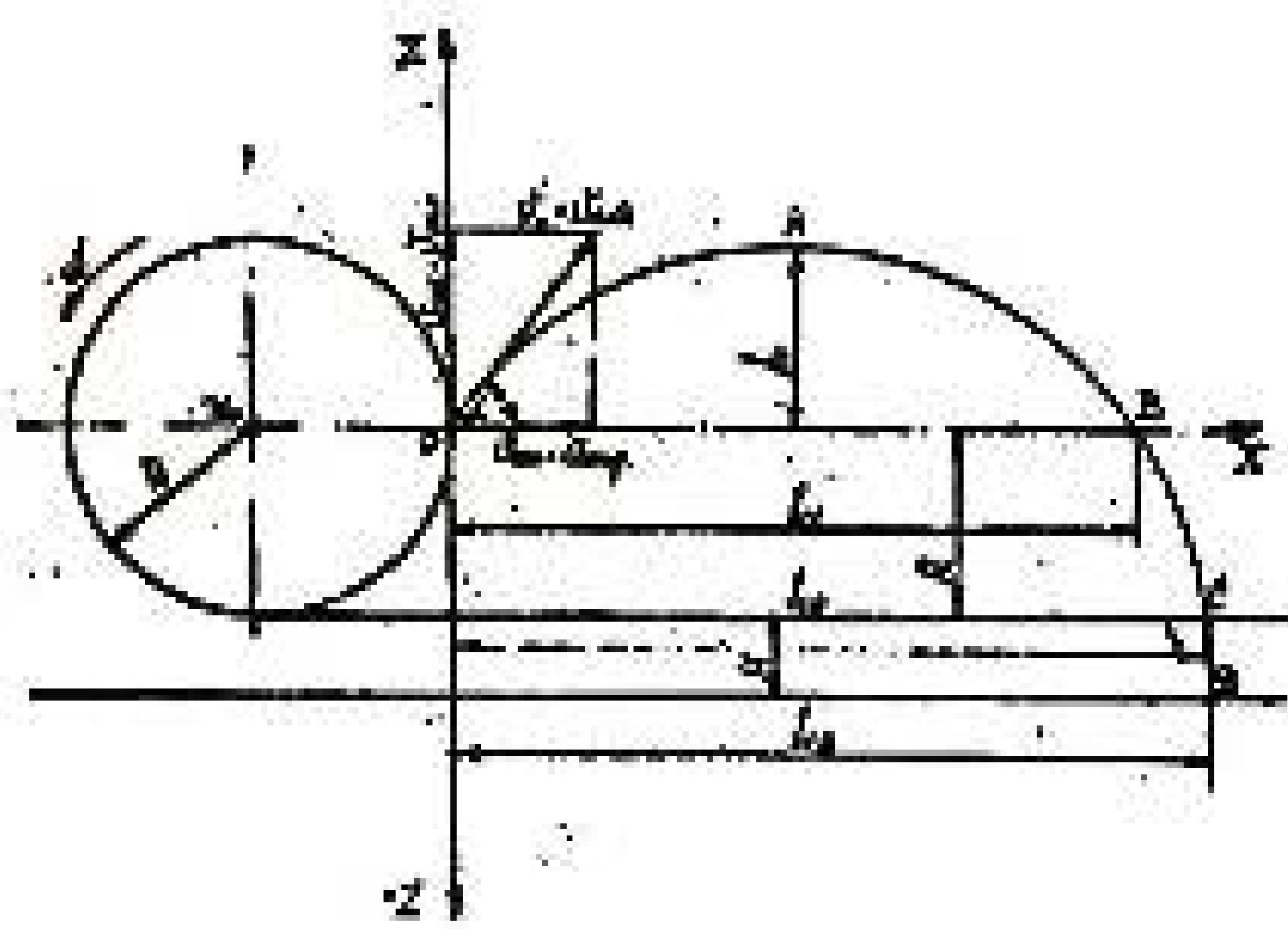

Рис. Схема траектории движения колорадского жука

Принимая жука (личинку) за материальную точку, определим его движения под углом α к горизонту с начальной скоростью $v_{abс}$. При выводе уравнения из-за малого коэффициента парусности сопротивления воздуха можно не учитывать.

Сместим начало координат 0 с точкой отрыва жука от конца гребенки страховившегося, направив ось X по горизонтали вправо (для левого страховившегося), а ось Z — по вертикали вверх.

Начальные условия движения:

$$t = 0, X_0 = 0, Z_0 = 0, v_{0x} = v_0 \cos \alpha, v_{0z} = v_0 \sin \alpha.$$

Составим дифференциальные уравнения движения жука под действием постоянной силы тяжести G в декартовых координатах:

$$mx' = \sum x_i = 0; mz' = \sum z_i = -G = -mg.$$

Проекции ускорения движения жука из этих уравнений: $x = 0, z = -g$.

Сначала проинтегрируем дважды по t дифференциальное уравнение движения жука вдоль оси X:

$$x' = C_1, x = C_1 t + C_2.$$

Определим постоянные интегрирования, подставив в первое уравнение проекцию начальной скорости:

$$x_{abc} = v_{abc} \cdot \cos \alpha,$$

отсюда

$$C_1 = v_{abc} \cos \alpha.$$

При подстановке во второе уравнение $t = 0$ и $x_{abc} = 0$ получим $C_2 = 0$. При найденных значениях C_1 и C_2

$$x' = v_0 \cos \alpha; \quad (1)$$

$$x = v_0 t \cos \alpha. \quad (2)$$

Уравнения (1) и (2) показывают, что проекция скорости движения жука на горизонтальную ось постоянна и его горизонтальное перемещение совершается по закону равномерного движения, т. е. по инерции.

Проинтегрируем дважды по t дифференциальное уравнение $z' = -g$:

$$z' = -gt + C_3; \quad (3)$$

$$z = \frac{-gt}{2} + C_3 t + C_4. \quad (4)$$

Определим значения C_3 и C_4 по начальным условиям. Подставим в уравнение (3) $t = 0, z_0 = v_{abc} \sin \alpha$. Тогда $C_3 = v_{abc} \sin \alpha$. Из уравнения (4) при

$t = 0$ и $z_0 = 0$ получим $C_4 = 0$. При найденных значениях C_3 и C_4

$$z = v_0 \cdot \sin\alpha - gt; \quad (5)$$

$$z = v_0 \cdot t \cdot \sin\alpha - \frac{gt^2}{2}. \quad (6)$$

Уравнения (5) и (6) показывают, что вертикальное движение жука является равнопеременным. При подъеме оно замедленное, так как направления вертикальной составляющей скорости и ускорения силы тяжести противоположны, а при спуске — ускоренное, так как эти направления совпадают.

Исключив время из уравнений движения жука

$$\begin{aligned} x &= v_0 \cdot t \cdot \cos\alpha, z = \\ &= v_0 \cdot t \cdot \sin\alpha - \frac{gt^2}{2}, \end{aligned}$$

получим уравнение траектории движения:

$$z = x \tan\alpha - \frac{gx^2}{2v_0^2 \cos^2\alpha}. \quad (7)$$

Траектория представляет собой параболу с вертикальной осью и вершиной А в наивысшей точке.

Скорость движения жука по траектории будет равна:

$$\begin{aligned} v &= \sqrt{v_x^2 + v_z^2} = \\ &= \sqrt{(v_0 \cos\alpha)^2 + (v_0 \sin\alpha - gt)^2}. \quad (8) \end{aligned}$$

Эта формула показывает, что движение, полученное сложением равномерного горизонтального и равнопеременного вертикального, не является равнопеременным.

Определим дальность и продолжительность полета жука (личинки). Предположим, что в точке В (см. рис.) он упал в лоток для его сбора ($z = 0$). Продолжительность полета определяется из уравнения $z = v_0 t \cdot \sin\alpha - \frac{gt^2}{2}$. При $z = 0$

$$v_0 t \cdot \sin\alpha - \frac{gt^2}{2} = 0. \quad (9)$$

Отсюда момент вылета $t = 0$ и момент падения

$$t_b = 2v_0 \cdot \sin\alpha / g.$$

Дальность полета L_1 определим,

подставив значение t_b в уравнение (2):

$$\begin{aligned} L_1 &= x_b = v_0 \cdot \cos\alpha \cdot 2v_0 \cdot \sin\alpha / g = \\ &= \frac{v_0^2}{g \cdot (\sin 2\alpha)}. \end{aligned} \quad (10)$$

Формула (10) показывает, что дальность полета жука при одной и той же скорости вылета v_0 зависит от угла α . Очевидно, что наибольшая дальность наблюдается при $\sin 2\alpha = 1$, т. е. при $\alpha = 45^\circ$.

Наибольшую высоту подъема жука при заданной начальной скорости v_0 и угле α можно определить из условия, что в наивысшей точке А проекция скорости на вертикальную ось равна нулю:

$$v_{AZ} = z_A' = v_0 \cdot \sin\alpha - gt_A = 0, \quad (11)$$

откуда

$$t_A = v_0 \cdot \sin\alpha / g. \quad (12)$$

Подставив значение t_A в уравнение

$$z = v_0 \cdot t \cdot \sin\alpha - \frac{gt^2}{2},$$

получим

$$h = z_A = v_0^2 \cdot \sin^2\alpha / 2g. \quad (13)$$

Приняв $\alpha = 45^\circ$ и $v_0 = v_{abc} = 2,72$ м/с, получим

$$h = \frac{2,72 \cdot 2,72}{2 \cdot 9,8} \cdot \frac{1}{2} = 0,38 \text{ м};$$

$$L_1 = \frac{2,72 \cdot 2,72}{9,8} = 0,76 \text{ м.}$$

Если предположить, что жук будет падать в лоток, расположенный на уровне нахождения конца щетки, то, произведя математические преобразования, получим дальность полета:

$$L_2 = v_0 \sqrt{\frac{2(h+R)}{g}},$$

где R — радиус гребенки стряхивания, м,

$$\begin{aligned} L_2 &= 2,72 \sqrt{\frac{2(0,38 + 0,325)}{9,8}} = \\ &= 2,72 \sqrt{0,14} = 2,72 \cdot 0,38 = 1,02 \text{ м.} \end{aligned}$$

Исходя из значений L_1 и L_2 необходимо определять размеры лотка для сбора колорадского жука и личинок

методом их стряхивания с кустов картофеля и его расположение в машине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горячкн В. П. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Колос, 1965. 384 с.
2. Яблонский А. А. Курс теоретической механики: В 2 ч. Ч. 2. Динамика: Учеб. для тех. вузов. 6-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1984. 423 с.
3. Сабликов М. В. Сельскохозяйственные машины: В 2 ч. Ч. 1. Устройство и работа. М.: Колос, 1968. 343 с.

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

000000000000000000000000000000 ЭТИКА БОРЬБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

(РЕЦ. НА КНИГУ: КИРИЧЁК П. Н. ПУБЛИЦИСТИКА И ПОЛИТОЛОГИЯ ПРИРОДА АЛЬЯНСА. САРАНСК: ИЗД-ВО МОРДОВ. УН-ТА, 1995. 84 С.)

Современная политическая жизнь российского общества насыщена бурными событиями, потрясениями, катаклизмами. Историку последующих поколений, желающему изучить политическую историю по материалам периодической печати сегодняшних дней, предстоит нелегкая задача — судить о событиях, многократно и искаженно истолкованных, представленных в многочисленных версиях, совершенно противоречивых и лишенных правдоподобия в результате тенденциозности подаваемого многочисленными изданиями материала, желания подкупить читателя сенсационными разоблачениями, использования спекулятивных приемов и злобных наветов, осуждаемых профессиональной этикой журналиста. Неподготовленность новоиспеченной четвертой власти к реализации свобод, дарованных "именным" законом, порождает историческую логосу обретения обществом информационной культуры, в рамках которой публицистика в альянсе с политологией играет особо важную роль. Этот процесс, исследуемый профессиональным журналистом и политологом, развертывается и осмысливается через призму содержательного единства

функционального структурного и сущностного родства политики и публицистики. Информационный и оценочный, психологический и социологический срез взаимодействия явленний позволяет автору сформулировать требования к труду политического обозревателя, публициста, определить грани его социальной и профессиональной ответственности.

Для решения исследовательской задачи автор обращается к анализу творческой лаборатории журналиста-политолога, раскрывает методику его работы. Это традиционный, формализованный, линейный и перекрестный методы анализа документов. Интересен механизм информационно-политических моделей, создаваемых прессой в сопряженности респондента и корреспондента, в совокупности таких приемов журналистики, как определение многомерности, расщепления, вычисление социально-политической результирующей. Важным звеном при обработке политической информации служит типологизация текста по следующим принципам: по отношению к объекту отражения; по виду словесной информации; по авторской позиции, воспроизводи-

мой через контекст-анализ, результаты которого позволяют характеризовать качество идейного "товара". П. Н. Кирчёк формулирует и такую отличительную черту современного российского политического текста, характерную для отечественной ментальности, как монологичность. Наш доморошенный автор, увы, всегда прав, и потому ставит цель в политической полемике достичь победы любой ценой, а затем распространяет эту цель из сферы политического сознания в сферу политических отношений, нагнетая истерию и агрессивность.

Каков путь к политической стабилизации в обществе? Это толерантность

и ответственность, полифоническое воспроизведение мысли в тексте и отказ от духовного диктата. Такова идейная канва, реализуемая автором книги в контексте различных ее разделов.

Остается добавить, что книга написана на современном материале, хорошим языком, совмещающим научность и популярность, полемичность и конструктивность. Она полезна журналистам и политологам, может быть рекомендована широкому кругу читателей, заинтересованных в политической стабильности и высокой культуре российского общества.

В. Ф. КИРДЯШОВ,
В. А. ПИСАЧКИН,
кандидаты философских наук

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕГИОН И ГЕОГРАФИЯ»

Развитие и усложнение функций территориального управления, усиление самостоятельности регионов объективной реальностью сегодняшнего дня в России порождают огромное внимание к междисциплинарным исследованиям. Среди них особое внимание следует уделять общественно-географическим дисциплинам с характерным для них комплексным подходом, анализирующими природные, экономические и социальные факторы, определяющие функционирование регионов. Появление новых форм собственности, новых хозяйственных механизмов вызывает необходимость совершенствования управления региональной экономикой.

Теоретическим и прикладным направлениям изучения регионов в Российской Федерации была посвящена Международная научно-практическая конференция "Регион и география", проведенная в мае 1995 года в городе Перми по инициативе Русского географического общества и Пермского университета. Одной из причин ее органи-

зации послужила знаменательная дата в отечественной географии — 150-летие создания Русского географического общества. Его создание в 1845 году должно было послужить "возделыванию географии в России", и оно выполнило свое предназначение, о чем убедительно сказал в своем слове на открытии конференции исполняющий обязанности президента РГО академик С. Б. Лавров.

На конференции присутствовали ученые и практические работники из законодательных и исполнительных органов, представляющих несколько стран (Россия, Казахстан, Украина, США) и множество регионов (Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Вятка, Курган, Магадан, Томск, Краснодар, Тюмень, Иркутск, Владикавказ, Анадырь, Калининград, Уфа, Воронеж, Екатеринбург, Казань). Более 500 человек прислали тезисы на конференцию, которые опубликованы в 4 томах. Около 50 человек присутствовали на заключительном "круглом столе".

На пяти секциях — "Общественно-географическое обеспечение социально-географического развития регионов", "Регион и ландшафты", "Геоэкология", "Закономерности формирования, методы изучения, расчетов и прогнозов водных ресурсов", "Анализ, прогноз и моделирование атмосферных процессов. Вопросы охраны атмосферы" — было заслушано около 80 докладов, охватывающих широкий спектр теоретических и прикладных проблем региональной политики, территориальной организации общества, нынешних социально-демографических и экономических процессов.

Количественные характеристики конференции не могли не вылиться в качественную проработку идей и практических рекомендаций по реализации географических концепций в процессе регионализации жизни общества.

В приветственной речи ректор Пермского государственного университета академик В. В. Маланин рассказал об истории и современной ситуации в Пермском государственном университете, обозначив перечень проблем регионального развития и регионального управления, над которыми в настоящее время работают ученые университета.

Председатель Законодательного Собрания Пермской области профессор Е. С. Сапиро говорил о концепции региональной политики области сквозь призму экономической регионалистики, где заложены многие теоретические идеи географов и экономистов университета, в настоящее время реализующиеся на практике через законодательное творчество.

Анализируя ситуацию в социально-экономическом развитии последних лет, Е. С. Сапиро отметил такие характерные особенности Пермской области, как сезонность работы лесопромышленного комплекса, речного флота и сельского хозяйства, что создает дополнительные трудности в ритмичной работе других отраслей. Особое внимание он уделил функциям сельского хозяйства не только как отрасли, обеспечивающей продовольствием, но и как отрасли, выполняющей социальные за-

дачи (размещение рабочих мест, агрорекреация и т. д.).

В то же время он отметил позитивные моменты в развитии области: наладилась работа отраслей связи (телефонной, компьютерной); сформировалась рыночная инфраструктура; расширилась сфера туризма и услуг; финансовая система избежала резких толчков и поворотов в ценообразовании.

Экологическая ситуация в Пермской области, как и в России в целом, по словам Е. С. Сапиро, парадоксальна. Снижение уровня антропогенной нагрузки на экосистемы за счет спада производства создает иллюзию улучшения экологической обстановки. Однако недоучет экологических факторов в экономической деятельности может привести в дальнейшем к полной деградации природно-социально-экологических систем.

Далее Е. С. Сапиро остановился на проблемах перераспределения бюджетных средств в разрезе "регион — федеральный центр" и "региональный центр — внутрирегиональный центр" и разумного регионального лоббизма в неравных стартовых условиях.

Академик С. Б. Лавров рассказал о деятельности Географического общества за последние годы и его задачах в новой geopolитической ситуации постбиполярного мира с множеством локальных и региональных конфликтов. Он подчеркнул необходимость научно обоснованного регионаобразования и нормативного оформления этого процесса, для начала ограничившись принятием законодательных актов о помощи депрессивным регионам.

К предстоящему в августе съезду РГО готовится трехтомник "Отечественные географы. 1917 — 1995 гг.", где, по словам С. Б. Лаврова, расставлены по местам основные теоретические идеи и практические достижения географов, их вклад в мировую географическую науку и нынешние результаты исследований.

Основная идея доклада заведующего кафедрой социально-экономической географии Пермского университета академика М. Д. Шарыгина — выявле-

нис закономерностей территориальной организации жизнедеятельности людей. Михаил Дмитриевич полагает, что на современном уровне познания территории основным можно считать закон общественно-географического районаобразования. Суть его заключается в объективном отражении процессов регионализации, глубинных связях природных, экономических и социальных компонентов, пространственно-временной дискретизации общества. Согласно этому закону осуществляются территориальное социально-экономическое комплексообразование, структуризация и иерархизация жизнедеятельности людей, интеграция и дифференциация всех сфер человеческого бытия, концентрация и деконцентрация экономики, участие регионов в территориальном разделении труда, формировании среды обитания населения.

В своем докладе "География и региональное управление" директор Национально-исследовательского института географии Санкт-Петербургского университета академик А. И. Чистобаев остановился на проблемах комплексного целевого программирования в развитии экономики. Концепция, программа, прогноз и стратегия развития должны, по его мнению, представлять собой единую "связку" документов от целеполагания через целевые прогнозирования к целевой реализации продукции с учетом воспроизводственного характера в производстве и потреблении, циркуляции потоков информации, инвестирования и других видов хозяйственной деятельности. Докладчик отметил необходимость послепроектного мониторинга и эколого-географической экспертизы на предмет соответствия требованиям проекта и послепроектных работ.

Эти проблемы отражены в Программе развития Ленинградской области и проекте Закона о комплексном развитии регионов, подготовленном в областной администрации.

В заключение выступил заведующий кафедрой биогеоценологии и охраны природы профессор Г. А. Воронов, который охарактеризовал экологическую ситуацию в Пермской области и напомнил, что необходимо изучить всю систему антропогенной трансформации экосистем, а не отдельные компоненты загрязнения, как это нередко происходит в нашей системе мониторинга состояния окружающей среды.

Интересная дискуссия развернулась на секционном заседании по проблемам регионального социально-экономического развития. Первый доклад В. К. Ковылова (Воронежский университет) был посвящен актуальной проблеме устойчивого развития регионов с предложением соответствующей концепции для Воронежской области. Комплексность подхода выражалась даже в профессиональной направленности выступлений. Экономический, государствоведческий, социологический, экологический и географический подходы, перелистаясь в содержании докладов, давали тот синтетический, комплексный взгляд на проблему, который так необходим в современных условиях.

Таким образом, несмотря на понимание необходимости перехода России на модель устойчивого развития, наблюдается некоторая расплывчатость в ее содержании. Корректировка проекта модели на экологическом съезде позволит выйти на следующий этап в реализации концепции — увязку региональных составляющих.

В. А. НЕЖДАНОВ,
В. Н. ПРЕСНЯКОВ,
кандидаты географических наук

ФРОЛОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (к 60-летию со дня рождения)

А. Ф. Фролов — гигиенист, организатор здравоохранения, ученый, педагог. Родился 6 сентября 1935 года в г. Фергане, мордвин. В 1959 году закончил санитарно-гигиенический факультет Киргизского медицинского института. Три года работал врачом санитарно-эпидемиологической станции Араванского района Ошской области Киргизии.

С 1962 года занимался научной работой в Киргизском НИИ эпидемиологии, микробиологии и гигиены, а затем в Киргизском институте физкультуры, где прошел путь от преподавателя гигиены, доцента до заведующего кафедрой гигиены и спортивной медицины, которую он создал (1962 — 1977 гг.). В этот период А. Ф. Фролов активно занимался научно-исследовательской работой в области гигиены физического воспитания и спорта. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию, в которой им разработаны физиолого-гигиенические обоснования к нормированию микроклимата спортивных помещений в условиях III — IV климатических районов страны, что отражено в монографии "Гигиена спортивных помещений" (Фрунзе, 1968). Одновременно он разрабатывал вопросы гигиенического обеспечения спортсменов в процессе тренировок, сборов и подготовки к соревнованиям.

А. Ф. Фролов с учениками исследовали факторы окружающей среды в местах занятий спортом; их влияние на самочувствие, здоровье, различные функциональные системы организма, работоспособность и результативность спортсменов; гигиенические приемы и методы реабилитации и восстановления спортсменов после напряженных тренировочных занятий и соревнований. При его активном участии были опубликованы "Санитарные правила устройства и содержания мест занятий по физической культуре и спорту" (М., 1978).

Его работы по гигиенической оценке микроклимата, импульсного шума, ста-

тического электричества, электрической проводимости воздуха, ионизации, освещения в спортивных помещениях получили отражение в учебных пособиях по гигиене для институтов и техникумов физической культуры, в монографиях, научных статьях. Ссылки на научные работы А. Ф. Фролова делают все ведущие гигиенисты в области физического воспитания и спорта страны, в том числе академики А. А. Минх, А. И. Сидоренко, члены-корреспонденты Академии наук Н. А. Золотов, А. П. Лаптев и другие.

Ряд лет А. Ф. Фролов был членом предметной комиссии по гигиене при Управлении учебных и научных заведений Спорткомитета СССР, руководил научно-методическим обеспечением сборных команд при подготовке к ответственным соревнованиям. Опыт этой работы отображен им в методических пособиях и рекомендациях для тренеров, спортсменов, врачей. Методические рекомендации "Профилактика неблагоприятного воздействия шума на здоровье, работоспособность и результативность спортсменов-стрелков" (М., 1985) были использованы сборными командами страны при подготовке к Олимпиаде-80.

С 1977 года по настоящее время А. Ф. Фролов работает в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева, вначале в должности профессора, а затем заведующего кафедрой общей гигиены и организации здравоохранения медицинского факультета.

Успешно защитив в 1982 году докторскую диссертацию на тему "Гигиенические аспекты повышения эффективности спортивной деятельности", А. Ф. Фролов активно включился в исследования по важнейшим научным проблемам — "Человек и свет", "Здоровье студентов", "Экология и здоровье".

Под руководством и при его непосредственном участии в Мордовии были

начаты работы по исследованию вредных производственных факторов и профилактике профессиональных заболеваний на СПО "Светотехника", ПО "Биохимик", цементном заводе. Для внедрения в практику производства им разработаны и опубликованы ряд инструкций, методических пособий по безопасности работ с применением фтора, фтористого водорода, свинцовых соединений и ртути, антибиотиков. Под его руководством были разработаны ценные для практического здравоохранения методические пособия: "Санитарно-гигиенические условия и состояние здоровья рабочих электролампового производства" (Саранск, 1994); "Оздоровление условий труда и улучшение состояния здоровья работающих на цементных заводах" (Саранск, 1991); "Медицинское и санитарно-гигиеническое обеспечение рабочих производств антибиотиков" (Саранск, 1992); "Лечение, медицинская и социально-трудовая реабилитация больных с профессиональной патологией, вызванной антибиотиками" (Саранск, 1993).

Всего им опубликовано более 200 научных работ, в том числе 10 монографий, 45 научно-методических пособий и рекомендаций для практического здравоохранения. Наряду с учебной, методической и научной работой А. Ф. Фролов активно участвует в общественной жизни университета, осуществляя большую работу по профилактике профессиональных и экологозависимых заболеваний и по внедрению физкультурно-оздоровительных и гигиенических мероприятий в Республике Мордовия, активно выступает в республиканской печати, на совещаниях медицинских работников, среди населения республики.

В профессионально-биографическом справочнике "Отечественная гигиена и организация здравоохранения в именах" (Рязань, 1992) А. Ф. Фролов характеризуется как известный специалист в области социальной гигиены, организации здравоохранения, человек широкой эрудиции и глубоких профессиональных знаний.

Важнейшие публикации доктора медицинских наук профессора А. Ф. Фролова

1. Гигиена спортивных помещений. Фрунзе: Мектеп, 1972. 136 с.
2. Санитарные правила устройства и содержания мест занятий по физической культуре и спорту. М., 1976. 100 с.
3. Строительство и эксплуатация простейших школьных спортивных сооружений в условиях Киргизии. Фрунзе: Мектеп, 1970. 22 с.
4. Глаца СНиП "Спортивные сооружения. Нормы проектирования". М., 1979.
5. За здоровый образ жизни. Саранск, 1985. 60 с.
6. Трезво о пьянстве. Саранск, 1985. 30 с.
7. Клиника, лечение и профилактика алкоголизма в молодом возрасте. Саранск, 1985. 88 с.
8. Ритмическая гимнастика для всех. Саранск, 1988. 52 с.
9. Медико-гигиеническое обеспечение студенческих строительных отрядов. Саранск, 1987. 52 с.
10. Комплексная программа "Здоровье" для населения МАССР на период 1987 — 1990 гг.
11. Комплексная программа научно-технического прогресса на 1991 — 2010 гг. Раздел "Охрана здоровья населения МАССР".
12. Новый хозяйственный механизм в здравоохранении. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. 72 с.

13. Экология и здоровье населения. Саранск, 1994. 290 с.
14. Гигиенические основы радиационной безопасности населения. Саранск, 1994. 274 с.
15. Организация медико-санитарного обслуживания в спортивных залах. Фрунзе: Мектеп, 1968. 35 с.
16. Медико-санитарное обеспечение учебно-тренировочных сборов. Фрунзе, 1972. 70 с.
17. Медицинское обеспечение спортсменов в процессе подготовки к соревнованиям. Фрунзе, 1972. 86 с.
18. Профилактика неблагоприятного влияния шума при занятиях отдельными видами спорта. Фрунзе, 1976. 30 с.
19. Роль неспецифической реактивности в повышении защитных сил организма спортсменов и прогнозировании спортивных результатов. Фрунзе, 1977. 32 с.
20. Профилактика неблагоприятного воздействия шума на здоровье, работоспособность и результаты спортсменов-стрелков. М., 1985. 25 с.
21. Методические рекомендации по рационализации освещения и благоустройства улиц г. Саранска. Саранск, 1986. 50 с.

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАНО В МОРДОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

М. М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. докл. III Сарап. междунар. Бахтинских чтений: В 2 ч. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995.

В сборник включены тезисы научных докладов участников III Сарапских международных Бахтинских чтений, проводимых в Мордовском университете в октябре 1995 года. В четырех секциях чтений участвуют представители литературоведческих и лингвистических, философских и психологических, этических, эстетических и культурологических наук из различных уголков России, ближнего и дальнего зарубежья. Сборники изданы при содействии Российского гуманитарного научного фонда и Московского отделения института "Открытое общество" (Фонд Сороса) и предназначены для широкого круга исследователей, интересующихся проблемами бахтиноведения. Научное издание снабжено оглавлением на английском языке.

ISSN 0236-2910
ВФСТН МОРД. УН-ТА. 1995. № 3. С. 1-76.